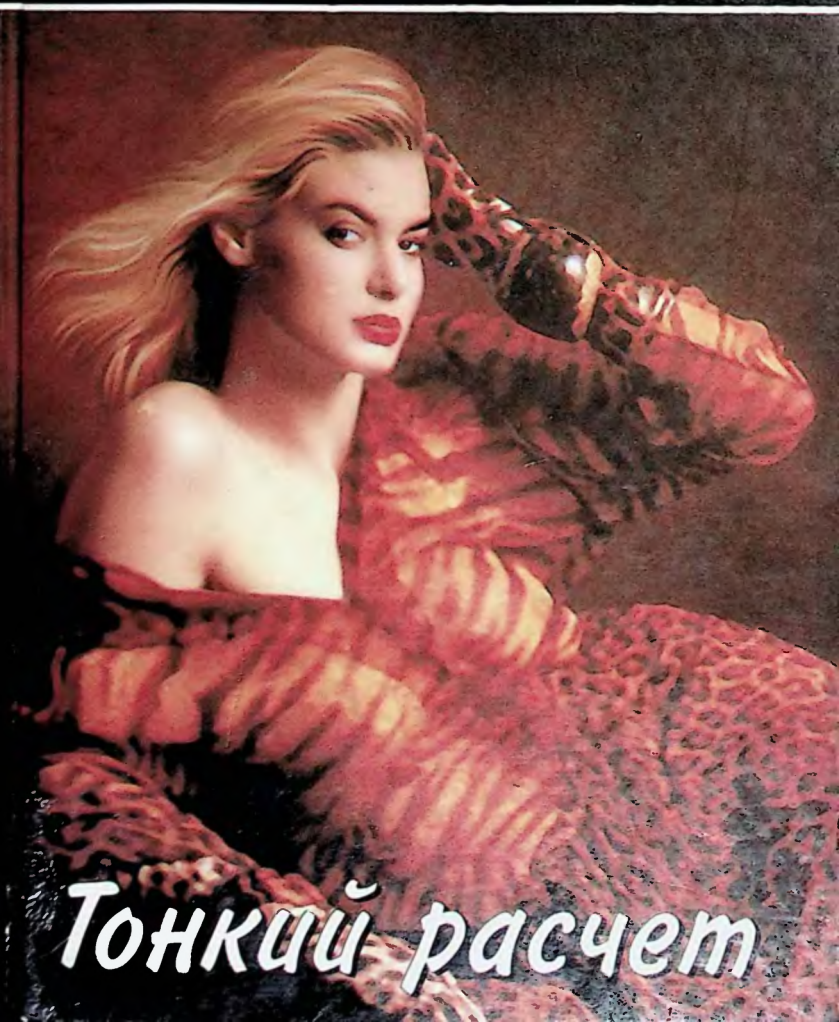

84(7000A)
III 42

Сидни ШЕЛДОН

Тонкий расчет

Sidney
SHELDON

*The Best Laid
Plans*

ШЕЛДОН

*Тонкий
расчет*

act
ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКВА
1998

УДК 820(73)-31
ББК 84(7США)
Ш42

Sidney Sheldon
THE BEST LAID PLANS
1997

*Перевод с английского Т.А.Перцевой
Серийное оформление А.А.Кудрявцева*

*В оформлении обложки использована работа,
предоставленная агентством "Томас Шлюк" (Германия)*

Печатается с разрешения автора
и его литературных агентов
Morton L.Janklow Associates, Inc. (New York)
и "Права и переводы" (Москва)

Исключительные права на публикацию книги
на русском языке принадлежат издательству АСТ.
Любое использование материала данной книги,
полностью или частично, без разрешения
правообладателя запрещается.

Шелдон С.
Ш42 Тонкий расчет: Роман/Пер. с англ. Т. А. Перцевой.— М.: ООО «Фирма «Издательство АСТ», 1998.— 416 с.

ISBN 5-237-01482-8.

У Лесли Стюарт было все - спокойная, обеспеченная жизнь, хорошая работа, успешная карьера. И любовь. Самый лучший в мире человек попросил ее стать его женой. Самый красивый, самый умный и, возможно... будущий губернатор. Но все рухнуло в один день, когда Оливер Рассел предал Лесли. Отныне целью и смыслом ее жизни стала месть...

УДК 820(73)-31
ББК 84(7США)

—
© Sidney Sheldon, 1997
© Перевод. Т.А.Перцева, 1998
ISBN 5-237-01482-8 © ООО "Издательство АСТ-ЛТД", 1998

Эта книга посвящается вам

ГЛАВА

1

Первая запись в дневнике Лесли Стюарт гласила:

«Дорогой дневник! Сегодня утром я встретила человека, за которого собираюсь выйти замуж».

Простое, оптимистичное, довольно безапелляционное утверждение. Даже самый проникательный человек не усмотрел бы в нем ни тени зловещего намека на ту цепь последующих трагических событий, которым еще только предстояло произойти.

Это был один из тех редкостных безмятежно-счастливых дней, когда дела просто не могут, не имеют права пойти наперекосья. Лесли Стюарт никогда не интересовалась астрологией, но в то утро, просматривая «Лексингтон геральд лидер», наткнулась на страницу с гороскопами какого-то

Золтера и лениво поинтересовалась, какая участь ее ожидает:

«Лев (23 июля — 22 августа). Новая луна восходит над новой любовью. Вы в самом зените лунного цикла и поэтому должны уделять самое пристальное внимание любому волнующему событию в вашей жизни. Благоприятен союз с Девой. Сегодняшний день отмечен в календаре красным числом. Никаких огорчений, никаких неприятностей. Желаем счастливых минут!»

«Счастливых минут? Хотелось бы, да вряд ли выйдет», — усмехнулась про себя Лесли. Интересно, чем один день отличается от другого? Астрология — вздор и бессмыслица, утешение для дураков, конфетка для неудачников.

Лесли Стюарт, уроженка и жительница Лексингтона, штат Кентукки, служила специалистом по рекламе и информации в рекламном агентстве «Бейли энд Томкинс» и на сегодня у нее было назначено три консультации: первая — с фирмой по производству удобрений, представители которой были в полном восторге от предложенной им кампании по презентации новой продукции. Особенно им нравилось начало куплета:

«Над полями витает розы аромат...»

Далее в ее списке значились конный завод и лексингтонская горнорудная компания. Как поэтично! Словом, ничего не скажешь, красный день календаря!

Стройная точеная фигурка, огромные, серые, чуть раскосые глаза, высокие, чуть выдающиеся скулы, длинные медово-золотистые волосы, уложенные с элегантной простотой... В свои двадцать шесть Лесли казалась редкостной экзотичной пташкой, созданием, мгновенно и ярко выделявшимся на фоне обычных и прозаических женщин. Как-то раз одна из ее подруг сказала:

— Если ты красива и к тому же наделена мозгами и достаточно тесной вагиной, этого вполне достаточно, чтобы заполучить весь мир.

Кроме завидной внешности, природа наградила Лесли еще и коэффициентом умственного развития 170, что значительно превышало средний уровень. Но сама она считала свою внешность скорее недостатком, чем достоинством. Мужчины постоянно вертелись вокруг нее, делая самые различные предложения — от руки и сердца до игристых намеков на веселенькую ночьку в постели, но лишь очень немногие действительно давали себе труд хотя бы попытаться понять, что она в действительности собой представляет. Разглядеть за безупречной оболочкой человека — чувствительного и ранимого.

Если не считать двух секретарш, Лесли была единственной женщиной в «Бейли энд Томкинс». Остальные пятнадцать служащих принадлежали к противоположному полу, и уже через пять дней Лесли поняла, что гораздо умнее любого из них.

9 Тонкий расчет

но предпочла держать при себе это не столь уж неожиданное открытие.

В самом начале ее карьеры оба партнера, и Джим Бейли, грузный, оплывший толстяк лет сорока с вкрадчивыми манерами, и Эл Томкинс, костлявый и нервный сморчок, лет на десять моложе, каждый втайне друг от друга попробовали уговорить Лесли переспать с ними. Она без всякого труда сумела отделаться от обоих, всего лишь пообещав уволиться, если такое повторится еще раз.

На этом все поползновения увяли. Такие работники, как Лесли, ценятся на вес золота.

В первую же неделю, во время короткого перерыва, когда все дружно пили кофе, девушка рассказала сослуживцам анекдот:

— Трое мужчин повстречали фею, пообещавшую исполнить любое их желание. Первый сказал: «Я хотел бы стать смекалистее на двадцать пять процентов». Фея мигнула, и мужчина воскликнул: «О, я уже чувствую, насколько прибавилось мозгов!» Второй пожелал поумнеть на пятьдесят процентов. Фея моргнула, и счастливец охнул: «Это просто чудо! Теперь я знаю то, о чем раньше не имел ни малейшего понятия!» Третий захотел стать вдвое мудрее. Фея взмахнула рукой, и мужчина превратился в женщину.

Лесли выжидающе оглядела сидевших за столом. Те недоуменно уставились на нее, не понимая, в чем соль анекдота.

Принято к сведению. Предельно ясно.

Предсказание астролога, как ни странно, начало сбываться в одиннадцать утра. В тесном захламленном кабинетике Лесли появился Джим Бейли.

— У нас новый клиент! — торжественно объявил он. — Я просил бы вас заняться им лично.

Лесли и без того выполняла больше заказов, чем любой из сослуживцев, но протестовать не имело ни малейшего смысла.

— Прекрасно, — вздохнула она. — И что это?

— Не «что», а «кто». Вы, разумеется, знаете Оливера Рассела?

Еще бы! Кто, спрашивается, не знает Оливера Рассела? Местная знаменитость — адвокат и кандидат в губернаторы. По всему Кентукки развешаны плакаты с его изображением — просто в глазах рябит! Всего тридцать пять, блестящий послужной список и самый завидный жених во всем штате! Он уже успел стать героем ток-шоу на всех крупных телестудиях Лексингтона — WDKI, WTVQ, WKYT, и самых популярных радиостанциях: WKQQ и WLRO. Неотразимо красивый брюнет с непокорными выющимися волосами, темными глазами, атлетической фигурой и теплой искренней улыбкой, Оливер, по слухам, успел перебивать в постелях всех достойных внимания жителей Лексингтона.

— Да, конечно. И что ему от нас нужно?

— Как что?! Мы, и только мы, обязаны помочь Расселу пересест в губернаторское кресло. Он уже едет сюда.

Оливер Рассел появился через несколько минут, и нужно признаться, в жизни был еще привлекательнее, чем на снимках. Протянув руку, он наградил Лесли ослепительной улыбкой.

— Я много слышал о вас. И рад, что именно вы собираетесь взять на себя мою избирательную кампанию.

Лесли представляла его совершенно другим. Как ни странно, но в Оливере чувствовалась напроць обезоруживающая искренность. Лесли от растерянности на мгновение лишилась дара речи.

— Я... спасибо. Садитесь, пожалуйста.

Оливер Рассел устроился поудобнее.

— Начнем сначала, — предложила Лесли. — Почему вы баллотируетесь в губернаторы?

— Все очень просто. Кентукки — чудесный штат, один из лучших в Америке. Нам это известно, поскольку мы как здешние уроженцы имеем счастье наслаждаться его чудесами, но в глазах большей части населения мы просто неотесанный сброд, стадо деревенских олухов. Я хочу изменить устоявшееся мнение. Кентукки может предложить людям больше, чем дюжина других вместе взятых штатов. История этой страны берет начало здесь! Именно у нас — одно из старейших зданий законодательного собрания во всей Америке! Кентукки дал Соединенным Штатам двух президентов. Это земля Дэниела Буна.

Кита Карсона* и судьи Роя Бина. А какие изумительные пейзажи — неизведанные пещеры, прозрачные ручьи, реки, поля пырея**, и я хочу показать это всему миру!

Оливер говорил так страстно, с такой глубокой убежденностью, что Лесли невольно потянуло к нему. И тут же смутно вспомнился сегодняшний гороскоп:

«Новая луна восходит над новой любовью. Никаких огорчений, никаких неприятностей. Желаем счастливых минут».

— Но кампания провалится, если вы не поверите во все это так же горячо, как я, — продолжал между тем Оливер.

— Конечно, конечно, верю, — торопливо отозвалась Лесли. Не чересчур ли поспешно? — Клянусь, я сделаю все, что в моих силах. — И, поколебавшись немного, нерешительно добавила: — Могу я кое о чем спросить вас?

— Разумеется.

— Кто вы по гороскопу?

— Дева.

После ухода Рассела Лесли направилась в кабинет Джима Бейли, чтобы поделиться впечатлениями:

* Легендарные охотники, пионеры Дикого Запада, национальные герои. Бун впоследствии был шерифом одного из округов штата Кентукки, а Карсон — агентом по делам индейцев, и сам женился на индианке племени арапахо.

** Пырейный штат — шутивное название Кентукки.

— Он мне понравился. Такой прямой и искренний. Ему действительно безразличны наши нужды. По-моему, из него выйдет настоящий хозяин штата.

Джим задумчиво покачал головой:

— Все не так-то просто.

— Неужели? Почему же? — удивленно подняла брови Лесли.

— Сам не понимаю. Тут творится что-то странное. Видели, как это начиналось — выступления на телевидении, портреты на каждом углу?

— Д-да.

— Ну так вот, все лопнуло в один миг.

— Как это «лопнуло»?

— Никому точно не известно, но поползли странные слухи. Вроде бы кто-то поддерживал Рассела, вкладывал кучу бабок в его раскрутку, а потом по неизвестной причине вышел из игры.

— В самый разгар уже почти выигранной кампании? Но это вздор, Джим! Не имеет смысла!

— Верно.

— В таком случае зачем он явился к нам?

— Хочет победить любой ценой. Думаю, он слишком честолюбив. И чувствует, что может многое изменить. Видимо, потребует от нас закончить кампанию малой кровью и с минимальными расходами. Самому ему не по карману лучшее эфирное время и роскошная реклама. Все, что мы можем для него сделать, — организовать интервью, помещать статьи в газетах, все в таком роде.

Джим вздохнул и пожал плечами:

— Губернатор Эддисон тратит на свою кампанию целое состояние. За последние две недели рейтинг Рассела полетел ко всем чертям. Просто позор! Он чертовски хороший адвокат и не раз брался за безнадежные дела. И если человек не может много заплатить, никогда не дерет с него семь шкур. Ты права, из него вышел бы неплохой губернатор.

Вечером Лесли сделала первую запись в новом дневнике:

«Дорогой дневник! Сегодня утром я встретила человека, за которого собираюсь выйти замуж».

Раннее детство Лесли Стюарт можно было с полным правом назвать настоящей идиллией. Она была необыкновенно умной для своего возраста малышкой. Отец преподавал английский в «Лексингтон коммьюнити колледж», мать не работала. Отец, красивый, представительный мужчина, мог по праву считаться истинным интеллектуалом. Кроме того, он был прекрасным семьянином — они всегда ездили отдыхать втроем и вместе путешествовали. Отец обожал Лесли, называл своей милой дочуркой, уверял, что прекраснее ее нет на свете, и не упускал случая похвалить. В его глазах дочь была самым совершенством. В тот день, когда девочке исполнилось девять, она получила в подарок от отца изумительное платье из коричневого бархата с кружевными манжетами.

Он часто просил надеть его к ужину, когда в гости приходили его друзья.

— Ну разве она не красавица? — то и дело восклицал отец. Лесли боготворила его. Но в одно страшное утро всего за какое-то мгновение волшебный теплый мир девочки был безжалостно уничтожен. Мать, заливаясь слезами, пробормотала:

— Дорогая... твой папа... ушел от нас.

— А когда вернется? — непонимающе подняла брови девочка.

— Он больше не хочет жить с нами.

Каждое слово острым ножом вонзалось в сердце Лесли.

«Это мама довела его», — решила она. Лесли было жалко мать, которой придется вынести не только позорную процедуру развода, но и борьбу за опеку над ребенком. Отец никогда не отдаст Лесли. Никогда. Он обязательно придет за ней! Но шло время, а он даже не звонил. «Ему не позволяют видаться со мной. Мать старается таким образом наказать его», — твердила себе Лесли. Но как-то ее уже немолодая тетка объяснила девочке, что никто и не собирался оспаривать права на нее. Отец Лесли влюбился в овдовевшую преподавательницу того же колледжа и переехал к ней, в дом на Лаймстоун-стрит.

Однажды, когда они отправились за покупками, мать Лесли, горько улыбаясь, показала дочери это здание.

— Вот здесь они теперь живут.

Тогда Лесли решила сама навестить отца, в полной уверенности, что, едва он увидит дочь, немедленно все бросит и вернется. В пятницу, после уроков, она отыскала дом на Лаймстоун-стрит и позвонила. Дверь открыла незнакомая девочка, ее ровесница, в коричневом бархатном платье с кружевными манжетами. Лесли потрясенно уставилась на нее. Та, в свою очередь, с любопытством оглядела незваную гостью.

— Кто ты?

Лесли повернулась и бросилась бежать.

Весь следующий год она с ужасом наблюдала, как мать все больше уходит в себя, теряет всякое желание жить. Раньше девочка считала, что «смерть от разбитого сердца» — всего лишь красивая фраза, но теперь оставалось только беспомощно смотреть, как мать медленно тает и наконец уходит в небытие. Когда ее спрашивали, отчего она умерла, Лесли неизменно отвечала:

— Сердце ее было разбито.

Именно в тот момент девочка решила, что никогда не позволит ни одному мужчине сотворить с ней такое.

После кончины матери Лесли переехала к тетке. Девочка училась в высшей школе «Брайенстейшн» и с отличием окончила университет штата Кентукки. На выпускном курсе ее выбрали королевой красоты, но девушка с неизменным упорством и удивительным отсутствием тщесла-

вия отвергала бесчисленные приглашения модельных агентств.

За время учебы у Лесли было два коротких романа: с футбольной звездой колледжа и с профессором экономики. Но и тот, и другой быстро ей надоели. Истинная же причина заключалась в том, что Лесли была куда умнее обоих.

Перед самым выпуском умерла тетка. Лесли пришлось срочно искать работу. Так она появилась в рекламном агентстве «Бейли энд Томкинс», размещавшемся на Вайн-стрит в подковообразном кирпичном здании с медной крышей и фонтаном во дворе.

Джим Бейли, старший партнер, придирчиво изучив резюме Лесли, кивнул:

— Весьма впечатляюще. Вам повезло. У нас только что уволилась секретарь.

— Секретарь? Я надеялась...

— Что, простите?

— Ничего.

Она действительно некоторое время проработала секретарем и, стенографируя на совещаниях, постоянно боролась с желанием предложить что-то свое, новое и остроумное, чтобы заказчики действительно сумели выжать все из заказанной рекламы. Как-то один из служащих объявил, что придумал превосходный рисунок для этикетки продукции мясоперерабатывающей компании «Ранчо Биф Чили»:

— Изобразим на банках ковбоя, набросившего лассо на корову. Сразу станет ясно, что говядина свежая, и...

«Какой кошмар!» — подумала Лесли. Присутствующие недоуменно уставились на девушку, и та, к собственному ужасу, сообразила, что высказалась вслух.

— Не будете ли так добры объяснить понятнее, юная леди?

— Я...

Господи, провалиться бы куда-нибудь! Хоть в ад!

Но все терпеливо выжидали. Лесли глубоко вздохнула:

— Многие люди едят мясо, но при этом не любят, когда им напоминают, что они питаются трупами животных.

Последовало мертвенное молчание. Наконец Джим Бейли неловко откашлялся.

— Возможно, стоит еще немного поразмыслить над рисунком.

На следующей неделе, пытаясь решить, как лучше рекламировать новое туалетное мыло, другой сотрудник предложил пригласить победительниц конкурса красоты.

— Прошу извинить, — робко вмешалась Лесли, — но все это уже было, и не раз. Почему бы нам не задействовать симпатичных стюардесс из разных стран и не показать этим, что наше мыло покупают во всем мире?

После этого у мужчин вошло в привычку на каждом совещании спрашивать о мнении Лесли.

Уже через год ей начали доверять составление рекламных проспектов, а спустя еще два Лесли стала самостоятельно выполнять заказы. Однако до сих пор девушке не поручали таких сложных дел, как работа с кандидатом в губернаторы. Прошло две недели, прежде чем Оливер Рассел снова появился в офисе. За это время Джим Бейли успел посоветоваться с Лесли, не лучше ли отказаться от невыгодного клиента, поскольку тот не в состоянии оплатить услуги агентства, но девушка убедила босса не делать этого.

— Считайте это нашим благотворительным взносом, — посоветовала она.

— Ладно, — немного подумав, кивнул Джим.

Прохладным осенним днем Лесли и Оливер Рассел сидели на скамейке в Трайенгл-парке. С озера дул легкий ветерок, неяркое солнце играло на желто-багряных листьях.

— Ненавижу политику, — признался Оливер Рассел. Лесли удивленно подняла брови:

— Но зачем же тогда вы...

— Потому что хочу изменить насквозь прогнившую систему, в которой главная роль отведена крупным корпорациям и подкупленным ими лоббистам, помогающим привести к власти угодных им людей, ничтожных марионеток, чтобы легче было дергать за нужные ниточки. А я так

много хочу сделать, — страстно убеждал он. — Люди, правящие этой страной, превратили ее в собственную вотчину, преследуют свои, личные интересы, а на народ им наплевать. Поэтому я и хотел бы сломать и переделать все это.

Слушая Оливера, Лесли почему-то все больше убеждалась, что именно он способен выполнить все предвыборные обещания. В нем чувствовалась некая скрытая сила, готовая ежеминутно вырваться на волю, неотразимо покорявшая окружающих. Наверное, он обладал тем, что принято называть харизмой. И если уж быть честной, Лесли боялась признаться даже себе в том, насколько волнует ее этот человек. Она никогда не испытывала ничего подобного ни к одному мужчине и теперь, кажется, была готова потерять голову. Но как он относится к ней? По крайней мере до сих пор Оливер вел себя как истинный джентльмен и ни разу ничего себе не позволил, черт бы его побрал! Кроме того, каждую минуту кто-нибудь подходил к скамейке, чтобы пожать Оливеру руку и пожелать удачи. Женщины пронзали Лесли откровенно злобными взглядами.

«Вполне возможно, все они бегали на свидания с ним. И успели побывать в его постели, — думала Лесли. — Ну что ж, в конце концов, это не мое дело».

Она слышала, что в последнее время Оливер встречался с дочерью сенатора. Интересно, почему они разошлись?

«И это тебя не касается, дура несчастная!»

Не было смысла отрицать, что кампания Оливера терпит оглушительный провал. Денег не было даже на жалованье персоналу штаба, не говоря уже о телевидении, радио и прессе. Где уж тут состязаться с нынешним губернатором Кэри Эддисоном, плакатами которого был оклеен весь Кентукки! Лесли договорилась о выступлениях Оливера на пикниках компаний, заводах, благотворительных вечерах и концертах, прекрасно понимая при этом, насколько ничтожны результаты ее усилий, и это угнетало девушку.

— Видели последние результаты общественного опроса? — спросил Лесли Джим Бейли. — Ваш малыш уже на помойке. Финиш! С ним все кончено.

Ну уж нет! Она из кожи вон вылезет, но добьется своего!

Лесли и Оливер ужинали в «Чену».

— Ничего не выходит, верно? — тихо спросил Оливер.

— У нас еще куча времени, — успокоила Лесли. — Как только избиратели узнают вас лучше...

Оливер покачал головой.

— Я тоже видел результаты опроса. Поверьте, Лесли, я знаю, что вы пытались свернуть для меня горы, но что тут попишешь? Вы и так делали все, что могли, и даже больше.

Лесли не могла оторвать от него взгляда.

«Он самый лучший человек на свете, а я даже не в силах ничем ему помочь...»

Ей хотелось обнять его, прижать к себе, утешить.

«Утешить? Кому ты паришь мозги?»

Они уже собрались уходить, когда у стола появились мужчина, женщина и две маленькие девочки.

— Оливер! Как дела? — спросил привлекательный незнакомец лет сорока с черной повязкой на глазу, придававшей ему залихватский вид киношного пирата.

Оливер поднялся и протянул руку:

— Привет, Питер. Знакомьтесь. Лесли Стюарт. Лесли, это Питер Тейгер.

— Рад встрече, Лесли. Это моя жена Бетси и дочери, Элизабет и Ребекка, — с невероятной до смешного гордостью объяснил Питер и, сочувственно хлопнув Оливера по плечу, добавил: — Мне ужасно жаль, дружище. Просто позор, как с тобой обошлись. Мне чертовски не хотелось делать этого, но выхода не было.

— Понимаю, Питер, и не обижаюсь.

— Если потребуется моя помощь...

— Уже не имеет значения. Я в полном порядке

— Клянусь, я от всей души желаю тебе удачи

По пути домой Лесли, не удержавшись, спросила:

— О чем это он?

Оливер начал было говорить, но тут же осекся:

— Не важно. Проехали.

Лесли жила в чистенькой однокомнатной квартирке в Брендиуайне — одном из районов Лексингтона. Проводив ее до подъезда, Оливер нерешительно пробормотал:

— Лесли, я понимаю, что ваше агентство почти ничего с меня не имеет, но откровенно говоря, вы зря тратите время. Лучше, пожалуй, нам сразу же распрощаться и забыть обо всем.

— Нет! — вскрикнула девушка с неожиданной для себя горячностью. — Вы не имеете права останавливаться на полпути. Мы найдем какой-нибудь выход. Все получится, вот увидите!

Оливер пристально посмотрел на нее.

— Вам и вправду не все равно?!

«Кажется, я придаю слишком большое значение этому вопросу. Осторожнее, Лесли, так недолго и выдать себя».

— Верно, — спокойно согласилась она, — но так уж вышло.

Они поднялись наверх. У самой двери Лесли глубоко вздохнула, словно набираясь смелости перед прыжком в воду:

— Не хотите зайти?

Оливер долго молчал, прежде чем кивнуть.

После она так и не смогла понять, кто сделал первый шаг. Помнила только, как они с лихорадочной поспешностью срывали друг с друга одеж-

ду и она оказалась в его объятиях. В их слиянии было нечто первобытно-дикое, но нетерпеливо-исступленные ласки вскоре перетекли в медленные, томительные, сводящие с ума. Древний, как сама вселенная, экстатический ритм изматывающего наслаждения... Такого Лесли еще не доводилось испытывать.

Они провели вместе всю ночь. Волшебную. Магическую. Колдовскую. Оливер был ненасытен, требуя и отдавая полной мерой, брал ее снова и снова. Зверь. Хищный неумолимый зверь, наконец-то закогтивший жертву.

«О, Боже, я тоже стала животным», — почти бессознательно твердила себе Лесли всю эту долгую, нескончаемую, безумную ночь.

Утром, за завтраком, состоявшим из апельсинового сока, омлета, тостов и бекона, Лесли сообщила:

— В пятницу на Грин-Ривер-лейк должен быть пикник. Там соберется куча народу, и я постараюсь договориться о твоём выступлении, Оливер. Мы купим время на радио и дадим объявление, чтобы как можно больше людей узнали об этом. Тогда можно будет...

— Лесли, — запротестовал Оливер, — у меня просто нет денег.

— Об этом не волнуйся! — жизнерадостно со-
срала она. — Агентство заплатит.

Девушка прекрасно понимала, что Джим скорее удавится, чем отдаст хоть цент на явно безна-

дежное предприятие. Ничего, она обойдется своими. А Бейли скажет, что деньги пожертвовал один из сторонников Рассела. А вот это чистая правда. Она пойдет на все, чтобы помочь ему.

На пикник приехало человек двести, и Оливер произнес поистине блестящую речь:

— Половина людей в этой стране не приходят на избирательные участки. У нас самый низкий процент голосующих в мире — меньше пятидесяти. И если хотите изменить сложившееся положение — знайте, все зависит от вас. Поверьте, это не столько долг, сколько большая честь. Привилегия, доступная лишь настоящим патриотам. Уже недалек день выборов. И не важно, проголосуете ли вы за меня или за моего соперника. Самое главное — ваше участие в выборах.

Ему устроили овацию.

Лесли делала все возможное, чтобы Оливер как можно чаще появлялся на публике. Он перерезал красные ленточки на открытии детской клиники и нового моста, посещал собрания женских клубов и профсоюзных организаций, благотворительные вечера и дома для престарелых. Однако его рейтинг продолжал падать. Но Оливер держался мужественно и еще ухитрялся выкраивать время для встреч с Лесли. Они катались в старомодной коляске по Трайенгл-парку, бродили по блошиному рынку, ужинали в ресторанчике «А-ля Люси». Он дарил ей цветы на День

Сурка* и другие праздники и оставлял страстные послания на ее автоответчике:

«Дорогая, где ты? Я тоскую, тоскую, тоскую по тебе».

«Я безумно влюблен в твой автоответчик. Не представляешь, как сексуально он звучит!»

«По-моему, быть таким счастливым просто неприлично. Но я люблю тебя. Люблю».

Лесли было все равно, куда ее ведет Оливер. Лишь бы быть вместе. Одним из самых волнующих приключений стал спуск на плоту по реке Рассел-Фок. Плавание началось вполне благопристойно, и все было хорошо, пока они не добрались до того места, где река делала огромную петлю, огибая подножие гор. Громадные валуны образовали десятки водопадов, многие из которых оказались головокружительно опасными. Расстояние между ними не превышало длины плота, и каждое падение происходило все с большей высоты. Пять футов... восемь... девять...

Путешествие продолжалось три с половиной часа. Лесли и Оливер сошли на землю насквозь промокшие, радуясь уже тому, что остались в живых.

Оба не могли оторваться друг от друга. Страсть разгоралась все сильнее. Они занимались любовью везде, где можно было остаться наедине, — в

* 2 февраля считается праздником начала весны.

заброшенной хижине, в лесу, на заднем сиденье его автомобиля.

Как-то ранним осенним вечером Оливер готовил ужин в своем очаровательном домике в Версале, небольшом городке неподалеку от Лексингтона. Сегодня он намеревался подать на стол жаренные на гриле бифштексы под соевым соусом, печеный картофель, салат и чудесное красное вино.

— Ты изумительный повар, — удивлялась позже Лесли, нежно прильнув к нему. — Правда, ты великолепен во всем, за что ни возьмешься.

— Спасибо, любимая, — рассеянно пробормотал Оливер. — Кстати, у меня для тебя небольшой сюрприз. Хочу, чтобы ты попробовала это.

Он исчез в спальне и через минуту появился с маленьким флаконом, в котором плескалась прозрачная жидкость.

— Вот, выпей.

— Что это?

— Слышала когда-нибудь об «экстази»*?

— То есть как это — «слышала»? Мне просто стыдно признаться, что последнее время я не выхожу из этого состояния.

— Нет, я имею в виду новый наркотик. Это жидкий «экстази». Говорят, потрясающий афродизиак.

Лесли нахмурилась.

*. Модный на дискотеках и среди рокеров наркотик — сильный возбуждатель.

— Дорогой, зачем тебе какой-то афродизиак? Нам он ни к чему! Кто знает, что это за гадость и как он действует? А вдруг это опасно? — И, помявшись, все-таки спросила: — Ты часто его употребляешь?

— Собственно говоря, впервые, — рассмеялся Оливер. — Успокойся, любимая. Улыбнись. Просто один из приятелей дал его мне и посоветовал попробовать.

— Пожалуй, не стоит. Лучше выброси его. Хорошо?

— Конечно, раз ты просишь.

Он вышел в ванную, и Лесли услышала шум воды в унитазе.

— Вот и все! — объявил Оливер с широкой улыбкой. — Кому нужен экстаз в пузырьке, когда у меня есть все, что надо, да еще в такой шикарной упаковке?

И он подхватил ее на руки.

Лесли прочла немало любовных романов, слышала сотни песен, но ничто не могло сравниться с невероятной, неправдоподобной, ошеломляющей реальностью. Она всегда считала лирику сентиментальной чепухой, несбыточными грезам восторженных глупышек. Но лишь теперь понял как жестоко ошибалась. Мир заиграл радужными красками, будто вдруг настал вечный праздник. Магическая палочка доброго волшебника коснулась унылого серого кокона, в который до сих пор сознательно заключала себя Лесли, и имя этого волшебника было Оливер Рассел.

Субботним утром Оливер и Лесли гуляли в Брейкс-Интерстейт-парке, наслаждаясь покоем и чудесными пейзажами. Доцветали последние цветы, с деревьев бесшумно планировали осенние листья.

— Я никогда раньше не ходила по этой тропе, — призналась Лесли.

— Думаю, тебе понравится.

Впереди виднелся крутой поворот. Обогнув холмик, Лесли потрясенно замерла. Посреди дорожки на вбитом в землю кольшке красовалась деревянная табличка с чуть кривоватой надписью:

«Лесли, ты выйдешь за меня?»

Сердце девушки бешено заколотилось. Окончательно потеряв дар речи, она обернулась к Оливеру. Он крепко обнял ее.

— Ну так как же?

Неужели на свете бывает подобное счастье?

Лесли сцепила руки за спиной Оливера и что было сил стиснула его:

— Да, милый. Ну конечно, да!

— Боюсь, не могу пообещать, что станешь женой губернатора, зато я чертовски хороший адвокат!

— С меня и этого довольно, — шепнула Лесли, прильнув к нему.

Несколько дней спустя, когда Лесли уже переодевалась, чтобы ехать ужинать с Оливером, зазвонил телефон.

— Дорогая, ужасно жаль, но у меня плохие новости. Срочная деловая встреча. Придется отменить ужин. Простишь меня?

— Что же еще остается? — притворно вздохнула Лесли.

Назавтра, пробегая глазами «Стейт джорнэл», девушка наткнулась на зловещий заголовок:

В РЕКЕ КЕНТУККИ НАЙДЕНО
ТЕЛО ЖЕНЩИНЫ

Как ни странно, девушка не смогла оторваться, пока не дочитала до конца.

«Сегодня рано утром полицейские вытащили из реки, в десяти милях к востоку от Лексингтона, обнаженный труп молодой женщины. На вид несчастной около двадцати лет. Следователь назначил вскрытие для установления причин гибели...»

Лесли передернуло. Умереть такой юной! Был ли у нее любовник? Муж? Какое счастье сознавать, что ты жива, счастлива и любима!

Казалось, весь Лексингтон только и судачил о предстоящей свадьбе. Как во всех небольших городках, здесь мгновенно становилось известно все и всем, а кроме того, Оливер Рассел считался местной знаменитостью. От этой пары было невозможно отвести взгляд — темноволосый краса-

вец Оливер, а рядом золотоволосая Лесли с изумительной фигурой и личиком сказочной принцессы. Новость распространилась, как лесной пожар.

— Надеюсь, он понимает, как ему повезло, — буркнул Джим Бейли.

— Нам обоим повезло, — улыбнулась Лесли.

— Собираетесь сбежать и тайком обвенчаться?

— Нет, Оливер хочет, чтобы все было, как полагается. Торжественная церемония в церкви Калвери-Чейпл.

— И когда произойдет это счастливое событие?

— Через полтора месяца.

В очередной заметке репортер «Стейт джорнэл» сообщал: «В утонувшей женщине опознана Лайза Бернетт, секретарь суда. При вскрытии выяснилось, что она погибла от чрезмерной дозы опасного запрещенного наркотика, известного под названием «жидкий экстази».

«Жидкий экстази». Лесли вспомнила тот вечер с Оливером. Господи, как хорошо, что она уговорила его выбросить эту гадость!

Следующий месяц прошел в последних лихорадочных приготовлениях к свадьбе. Сколько же всего нужно было успеть! Разослать две сотни приглашений. Выбрать одежду для подружек на свадьбе. Составить меню обеда. Позаботиться о приданом. Свой подвенечный наряд Лесли купи-

ла в «Фейетт Молл» на Николасвилль-роуд: длинное до пола платье с широкой юбкой и длинным шлейфом, туфли в тон на высоких каблуках и длинные перчатки.

Оливер заказал черную визитку с брюками в полоску, серый жилет, белоснежную сорочку и ас-котский галстук* и попросил сослуживца-адвоката быть его шафером.

— Наконец-то все готово, — облегченно вздохнул Оливер в один прекрасный день. — Я договорился о свадебном приеме. Кстати, почти все приняли приглашение.

Лесли вздрогнула, как от озноба.

— Не знаю, дорогой, как вытерплю последние несколько дней!

В четверг, за неделю до свадьбы, Оливер во-рвался в квартиру Лесли.

— Черт подери, милая, понимаю, все это крайне некстати, но у моего клиента огромные неприятности. Придется лететь в Париж и все улаживать.

— Париж? Но как долго тебе придется там пробыть?

— Не больше двух-трех дней, в крайнем случае четыре. У нас еще куча времени.

— Попроси пилота не лихачить.

— Обещаю.

* Полосатый галстук с широкими, как у шарфа, концами.

После ухода Оливера Лесли взяла газету и лениво отыскивала глазами гороскоп Золтера.

«Лев (23 июля — 22 августа). Сегодня не рекомендуются никакие изменения в планах. Рисковать — означает обречь себя на серьезные проблемы».

Лесли со сжавшимся сердцем перечитала жирные строчки. Ей смертельно хотелось позвонить Оливеру и попросить его остаться — пусть даже на день. Нет, это чистый вздор. Сходить с ума из-за дурацкого гороскопа? Какая чужь!

К понедельнику Лесли вся извелась — от Оливера не было ни слуху ни духу. Она звонила в его контору, но никто ничего не знал. Во вторник Лесли, вне себя от беспокойства, в панике металась по комнате. Проведя без сна почти всю ночь, девушка наконец забылась, но почти немедленно раздался пронзительный телефонный звонок. Лесли вскинулась и слепо зашарила по ночному столику в поисках аппарата. Слава Богу, это Оливер! Спыхватился все-таки! Конечно, стоило бы хорошенько отругать его за то, что едва не уморил ее, но сейчас это уже не важно. Лесли судорожно стиснула трубку.

— Оливер...

И услышала незнакомый мужской голос:

— Это Лесли Стюарт?

Девушку обдало ледяным холодом.

— Кто... кто это?

— Эл Тауэрс, Ассошиэйтед Пресс. Телетайп только что передал интересное сообщение, мисс Стюарт, и мы хотели бы узнать ваше отношение к тому, что произошло.

Случилось что-то ужасное. Оливер погиб.

— Мисс Стюарт, вы меня слышите?

— Да, — выдавила девушка.

— Не могли бы мы получить ваше заявление?

— Заявление?

— По поводу женитьбы Оливера Рассела на дочери сенатора Тодда Дэвиса.

Комната бешено завертелась перед глазами, и девушка зажмурилась, чтобы не упасть в обморок.

— Вы и мистер Рассел, кажется, были помолвлены, не так ли? Мы хотели бы напечатать ваше мнение по поводу...

Лесли словно окаменела.

— Мисс Стюарт!

Непослушный язык тяжело ворочался во рту.

— Да. Я... я желаю им счастья.

Она осторожно положила трубку. Это кошмар. Дурной сон. Вот сейчас она проснется и поймет, что все осталось по-прежнему.

Только она не спит. Ее снова бросили. Второй раз в жизни.

«Отец не вернется».

Лесли механически, словно лунатик, прошагала в ванную и уставилась на свое мертвенно-бледное отражение в зеркале.

«Телетайп только что принес интересное сообщение». Оливер женился на другой. Почему? Что Лесли ему сделала? В чем изменила?

Но где-то в самом дальнем уголке души девушка понимала: настоящий предатель — Оливер. Он ушел навсегда. И как теперь жить с этим?

В агентстве при виде Лесли сослуживцы смущенно отводили глаза. Девушка направилась прямо к Джиму Бейли. Тот, неловко поехившись, пробормотал:

— Вам не стоило приходить сегодня, Лесли. Почему бы не поехать домой, немного отдохнуть...

Лесли набрала в грудь побольше воздуха.

— Нет, благодарю вас. Со мной все в порядке.

Газеты и выпуски теле- и радионовостей в мельчайших подробностях расписывали свадьбу в Париже. Сенатор Тодд Дэвис, вне всякого сомнения, был самым влиятельным лицом штата, и история о романе его дочери с Оливером Расселом, бросившим ради нее красавицу Лесли Стюарт, стала сенсацией недели. Телефоны в кабинете Лесли разрывались от звонков.

— Это «Курьер джорнэл», мисс Стюарт. Не могли бы вы сделать заявление по поводу...

— Да, конечно. Единственное, что меня волнует больше всего, — счастье Оливера Рассела.

— Но вы и он собирались...

— Наш брак был бы ошибкой. Дочь сенатора Дэвиса вошла в его жизнь задолго до моего появ-

ления. Я не питаю никакой обиды и хочу, чтобы они жили дружно и счастливо.

— Это «Стейт джорнэл», из Франкфорта...

И так далее и тому подобное.

Лесли казалось, что одна половина Лексингтона жалеет ее, а вторая злорадствует. Где бы она ни появлялась, люди поспешно обрывали разговор, а потом долго перешептывались за ее спиной. Но она была полна свирепой решимости не выказывать своих чувств.

— Как вы могли позволить ему поступить так...

— Если вы любите кого-то по-настоящему, — твердо отвечала Лесли, — значит, хотите ему добра. Оливер Рассел самый лучший человек на свете. Он заслужил право на счастье.

Она послала открытки с извинениями всем приглашенным на свадьбу и вернула подарки.

Лесли и ждала, и боялась звонка Оливера, и все же, когда это произошло, позорно растерялась. Звуки знакомого родного голоса оказались таким ужасным потрясением, что у девушки перехватило горло.

— Лесли... Не знаю, что сказать.

— Это правда?

— Да.

— Тогда что тут можно сказать?

— Я просто хотел объяснить, как все произошло. Еще до того, как мы с тобой встретились,

Джан и я были почти помолвлены. И, увидев ее снова, я понял... понял, что все еще люблю.

— Понимаю, Оливер. Прощай.

Еще через пять минут позвонила секретарь.

— С вами хотят поговорить, мисс Стюарт.

Первая линия.

— Я не желаю ни с кем...

— Это сенатор Дэвис.

Отец новобрачной. Что ему от нее нужно?

Лесли раздраженно схватила трубку.

— Мисс Стюарт? — осведомился с сильным южным акцентом невидимый собеседник.

— Слушаю.

— Я сенатор Дэвис. Думаю, нам не мешает по-толковать с глазу на глаз.

— Сенатор, — нерешительно начала Лесли, — вряд ли...

— Я заеду за вами через час.

Послышались короткие гудки.

Ровно через час к зданию подкатил лимузин. Водитель вышел и почтительно открыл дверцу для Лесли. Сенатор Дэвис расположился на заднем сиденье. Ничего не скажешь, представительный мужчина, с копной серебряных волос и маленькими аккуратными усиками. Настоящий патриарх, отец семейства, типичный государственный деятель. Даже сейчас, осенью, он, как всегда, был одет в белоснежный костюм, служивший ему отличительным знаком и визитной кар-

точкой, и белую широкополую шляпу из итальянской соломки. Классический образец джентльмена-южанина, словно каким-то образом сумевшего перенестись из прошлого века в наши дни.

— Вы очень красивы, — заметил он, подождав, пока Лесли устроится рядом.

— Благодарю вас, — сухо бросила она.

Лимузин тронулся.

— Я имел в виду не только внешность, мисс Стюарт. За последние дни мне не раз приходилось слышать, как достойно вы повели себя в этой крайне неприятной ситуации. Должно быть, вы очень страдаете. Я сам долго не мог поверить, что это правда.

Сенатор, по-видимому, был вне себя от гнева.

— Господи, да неужели в наше время не осталось порядочных людей? Что случилось с таким понятием, как моральные принципы?! По правде говоря, мне омерзителен человек, посмевавшийся сотворить с вами подобное. И я готов убить Джан за то, что она выбрала в мужья подобного типа. Я каким-то образом чувствую себя виноватым, лишь потому, что она моя дочь. Думаю, они друг друга стоят!

Он сжал кулаки, задыхаясь от возмущения. Некоторое время оба молчали. Наконец Лесли осмелилась заговорить:

— Я знаю Оливера. И уверена, он не хотел меня так больно ранить. Теперь уже поздно сожалеть. Значит, этому суждено было случиться. Мне ничего от него не нужно. Он заслуживает всего

самого лучшего, и я не собираюсь становиться у него на дороге.

Сенатор пристально оглядел Лесли и недоуменно покачал головой.

— Такого благородства я не ожидал. Вы поистине необыкновенная женщина.

Машина остановилась. Лесли выглянула из окна. Они успели добраться до Париж-Пайк, местечка в Кентукки-Хорс-Сентр, пригорода Лексингтона, где находилось больше сотни конезаводов. Самые крупные принадлежали сенатору Дэвису. Насколько хватало глаз, до самого горизонта тянулись бесконечные дощатые изгороди, белые паддоки, обведенные красными полосами, загоны и волнующиеся под ветром пырейные луга.

Лесли и сенатор вышли из машины, направились к скаковому кругу и несколько минут постояли, любуясь великолепными животными.

— Я простой человек, — тихо сказал наконец Дэвис. — Знаю, это, должно быть, странно звучит, но, поверьте, так оно и есть. Я родился здесь и мечтал провести в этих местах всю жизнь. В мире ничего лучше нет. Оглянитесь, мисс Стюарт. Можно ли осуждать меня за нежелание расставаться с родиной? Недаром Марк Твен говаривал, что в тот момент, когда настанет конец света, он хотел бы оказаться в Кентукки, потому что здешние жители отстали от остальной цивилизации на двадцать лет. Мне пришлось полжизни проторчать в Вашингтоне, и я ненавижу этот город.

— В таком случае зачем вам все это?

— Существуют такие понятия, как долг и взятые на себя обязательства. Наш народ послал меня в сенат, и пока я не потерял доверия избирателей, приходится стараться и делать все, что в моих силах.

И, резко сменив тему разговора, он пояснил:

— Не могу выразить, как восхищаюсь вашей порядочностью. Вы вели себя безупречно. И даже не представляете, какой гнусный скандал разразился бы, брось вы кость этой оголтелой своре репортеров. Ваше великодушие безгранично. И я... словом, мне бы хотелось как-то выразить свою благодарность.

Лесли насторожилась.

— Возможно, вы решите ненадолго уехать, отдохнуть, побывать в других странах, повидать мир. Я, естественно, возьму на себя все...

— Пожалуйста, не стоит.

— Я только...

— Знаю. Я не знакома с вашей дочерью, сенатор Дэвис, но если Оливер любит ее, должно быть, она действительно прекрасный человек. Надеюсь, они будут счастливы.

— Вероятно, вам не сказали, что они возвращаются сюда, — неловко пробормотал сенатор. — Гражданская церемония прошла в Париже, но Джан хочет венчаться в Лексингтоне.

Еще один удар в сердце.

— Понимаю. Что же, это ее право. Но им не о чем беспокоиться.

— Спасибо.

Венчание состоялось две недели спустя, в церкви Калвери-Чейпл, той самой, где должны были произнести брачные обеты Лесли и Оливер. В церкви яблоку негде было упасть. Оливер, Джан и сенатор Дэвис стояли у алтаря перед священником. Джан Дэвис, привлекательная статная брюнетка с пышными формами и безупречными манерами, так и лучилась счастьем.

Священник торжественно произносил слова венчального обряда:

— Господь повелел мужчине и женщине сочетаться священными узами брака и идти по жизни рядом...

Церковная дверь распахнулась, и на пороге появилась Лесли Стюарт. Немного послушав, она направилась к последнему ряду скамей, но осталась стоять.

— И если кому-то из присутствующих известна причина, по которой эта пара не может быть соединена священными узами брака, пусть произнесет это сейчас или да хранят его уста...

Подняв голову, он увидел Лесли и запнулся.

— ...вечное молчание...

Головы присутствующих стали одна за другой поворачиваться к девушке. Гости начали перешептываться, по-видимому, ожидая душераздирающей сцены. В воздухе повисло почти ощутимое напряжение.

Священник выждал положенные несколько минут и нервно откашлялся:

— В таком случае властью, данной мне Господом, объявляю вас мужем и женой.

В голосе бедняги слышалось нескрываемое облегчение.

— Можете поцеловать новобрачную.

Когда святой отец снова поднял глаза, Лесли уже исчезла.

Последняя запись в дневнике Лесли Стюарт:

«Дорогой дневник! Свадьба была просто чудесной. Невеста Оливера такая хорошенькая! И на ней было прелестное платье из белого кружева и атласа, с лифом и жакетом-болеро. Оливер выглядел еще красивее, чем всегда, и, кажется, очень счастлив. Я довольна. Пусть радуется, пока может.

Потому что, прежде чем я разделаюсь с ним, он горько пожалеет о том, что вообще родился на свет».

ГЛАВА

2

Именно сенатор Тодд Дэвис постарался устранить все препятствия к браку дочери с Оливером Расселом.

Тодд Дэвис — вдовец, мультимиллиардер, владелец табачных плантаций, угольных шахт, нефтяных месторождений в Оклахоме и на Аляске, конезаводов, где выращивались лучшие скаковые лошади во всей Америке, руководитель группы большинства в сенате, был к тому же одним из самых влиятельных людей в Вашингтоне и переизбирался вот уже на пятый срок.

Главный жизненный принцип Дэвиса был крайне прост: никогда не забывай добра, никогда не прощай зла. Он гордился своим чутьем и способностями безошибочно выбирать победителей, как на скаковом кругу, так и в политике, и поэтому решил поставить на Оливера Рассела, считая его восходящей звездой. Возможная женитьба Оливера на его дочери была в глазах Тодда всего лишь неожиданным, хотя и дополнительным пре-

имуществом, и все шло прекрасно, пока Джан, в припадке оскорбленной гордости, не повела себя как набитая дура, сразу и бесповоротно порвав с женихом.

Слухи о скорой свадьбе Оливера Рассела и Лесли Стюарт сенатор посчитал огорчительными. Весьма огорчительными, чтобы не сказать больше...

Впервые сенатор познакомился с Расселом, когда тому довелось улаживать для него какие-то незначительные деловые затруднения. Уже тогда он сумел произвести на Дэвиса огромное впечатление. Умен, образован, красив плюс к тому прекрасно подвешенный язык и мальчишеское обаяние, как магнитом притягивавшее людей. Сенатор пригласил Оливера на обед. За столом велась самая обычная, ни к чему не обязывающая беседа, и молодой адвокат даже не подозревал, как скрупулезно оценивались каждое его слово и жест.

Месяц спустя Тодд послал за Питером Тейгером.

— Думаю, мы нашли будущего губернатора, — сообщил он.

Питер был по натуре серьезным, надежным и богобоязненным человеком, выросшим в глубоко религиозной семье. Отец преподавал историю, мать вела хозяйство, и оба были ревностными прихожанами. Когда Питеру было одиннадцать, в машине, где ехал он с родителями и младшим бра-

том, отказали тормоза. Погибли все, кроме него, но мальчик липился глаза.

С того дня Питер непоколебимо уверовал: Все-вышний пощадил его, чтобы он нес людям слово Божье. Но мечте подростка не суждено было сбыться. Природа наградила его совершенно необычным талантом — Питер разбирался в тонких механизмах сложной машины, называемой политикой, лучше любого самого прожженного политика. Он нюхом чуял, где именно и каким образом можно раздобыть недостающие голоса, интуитивно понимая, что именно хотят услышать и от чего шарахаются избиратели. Но еще важнее для сенатора было то обстоятельство, что этому человеку он мог довериться безоговорочно и полностью, не боясь удара в спину. Питер был, что называется, цельной натурой и умел расположить к себе людей. Черная повязка, которую он никогда не снимал, как ни странно, делала его совершенно неотразимым. Но он не обращал внимания на женщин. Для Тейгера на всем белом свете существовали только жена и дочери. Сенатор еще не встречал человека, который так гордился бы своей семьей.

Когда-то, давным-давно, Питер готовился стать священником.

— Столько людей нуждаются в помощи, сенатор, — твердил он Дэвису. — Я хочу сделать для них все, что в моих силах.

Но Тодду все-таки удалось отговорить Питера.

— Поймите же, работая со мной в сенате, вы сумеете добиться куда большего для всей страны, — втолковывал он, и в конце концов тот согласился. Как показало дальнейшее; лучшего выбора Дэвис не мог сделать. Тейгер безошибочно знал, на какую кнопку нажать, чтобы колеса завертелись в нужную сторону.

— Кандидат, которого я намереваюсь поддержать, — Оливер Рассел.

— Адвокат?

— Да. Он прирожденный лидер. Готов побиться об заклад, что с нашей поддержкой он обойдет нынешнего губернатора на целый корпус.

— Звучит интересно, сенатор.

И мужчины принялись увлеченно обсуждать детали.

Вечером, за ужином, сенатор как бы невзначай заметил дочери:

— У этого парня блестящее будущее, солнышко.

— И бурное прошлое, папа. Первый донжуан во всем городе. Не пропускает ни одной юбки.

— Ну же, дорогая, не стоит верить сплетням. Я пригласил Оливера к нам на ужин в пятницу.

Пятничный вечер прошел блестяще. Оливер был неотразим, и Джан, сама того не желая, почувствовала, как ее тянет к нему. Сенатор ни на

минуту не оставлял их одних и незаметно направлял беседу, задавая вопросы, которые помогли бы выставить Оливера в лучшем свете. На прощание Джан пригласила Рассела на вечеринку в следующую субботу, и тот с радостью согласился.

С того вечера молодые люди начали встречаться.

— Они скоро поженятся, — предсказал Тодд Питеру. — Пора запускать в ход избирательную кампанию Оливера.

Рассела срочно пригласили в офис сенатора.

— Я хочу кое-что узнать, — начал Дэвис. — Как вы смотрите на то, чтобы стать губернатором Кентукки?

Оливер от неожиданности потерял дар речи.

— Я... я об этом не думал, — пролепетал он наконец.

— Зато мы с Питером все обдумали. Выборы назначены на следующий год. Времени вполне достаточно, чтобы все организовать и дать людям лучше вас узнать. С такой поддержкой, как наша, вы просто не имеете права проиграть.

Оливер прекрасно понимал, какая удача выпала на его долю. Именно такие люди, как сенатор, правят бал и делают политику в этой стране и обладают достаточной властью, чтобы создать миф, идеальный имидж идеального патриота или уничтожить всякого, кто встанет на их пути.

— Вам придется целиком посвятить себя делу и работать день и ночь, — предупредил сенатор.

— Я готов.

— У меня далеко идущие планы на тебя, сынок. Насколько мне представляется, это всего лишь первый шаг. Прослужишь один-два срока губернатором, и, обещаю, мы сумеем протолкнуть тебя в Белый дом.

Оливер судорожно сглотнул.

— Вы... вы это серьезно?

— В подобных вещах шутки неуместны. Не стоит лишний раз напоминать, что в наш век телевидения возможно все. У тебя есть то, что нельзя купить за деньги, — харизма. Неотразимое обаяние. Ты принимаешь в людях живое участие, искренне сочувствуешь их бедам, и каждый видит это. Такими качествами обладал и покойный Джек Кеннеди.

— Просто не знаю, что и сказать, Тодд.

— Не нужно ничего говорить. Завтра я должен лететь в Вашингтон, а когда вернусь, начнется настоящая работенка.

Верный своему слову, сенатор Дэвис сделал все, чтобы раскрутить избирательную кампанию. Штат буквально наводнили плакаты и постеры с портретами Оливера. Он появлялся на телевидении, митингах, собраниях, политических семинарах. У Питера всегда были наготове собственные,

нигде не публикующиеся результаты общественного опроса, показывающие, что популярность Оливера увеличивается с каждым днем.

— Мы получили еще пять процентов, — сообщал Тейгер сенатору. — Всего на десять процентов отстаем от губернатора, а времени у нас хоть отбавляй. Еще несколько недель, и они пойдут голова в голову.

— Оливер должен выиграть, — кивнул сенатор. — Во что бы то ни стало.

Подождав, пока дочь спустится к завтраку, сенатор осторожно поинтересовался:

— Ну как, наш мальчик еще не сделал предложения?

— Пока нет, — улыбнулась Джан, — все ходит вокруг да около.

— Пожалуй, не стоит слишком затягивать. Не держи его в напряжении — я хочу, чтобы вы поженились, прежде чем он станет губернатором. В глазах избирателей женатый кандидат всегда выглядит надежнее. Это еще один дополнительный фактор успеха.

Джан обвела стол и нежно прижалась к отцу.

— Как хорошо, что ты познакомил нас! Я просто без ума от него!

— Дорогая, самое главное для меня — твое счастье, — просиял сенатор.

Все шло как по маслу.

На следующий вечер, приехав домой, Дэвис обнаружил заплаканную дочь, лихорадочно бросающую вещи в чемодан.

— Что случилось, беби? — встревожился отец.

— Я немедленно уезжаю отсюда, и чем скорее, тем лучше. И больше никогда в жизни не желаю видеть твоего Оливера!

— погоди! Придержи коней! О чем это ты?

— О твоём любимчике, — с горечью бросила Джан. — Прошлую ночь он провел в мотеле с моей лучшей подружкой. Эта дрянь едва дождалась утра, чтобы позвонить и расписать во всех подробностях, какой он великолепный любовник!

Потрясенный сенатор не находил слов.

— А может, она из зависти...

— Нет. Я звонила Оливеру. У него не хватило смелости соврать. Больше мне здесь нечего делать. Я лечу в Париж.

— Ты уверена, что правильно...

— Абсолютно.

На следующий день Джан покинула страну. Сенатор немедленно послал за Оливером.

— Ты разочаровал меня, сынок. Не ожидал от тебя такого.

Оливер тяжело вздохнул.

— Мне очень жаль, Тодд, — растерянно бормотал он, — но сами понимаете, как... как это бывает. Немного выпил, девчонка сама вешалась на меня... какой мужчина откажется от того, что само в руки плывет?

— Верно, — сочувственно кивнул Дэвис. — В жизни всякое случается.

Оливер облегченно заулыбался.

— Клянусь, сенатор, такого больше не повторится. Поверьте...

— Поздно, парень. А жаль. Из тебя получился бы губернатор что надо.

Кровь отхлынула от лица Рассела.

— О чем вы, Тодд?

— Сам посуди, Оливер, как бы это выглядело, если бы я продолжал поддерживать тебя? Подумай о чувствах Джан...

— Но какое отношение имеют выборы к Джан? Одно другого не...

— Я всем расписывал, какая это удача, что будущий губернатор станет еще и моим зятем. Но поскольку между вами все кончено... что ж, придется подумать о новых планах.

— Да образумьтесь, Тодд! Не можете же вы...

Улыбка сенатора каким-то образом стала напоминать оскал.

— Никогда не смей указывать мне, что делать, Оливер. Я тебя создал, я и уничтожу! — Оскал, как и волшебству, вновь превратился в улыбку. — Но пойми меня правильно, никакой неприязни, никаких обид с моей стороны. Прощай. И желаю всего хорошего.

— Понимаю, — немного помолчав, выдавил Оливер и поднялся. — Я... я очень сожалею.

— И я тоже, Оливер. Даже не представляешь как.

Едва за Оливером закрылась дверь, сенатор вызвал Тейгера.

— Мы сворачиваем кампанию.

— Сворачиваем? Но почему? Мы на коне. Дело в шляпе. Последний опрос...

— Не суетись, Питер. Делай, как тебе велено. Отмени все выступления Оливера. Считай, что он сошел с круга.

Еще две недели спустя рейтинг Рассела начал неуклонно снижаться. Плакаты постепенно исчезли, на радио и телевидении словно забыли о существовании Оливера.

— Губернатор Эддисон начинает набирать очки. Если мы хотим выставить нового кандидата, нужно поторопиться, — озабоченно доложил Питер. Но сенатор задумчиво покачал головой:

— Времени еще достаточно. Тише едешь — дальше будешь.

Именно тогда Оливер в отчаянии обратился в рекламное агентство. Джим Бейли познакомил его с Лесли, и Рассел влюбился с первого взгляда. Редкостное сочетание красоты, ума и души неотразимо влекло его. Кроме того, девушка искренне верила в Оливера и была безгранично ему преданна. В Джан временами чувствовалась некоторая отчужденность, но Оливер старался не обращать на это внимания. Зато Лесли была совершенно

другой — теплой, искренней и нежной. Но все-таки иногда Оливер невольно жалел об утерянных возможностях.

«Это только первый шаг. Прослужишь один-два срока губернатором, и, обещаю, мы сумеем протолкнуть тебя в Белый дом».

«К чертям собачьим все несбыточные мечты! Я и без того буду счастлив», — убеждал себя Рассел. И все равно время от времени его изводили мысли о том, что уже никогда не сбудется.

Узнав о предстоящем венчании, сенатор спешно вызвал Питера Тейгера.

— Питер, у нас серьезные проблемы. Мы не можем позволить Оливеру Расселу пустить по ветру свою карьеру ради какого-то ничтожества.

— Не представляю, что тут можно сделать, сенатор, — нахмурился Питер. — О свадьбе уже объявлено.

Дэвис на мгновение задумался.

— Заезд еще не объявлен, верно? И сигнал к старту не дан.

Он велел секретарю соединить его с дочерью.

— Джан, у меня неприятные новости. Оливер женится.

Последовало долгое молчание.

— Я... слышала.

— И хуже всего, что он не любит эту женщину. Сам признался мне, что женится из отчаяния, потому что не знал, куда деться, когда ты его бросила. Он все еще влюблен в тебя.

— Оливер сам говорил это?
— Клянусь. Он непоправимо искалечит свою жизнь. И как ни крути, а именно ты вынуждаешь его пойти на это, крошка. Когда ты сбежала, он просто голову потерял.

— Отец... я... даже не представляла...
— На него смотреть страшно.
— Но как же мне быть?
— Ты любишь его?
— Да, и всегда буду любить. Кажется, я сделала ужасную ошибку. Сама себя наказала!

— Ну же, выше голову! Может, еще не все потеряно!

— Но он женится.
— Солнышко, почему бы нам не выждать немного? Время покажет. Возможно, он еще образумится.

Не успел Дэвис повесить трубку, как Питер возбужденно вскочил:

— Что это вы задумали, сенатор?
— Я? — с самым невинным видом удивился тот. — Ничего. Просто пытаюсь склеить разбитый горшок. Кто знает, как все обернется? Кстати, думаю, сейчас самая пора потолковать с Оливером по душам.

Сенатор не привык откладывать дела в долгий ящик, и уже в полдень Оливер Рассел появился в его кабинете.

— Рад видеть тебя, Оливер. Спасибо, что нашел время заехать. Выглядишь прекрасно.

— Благодарю, сенатор, то же самое можно сказать и о вас.

— Старость — не радость, сынок, старость — не радость, но, думаю, еще немного поскриплю.

— Вы зачем-то хотели меня видеть, Тодд?

— Да, сынок. Садись.

Оливер нехотя повиновался.

— У меня возникли небольшие проблемы, и потребовалась помощь адвоката. Думаю, ты сумеешь мне помочь. Одна из моих парижских компаний на грани краха. Уже назначено собрание акционеров. Я просил бы тебя присутствовать на нем и уладить все, что возможно.

— С удовольствием. Когда собрание? Я сверюсь со своим расписанием, попытаюсь выкроить время...

— Боюсь, придется лететь прямо сегодня.

— Сегодня? — тупо повторил Оливер.

— Прости, что пришлось побеспокоить тебя в последний момент, но я сам только что узнал об этом. Мой самолет уже заправлен и ждет в аэропорту. Поверь, все это крайне важно для меня. Тебе удастся вырваться?

— Попытаюсь что-нибудь сообразить. — задумчиво протянул Оливер.

— Я знал, что могу на тебя рассчитывать, сынок. И поверь, очень ценю твое внимание, — кивнул Дэвис и, подавшись вперед, доверительно прибавил: — Знаешь, мне не даёт покоя все, что с тобой произошло. Видел последние результаты опроса? Кажется, для тебя все потеряно.

— Знаю.

— Я не переживал бы так, если бы... — Дэвис осекся.

— Если бы?

— Из тебя действительно получился бы прекрасный губернатор. И вообще, редко кому выпадает возможность сделать такую карьеру. У тебя было бы все: богатство... власть. Позволь мне кое-что объяснить, Оливер. Деньги обладают способностью легко менять хозяев и даются в руки каждому — деревенский олух может сорвать куш в лотерее, дебил — получить огромное наследство, бандит — ограбить банк. Но власть... власть нечто совершенно иное. Имеющий ее получает во владение весь мир. Стань ты губернатором штата, получишь право влиять на судьбы каждого здешнего обитателя. От тебя зависит, чтобы прошел тот или иной законопроект, который, по твоему мнению, может облегчить или усложнить жизнь людей. Когда-то я обещал сделать тебя президентом Соединенных Штатов и сдержал бы слово. Подумай об огромной власти, которую ты получил бы, став главой самой могущественной страны мира. О таком стоит мечтать, верно? Только представь себе: твои возможности безграничны. Ты можешь все. Все на свете.

Оливер молча слушал, гадая, что нужно от него сенатору. И тот, словно в ответ на невысказанный вопрос, продолжал:

— И лишиться всего этого ради какой-то сучонки! Я считал, что ты умнее, сынок.

Оливер насторожился.

— Сегодня я позвонил Джан, — как бы между прочим заметил сенатор. — Она в Париже. Остановилась в отеле «Ритц». Когда я сказал, что ты женишься, она... она не выдержала и разрыдалась.

— Я уже говорил, Тодд, мне очень жаль. Надеюсь, когда-нибудь она сумеет меня простить.

— Неужели между вами действительно все кончено? — вздохнул сенатор. — Просто поверить не могу.

— Тодд, на следующей неделе моя свадьба.

— Знаю. И ни в коем случае не собираюсь вмешиваться. Наверное, я старый сентиментальный болван, но брак для меня — самое священное, что есть на свете. Благословляю от всей души, Оливер.

— Еще раз благодарю, сенатор.

— Ну что же, ничего не поделаешь.

Дэвис взглянул на часы.

— Тебе еще нужно успеть захватить домой и сложить вещи. Повестка заседания, суть дела и необходимые подробности будут переданы в Париж по факсу.

Оливер поднялся.

— Ладно. И не волнуйтесь, я обо всем позабочусь.

— Не сомневаюсь. Кстати, я заказал тебе номер в «Ритце».

Верный своему слову, сенатор приготовил для Оливера свой личный «Челленджер». Сидя в рос-

кошном салоне, Оливер перебирал в памяти разговор с сенатором.

«Из тебя действительно получился бы прекрасный губернатор... Редко кому выпадает возможность сделать такую карьеру... Имеющий власть получает во владение весь мир... Стань ты губернатором этого штата, получишь право влиять на судьбы каждого, кто живет здесь...»

«Но мне не нужна эта власть, — убеждал себя Оливер. — Нет. Я женюсь на чудесной женщине. Мы сумеем сделать друг друга счастливыми. Очень счастливыми».

В парижском аэропорту Ле-Бурже его уже ожидал лимузин.

— Куда прикажете, мистер Рассел? — спросил водитель.

«Кстати, я заказал тебе номер в «Ритце»... Джан живет в «Ритце». Наверное, лучше было бы остановиться в другом отеле, «Плаза-Атене» или «Мерисе». Или...»

Водитель выжидающе поглядывал на него.

— «Ритц», — велел Оливер. Он до сих пор не удосужился извиниться перед Джан. Будет лучше объясниться с ней раз и навсегда.

Он позвонил ей из вестибюля.

— Привет, Джан, это Оливер. Я в Париже.

— Знаю. Отец предупредил.

— Я внизу. И хотел бы зайти поговорить. Если ты...

— Поднимайся.

Он постучал в дверь и вошел, мучительно подбирая нужные слова. Но Джан, не давая Оливеру раскрыть рта, бросилась ему на шею и поцеловала.

— Как я рада, что ты согласился прилететь!

Оливер окончательно растерялся. Так или иначе, придется сказать правду о Лесли, но как лучше сделать это, не обидев Джан?

«Я не хотел, чтобы это случилось... Не думал ранить тебя... Я полюбил другую... но всегда...»

— Я должен кое-что сказать тебе, — запинаясь, начал он. — Дело в том...

И глядя на Джан, такую красивую, уверенную в себе, со вкусом одетую, он снова вспомнил напутственные слова ее отца.

«Когда-то я обещал сделать тебя президентом Соединенных Штатов и сдержал бы слово. Подумай об огромной власти, которую ты получил бы, став главой самой могущественной страны мира. О таком стоит мечтать, верно?»

— В чем, дорогой?

И слова сами слетели с языка, словно помимо его воли, словно кто-то другой говорил вместо Оливера.

— Я так наказан, Джан. Каким же идиотом я был! Я люблю тебя. Пожалуйста, будь моей женой.

— Оливер!

— Ты выйдешь за меня?

— Да, любимый! — не колеблясь, выпалила Джан. — Конечно, да!

Он подхватил ее на руки, понес в спальню, и через минуту они, голые, сплелись в объятиях на широкой кровати.

— Ты не представляешь, как я тосковала по тебе, дорогой.

— Я сходил с ума...

Джан прижалась к нему еще крепче и просто-на-ла:

— О Боже, я не вынесу этого... умираю... как чудесно...

— Потому что мы предназначены друг для друга:

Оливер внезапно сел.

— Давай сообщим обо всем твоему отцу.

— Сейчас? — изумленно пробормотала Джан.

— Именно.

«А мне придется объясняться с Лесли».

Джан едва дождалась, пока ее соединят с отцом:

— Оливер и я решили пожениться.

— Девочка моя, я на седьмом небе от счастья!

Кстати, мэр Парижа — мой давний друг. Он ждет твоего звонка. И немедленно поженит вас. Я постараюсь обо всем договориться...

— Но...

— Передай трубку Оливеру.

— Секунду, папочка. Оливер, папа хочет поговорить с тобой.

— Да, Тодд?

— Ну что же, мальчик мой, ты молодец! И поступил, как надо! Я очень рад.

— Спасибо, я тоже.

— Я думаю, вам лучше пожениться в Париже. А когда вернетесь домой, устроим грандиозное венчание в Калвери-Чейпл.

Оливер мучительно нахмурился:

— Калвери-Чейпл? Вряд ли... по-моему, лучше не стоит, Тодд. Мы с Лесли собирались... Почему бы не...

— Ты опозорил мою дочь на весь город. Оливер, — холодно бросил сенатор. — И, надеюсь, постарайся загладить все обиды, что причинил ей. Я прав?

Последовало долгое молчание.

— Да, Тодд. Разумеется.

Гражданская церемония заняла всего несколько минут. Выйдя из мэрии, Джан робко сказала:

— Отец хочет, чтобы мы обвенчались в Калвери-Чейпл.

Рассел поколебался, представив, как, должно быть, страдает Лесли. Стоит ли ранить ее еще больше? Но он зашел слишком далеко, чтобы отступить.

— Хорошо, дорогая.

Но несмотря ни на что, он так и не смог забыть о Лесли. Она ничем не заслужила такого унижения. Несколько раз Оливер пытался позвонить ей, но каждый раз клал трубку. Что он может объяснить? Как оправдаться? И не находил ответа. Наконец Рассел все-таки набрался мужества, но оказалось, что пресса уже несколько дней безжалост-

но терзает девушку, и от этого он почувствовал себя еще большим подлецом.

После возвращения новобранных в Лексингтон избирательная кампания Оливера вновь набрала силу. Питер Тейгер пустил в ход все возможные приемы и уловки, и Оливер стал почти ежедневно выступать по радио и телевидению. Репортеры из кожи вон лезли, восхваляя нового перспективного кандидата, газетчики почитали за честь взять у него интервью. Он произносил речи перед толпой собравшихся в Кентукки-Киндом-Трил-парке и на заводе «Тойота» в Джорджтауне. Пожимал руки будущим избирателям на площади в Ланкастере. И это было только началом.

Нанятый Питером автобус провез Оливера и сотрудников его штаба по всему Кентукки, из Джорджтауна в Стенфорд и Франкфорт... Версаль... Винчестер... Луисвилль...

Оливер появлялся в кентуккийском выставочном центре и на ярмарке. В его честь был устроен банкет, где подавали бергу — местное блюдо — рагу из кур, телятины, говядины, баранины, свинины и свежих овощей, тушенных вместе в огромном котле на костре.

Рейтинг Оливера продолжал повышаться. Он не появился на публике только в день свадьбы. При виде Лесли у него от страха душа ушла в

пятки. Однако все обошлось. После он, запинаясь, спросил у Питера:

— Как по-твоему, Лесли способна мстить?

— Конечно, нет! А даже если бы и хотела, что она может сделать? Забудь о ней.

Оливер решил, что Тейгер прав. Теперь все препятствия устранены. Нет никаких причин тревожиться. Ничто не встанет у него на пути. Ничто и никто.

В ночь выборов Лесли Стюарт сидела перед телевизором, ожидая подсчета голосов. Оливер отвоевывал у соперника город за городом. Наконец, за пять минут до полуночи, на экране появился губернатор Эддисон, чтобы произнести заключительную речь, в которой признавал поражение и поздравлял своего преемника. Лесли выключила телевизор, встала и глубоко вздохнула.

Не плачь, моя красавица!
Развеем лучше скуку
И вместе песенку споем
О доме милом и родном,
В далеком голубом Кентуки*.

Время настало. Пора.

* Стихи даны в переводе Е.Ф. Левиной.

ГЛАВА

3

Сегодня у сенатора Тодда не было ни единой свободной минуты. Он прилетел из столицы в Луисвилль на один день, чтобы поучаствовать в конском аукционе. Только в этом городе на продажу выставлялись самые чистопородные лошади в стране.

— Самое главное — сохранять безупречную родословную и чистоту крови, — пояснял он Тейгеру, не отрывая взгляда от большой арены, на которую одного за другим выводили великолепных животных. Наконец при виде красавицы кобылки сенатор оживился: — Это Далекий Парус. Вот ее я и куплю.

Начались оживленные торги, но уже минут через десять лошадка перешла в собственность Дэвиса. Зазвонил сотовый телефон. Тейгер поднес его к уху, послушал и обернулся к сенатору.

— Будете говорить с Лесли Стюарт?

Дэвис поморщился и неохотно взял протянутую трубку.

— Мисс Стюарт?

— Простите, что беспокою вас, сенатор Дэвис, но не могли бы вы уделить мне немного времени? Я прошу о небольшом одолжении.

— Видите ли, сегодня вечером мне нужно лететь в Вашингтон, так что...

— Может, мы могли бы поговорить прямо в аэропорту? Это очень важно для меня.

Сенатор нерешительно замаялся:

— Ну... что ж, если вы так просите, я, конечно, попробую что-то сделать, юная леди. Сейчас я отправляюсь на свою ферму. Хотите, встретимся там?

— Конечно.

— Жду вас через часок.

— Спасибо.

Дэвис отключил телефон и обернулся к Питеру:

— Кажется, я ошибся в девчонке. Думал, у нее больше мозгов. Ей следовало бы потребовать денег до того, как Джан и Оливер поженились.

И тут, что-то сообразив, медленно расплылся в улыбке.

— Будь я проклят!

— О чем это вы, сенатор?

— До меня только сейчас дошло, к чему такая спешка! словно ей хвост прищемили! Мисс Стюарт неожиданно обнаружила, что залетела от Оливера, и нуждается в небольшой финансовой поддержке. Самый старый трюк в мире, со времен царя Соломона! Но меня не проведешь, я на таких штуках собаку съел!

Ровно час спустя Лесли подъехала к воротам Дач-Хилл, фермы Дэвиса. У дома уже топтался охранник.

— Мисс Стюарт?

Лесли кивнула.

— Сенатор Дэвис ждет вас. Сюда, пожалуйста.

Широкий коридор привел их к дверям большой, отделанной панелями библиотеки, забитой книгами. Сенатор, устроившись за письменным столом, перелистывал огромный том. При появлении Лесли он вскинул глаза и учтиво встал.

— Рад видеть вас, дорогая. Садитесь, пожалуйста.

Лесли уселась. Сенатор поднял фолиант повыше:

— Посмотрите-ка, что у меня есть! Замечательная штука! Что-то вроде справочника. Здесь перечисляются имена победителей Кентукки-дерби*, всех до единого. Знаете, кто был самым первым?

— Нет, разумеется.

— Аристид, в 1875-м. Но вы, конечно, приехали не затем, чтобы рассуждать о лошадях. Насколько я понял, речь идет о каком-то одолжении?

Интересно, как она начнет выкручиваться?

«...я только сейчас поняла, что у меня будет ребенок от Оливера, и совсем растерялась... Не хотелось бы устраивать скандал, но... Я не соби-

* Известные скачки на кубок Кентукки.

раюсь избавляться от ребенка, но при моем жалованье...»

— Вы знакомы с Генри Чеймберсом? — неожиданно спросила Лесли.

Сенатор Дэвис, застигнутый врасплох, лишь недоумевающе захлопал глазами.

— Знаю... Генри? При чем тут... Естественно. Но зачем?

— Я была бы крайне благодарна, если бы вы порекомендовали ему меня.

Сенатор ошеломленно уставился на нее, пытаясь собраться с мыслями.

— Именно в этом и заключается ваша просьба? Хотите познакомиться с Генри Чеймберсом?

— Именно.

— Но, боюсь, он здесь больше не живет, мисс Стюарт. Переехал в Финикс, штат Аризона.

— Знаю. Я тоже улетаю туда, потому что просто не могу больше оставаться в Лексингтоне, и подумала, что было бы неплохо иметь там хоть одного знакомого. Как-то страшновато оказаться без родных и друзей в чужом городе.

Сенатор Дэвис молча всматривался в девушку. Интуиция хитрого матерого хищника подсказывала, что тут что-то неладно, но что именно?

— Вы что-нибудь знаете о Генри Чеймберсе? — осторожно спросил он наконец, боясь промахнуться.

— Нет. Только то, что он уроженец Кентукки.

Сенатор лихорадочно пытался сообразить, стоит ли соглашаться.

«Красивая девушка. Ну что тут может быть опасного? Генри придет в восторг!»

— Хорошо, я позвоню.

Он потянулся к телефону и набрал номер.

— Генри? Это Тодд. С прискорбием сообщая, что сегодня утром купил лошадку. Да, Далекий Парус. Знаю, ты положил на нее глаз, но надеюсь, не станешь держать камень за пазухой.

Послушав немного, он рассмеялся.

— Вот именно. Я слышал, ты недавно развелся. Жаль. Джессика — настоящая леди, ничего не скажешь. Она всегда мне нравилась. — Поболтав еще несколько минут, сенатор перешел к делу: — Генри, у меня для тебя приятный сюрприз. Моя приятельница завтра переезжает в Финикс. Она не знает там ни единой души, и я буду крайне признателен, если ты присмотришь за ней... Как она выглядит?

Он оценивающе осмотрел Лесли и улыбнулся.

— Не так уж и плохо. Только не разевай рот слишком широко. И не бери ничего в голову. — И, обернувшись к Лесли, прошептал: — Когда прибывает ваш самолет?

— Без десяти три. Рейс 159 компании «Дельта».

Сенатор передал Генри слова Лесли и добавил:

— Ее зовут Лесли Стюарт. Ты еще не раз поблаговаришь меня за нее. Ну, до встречи, дружище. Береги себя. Созвонимся.

— Спасибо, — выдохнула Лесли.

— Могу я еще что-нибудь сделать для вас?

— Нет. Больше я ни о чем не попрошу.

«Почему? Какого дьявола понадобилось Лесли Стюарт от Генри Чеймберса?»

Даже в самых страшных кошмарах Лесли представить не могла, какую изощренную публичную пытку ей придется терпеть каждый день. В конце концов, сотни помолвленных пар то и дело ссорятся и расходятся навсегда без особого шума, но скандал с несостоявшейся свадьбой будоражил весь Лексингтон. Люди почему-то всегда беспощадны именно к брошенным женщинам. И Лесли не стала исключением. Где бы она ни появлялась, змеиные языки мгновенно начинали шипеть.

— Вот она! Та самая! Он оставил ее едва ли не у алтаря...

— Я сохранила свадебное приглашение на память...

— Интересно, куда она денет подвенечное платье?

Временами боль становилась нестерпимой, а унижение — невыносимым. Лесли больше никогда не сможет доверять ни одному мужчине. Никогда. Единственным, хотя и слабым утешением были мечты о том, что в один прекрасный день она заставит Оливера Рассела заплатить за все, что он с ней сделал. У нее пока не было никаких планов. За Оливером стоит сенатор Дэвис, а его поддержка означает могущество и деньги. Значит, выход один — стать еще богаче, еще могущественнее. Но как? Как?!

Инаугурация проходила в городском саду Франкфорта, столицы штата, рядом с громадными, затейливыми цветочными «часами». Джан гордо стояла бок о бок с Оливером, пока новоявленный губернатор приносил присягу. Если он поведет себя правильно, кто знает, может, и в самом деле следующей ступенькой станет Белый дом? Отец по крайней мере заверил ее в этом. И Джан была готова пойти по трупам, лишь бы это сбылось. Ничто не должно стать на их пути. Ничто.

После церемонии Оливер с тестем заперлись в великолепной библиотеке Экзекютив Мэнпш, губернаторской резиденции, величественного здания, скопированного с Малого Трианона — виллы Марии Антуанетты неподалеку от Версальского дворца.

Сенатор оглядел роскошно обставленную комнату и удовлетворенно усмехнулся.

— Все будет хорошо, сынок. Верь мне. Такого губернатора в Кентукки еще не бывало.

— Я всем обязан вам, — искренне признался Оливер. — И никогда этого не забуду.

Сенатор Дэвис решительно отмахнулся:

— Брось, Оливер. Ты здесь, потому что как никто заслуживаешь этого. Ну да, конечно, пришлось немного подтолкнуть события, но это толь-

ко начало. Я слишком давно занимаюсь политической, сынок, и многому успел научиться.

Он выжидающе уставился на Оливера, и тот послушно кивнул:

— Вы ведь поделитесь со мной, Тодд, верно?

— Видишь ли, многие люди не понимают главного, — объяснил Дэвис. — Дело не в том, кого ты знаешь, главное и основное — что именно тебе известно о знакомых и друзьях. У любого найдется свой скелет в шкафу. От тебя требуется одно — вытащить его на свет Божий, и тогда... Ты не представляешь, с какой радостью они пойдут на все, лишь бы помочь тебе. Я случайно узнал, что один из конгрессменов провел год в психушке. Другой подростком отбывал срок в исправительной колонии за воровство. Представляешь, что будет с ними и их карьерой, если все выплывет наружу? Но все это льет воду на нашу мельницу.

Сенатор открыл дорогой кожаный портфель, вынул стопку бумаг и передал Оливеру.

— Здесь все о тех, с кем тебе придется иметь дело в Кентукки. Весьма влиятельные люди, но у каждого своя ахиллесова пята. — И неожиданно весело хмыкнул: — Особенно чувствительна эта самая пята у мэра. Он трансвестит.

Оливер ошеломленно листал досье.

— Только держи все в сейфе, слышишь? Это чистое золото.

— Не волнуйтесь, Тодд. Я буду крайне осторожен.

— И вот что еще, сынок, — не дави слишком сильно на людей, от которых тебе что-то нужно, иначе они просто сломаются. Гораздо разумнее согнуть их немного, подчинить своей воле. Кстати, как у тебя дела с Джан? Не ссоритесь?

— Что вы, Тодд! Все прекрасно! — поспешно, слишком поспешно ответил Оливер, хотя в общем-то не солгал. В его представлении это был удачный брак по расчету и лишь от него зависело, чтобы он не распался. Оливер никогда не забудет полученный урок, когда один неосторожный опрометчивый поступок, дурацкая прихоть, едва не погубил его.

— Вот и чудненько. Надеюсь, ты понимаешь, как важно для меня счастье Джан.

Это прозвучало явным предостережением, которого не стоило игнорировать.

— И для меня тоже, — заверил Оливер.

— Кстати, как ты относишься к Питеру Тейгеру?

— Прекрасный человек! Просто неоценимый! Не знаю, что бы делал без него.

— Рад слышать это, — кивнул сенатор. — Лучше тебе никого не найти. Я решил, что он временно поработает с тобой. Только Питер сумеет уберечь тебя от ошибок и выстелить тебе дорожку.

— Здорово! — расплылся в улыбке Оливер. — Я вам крайне признателен, Тодд.

Дэвис поднялся.

— Ну что же, пора обратно, в Вашингтон. Дашь мне знать, если что-то понадобится.

— Спасибо, Тодд, обязательно.

После ухода тестя Оливер попытался разыскать Тейгера.

— Он в церкви, губернатор, — ответила горничная.

— Верно! Я и забыл, что сегодня воскресенье! Ничего, увидимся завтра.

Питер с семьей каждое воскресенье бывал в церкви и три раза в неделю посещал двухчасовые службы. Оливер в чем-то завидовал ему. Возможно, потому, что счастливее человека еще не встречал.

Утром в понедельник Питер явился в губернаторский кабинет.

— Что-то случилось, Оливер?

— Я попрошу вас кое о чем, но это сутоубо личное.

— Сделаю все, что могу, — кивнул Питер.

— Мне нужна квартира.

Питер с шутливым недоумением обвел глазами огромную комнату.

— Это место слишком тесное для вас, губернатор?

— Дело не в этом, — пробормотал Оливер, не сводя пристального взгляда с Питера. — Иногда мне нужно встретиться кое с кем наедине. Не стоит, чтобы об этом знали. И нежелательно лишний раз попадаться на глаза. Надеюсь, вы меня понимаете?

Последовало неловкое молчание.

— Да, — наконец выдавил Питер.

— Что-нибудь на окраине города. Вы сумеете найти подходящий уголок?

— Вероятно.

— Надеюсь, это останется между нами.

Питер, явно смущенный, поежился и глубоко вздохнул. Однако это не помешало ему немедленно связаться с Вашингтоном.

— Оливер попросил меня нанять ему квартиру для интимных встреч, сенатор.

— Уже? Способный мальчик, далеко пойдет. Быстро усваивает правила, Питер, быстро усваивает. Учится на ошибках. Сделай, как велено. Только позаботься, чтобы Джан не узнала.

И, немного подумав, сенатор добавил:

— Отыщи ему домик на Индиан-Хиллз. С отдельным входом.

— Но это просто ни в какие ворота...

— Питер, не спорь. Так надо.

ГЛАВА

4

Как ни странно это звучит, но Лесли нашла ответ на терзавшие ее вопросы в двух не имеющих ни малейшего отношения друг к другу статьях. На первой странице «Лексингтон геральд лидер» красовалась передовица, изобилующая неумеренными восхвалениями в адрес губернатора Оливера Рассела. В последнем абзаце как бы вскользь упоминалось о том, что никто из достойных граждан не удивится, если в один прекрасный день Оливер Рассел займет высокий пост президента Соединенных Штатов.

В столбце хроники на другой странице сообщалось:

«Генри Чеймберс, бывший наш земляк и житель Лексингтона, чья лошадь Молния выиграла кубок Кентукки-дерби пять лет назад, развелся со своей третьей женой Джессикой. В настоящее время Чеймберс переехал в Финикс, где стал владельцем и издателем газеты «Финикс стар».

Пресса. Вот она, истинная власть! Катарина Грэм и ее «Вашингтон пост» уничтожили, растоптали, превратили в ничто самого президента*.

И в этот момент Лесли осенила гениальная идея. Следующие два дня она постаралась узнать о Генри Чеймберсе все, что можно. В «Интернете» обнаружилась довольно интересная информация. Чеймберс, пятидесятипятилетний филантроп, унаследовал огромное состояние от отца, табачного короля, и посвятил всю свою жизнь тому, чтобы пустить эти деньги по ветру. Но Лесли нуждалась не в его богатстве. Ее интересовало совсем другое: Генри издает газету и, если верить заметке, в третий раз стал холостяком, следовательно, на него можно открыть охоту.

После разговора с сенатором Лесли немедленно отправилась к Джиму Бейли:

— Джим, мне очень жаль, но я увольняюсь.

Тот сочувственно закивал:

— Конечно, Лесли, разумеется. Тебе не мешает отдохнуть. Когда вернешься, мы все обсудим...

— Я не вернусь.

— Что?! Но я не хочу расставаться с тобой, Лесли. Пойми, нет смысла убегать от трудностей. Этим ничего не добьешься.

* Имеются в виду президент Никсон и знаменитый «Уотергейт».

- Я не собираюсь бежать.
- Ты твердо решила?
- Да.
- Нам будет не хватать тебя. Когда собираешься уволиться?
- Я уже уволилась.

Лесли Стюарт часами ломала голову, пытаясь придумать, где и каким образом лучше всего познакомиться с Генри, так, чтобы тот сразу обратил на нее внимание. Ошибаться нельзя — нужно действовать сразу и наверняка. И тут она вспомнила о Дэвисе. У них с Генри одинаковое происхождение, оба вращаются в одних и тех же кругах и, несомненно, знакомы друг с другом. И тогда Лесли решила позвонить сенатору.

Как только самолет Лесли приземлился в аэропорту Скай-Харбор, девушка, словно подгоняемая неведомой силой, подбежала к газетному киоску в аэровокзале, купила «Финикс стар» и быстро просмотрела. Ничего. Пришлось обзавестись экземпляром «Аризона рипаблик», но только в «Финикс газетт» она нашла то, что искала. Колонку с гороскопами Золтера.

«Как все это глупо! Я же не верю в астрологию, — уговаривала она себя. — Лишь круглая идиотка может увлекаться подобным вздором!»

Но глаза уже жадно шарили по строчкам.

«Лев (23 июля — 22 августа). Юпитер вошел в фазу Солнца. Осуществление романтических планов. Будущее светло и безоблачно. Но не предпринимайте поспешных шагов. Действуйте осторожно».

У выхода стоял лимузин.

— Мисс Стюарт? — почтительно осведомился водитель.

— Это я.

— Мистер Чеймберс шлет вам привет. Мне велено отвезти вас в отель.

— Как любезно с его стороны! — пробормотала Лесли, пытаясь скрыть разочарование. Она надеялась, что Генри сам придет ее встречать.

— Мистер Чеймберс просил узнать, не согласитесь ли вы поужинать с ним сегодня вечером, если, конечно, у вас найдется время.

А вот это уже лучше. Гораздо лучше.

— Пожалуйста, передайте, что я буду рада принять приглашение.

Ужин прошел очень весело. Чеймберс, привлекательный мужчина с точеными чертами аристократического лица, седеющими каштановыми волосами и подкупающей улыбкой, оказался великолепным собеседником и гостеприимным хозяином.

Он не сводил с Лесли восторженного взгляда.

— Тодд не соврал, уверяя, что делает мне огромное одолжение.

— Вы мне льстите, — потупилась Лесли.

— Что заставило вас решиться переехать в Финикс, Лесли?

«Ты содрогнулся бы, узнав истинную причину».

— Я так много слышала об этом городе. И подумала, что здесь мне будет хорошо.

— И не ошиблись. Чудесный город! Вам тут понравится. В Аризоне есть все: Гранд-Каньон, пустыня, горы. Тут вы найдете, что искали.

«Совершенно верно», — подумала Лесли.

— Но нужно же вам где-то жить! Уверен, что сумею помочь вам отыскать подходящее местечко.

Лесли знала, что ее сбережений едва хватит на три месяца. Она должна спешить.

Но ей повезло. Как обнаружилось, двух месяцев оказалось вполне достаточно.

Полки книжных магазинов были забиты бесчисленными руководствами для женщин, стремящихся обрести спутника жизни. Известные и неизвестные психологи, экстрасенсы, специалисты по проблемам брака и считающие себя таковыми разглагольствовали на тему, как вернее поймать мужчину.

«Умнее всего разыгрывать недотрогу...»

«Заманите его в постель и окрутите так, чтобы он потерял голову...»

Но Лесли не нуждалась в подобных советах. Она изобрела собственный метод — дразнила Генри, позволяя приближаться, но оставаясь не-

уловимой. Ему еще не приходилось сталкиваться с подобными женщинами. Чеймберс принадлежал к джентльменам старой школы, автоматически относившим любую хорошенькую блондинку в разряд безмозглых дурочек. Генри и в голову не приходило, что всю жизнь его привлекали прелестные, но не слишком умные женщины. Лесли стала для него откровением — умна, образованна, прекрасно умеет выражать свои мысли и способна рассуждать едва ли не на любую тему.

Они говорили о философии, религии и истории, и позже Генри признавался приятелю:

— По-моему, ей приходится ужасно много читать, чтобы поддерживать беседу на должном уровне.

Генри Чеймберс искренне наслаждался обществом Лесли. Он хвастал ею перед своими друзьями и, фигурально говоря, носил на рукаве, словно генеральские нашивки: возил на фестивали изящных искусств и в «Экторз Театр». На какое-то время они стали неразлучны. Вместе посещали вернисажи в галерее «Лайен» в Скотсдейле, концерты в филармонии «Симфони-холл» и ежегодный карнавал в маленьком городке Чендлере, а как-то даже отправились на хоккей, чтобы посмотреть игру «Финикс Роудраннерз».

Провожая ее домой, Генри неожиданно признался:

— Вы мне очень нравитесь, Лесли. Знаете, я думаю, нам будет хорошо в постели. Мне бы очень хотелось, чтобы между нами было что-то большее, чем просто дружба.

Лесли сжала его руку и тихо ответила:

— Вы тоже мне нравитесь, Генри, но я не могу.

Они условились поужинать вдвоем на следующий день. Генри позвонил Лесли:

— Почему бы вам не заехать за мной в редакцию «Стар»? Я хочу, чтобы вы все здесь посмотрели.

— С удовольствием, — согласилась Лесли. Именно этого она и добивалась. В Финиксе было еще две газеты, «Аризона рипаблик» и «Финикс газетт», но только «Стар» была убыточной.

Помещения и типография «Финикс стар» оказались куда меньше, чем ожидала Лесли. Генри повел ее на экскурсию, и девушка, оглядывая тесные комнатки, поняла, что вряд ли именно это издание сумеет поспособствовать падению губернатора или президента. Но это всего лишь средство для достижения цели. У нее далеко идущие планы.

Лесли живо интересовалась всем, что попадалось на глаза, засыпала Генри вопросами, но тот по каждому поводу отсылал ее к Лайлу Баннистеру, главному редактору. Лесли поразились, поняв, как мало Генри знает и насколько он равнодушен

к издательскому делу. Но это лишь подстегивало ее решимость поскорее усвоить все, что возможно, войти в курс дела.

Это произошло в «Боргате», итальянском ресторанчике, отделанном в стиле деревенского домика. Еда была выше всех похвал: суп-пюре из омаров, медальоны из телятины под соусом бернез, белая спаржа с приправой из уксуса, прованского масла и пряностей и суфле «Гран Марнье». Генри Чеймберс, как всегда, был говорлив и весел, и вечер прошел незаметно.

— Все-таки я люблю Финикс, — уверял Генри. — Трудно поверить, что всего пятьдесят лет назад его население составляло шестьдесят пять тысяч. Теперь же здесь свыше миллиона жителей.

— Но почему вы решили покинуть Кентукки и переселиться сюда, Генри? — с любопытством спросила Лесли.

Тот огорченно пожал плечами.

— Собственно говоря, от меня ничего не зависело. Все мои проклятые легкие. Доктора не могут точно сказать, сколько мне осталось. Считают, что в здешнем климате я дольше протяну. Поэтому я и решил остаток дней своих провести здесь... что осталось, то мое. Вот и обосновался в Финиксе.

Он улыбнулся и погладил Лесли по руке.

— Они сами не знают, насколько оказались правы, когда убеждали меня перебраться сюда.

Кстати, надеюсь, вы не считаете, что я слишком стар для вас? — с тревогой осведомился он.

— По-моему, даже слишком молоды, — засмеялась Лесли.

Генри упрямо покачал головой.

— Я вполне серьезно. Вы согласны стать моей женой?

Лесли на мгновение прикрыла глаза. И снова увидела ту проклятую дощечку на тропинке.

«Лесли, ты выйдешь за меня?..»

«Боюсь, не могу пообещать, что станешь женой губернатора, зато я чертовски хороший адвокат...»

Лесли стиснула зубы. Нет, она не позволит сломить себя. У нее есть цель, нужно идти вперед.

— Да, я очень хочу этого.

Больше всего на свете.

Две недели спустя они поженились.

Сенатор Дэвис долго изучал свадебное объявление, напечатанное в «Лексингтон геральд лидер».

«Простите, что беспокою, но не могли бы вы уделить мне время, сенатор? Я прошу об одолжении... Вы знакомы с Генри Чеймберсом?..»

Если именно этого она добивалась, тогда все в порядке.

Если именно этого она добивалась...

Медовый месяц Лесли и Генри провели в Париже, но где бы они ни бывали, в ее голове вертелась одна неотвязная мысль — ходили ли по этим ули-

цам Оливер и Джан, обедали ли в этих кафе, забежали ли в эти самые магазины? Она представляла их вместе, обнаженных, занимавшихся любовью на огромной кровати. И Оливер шепчет Джан те же лживые нежности. Но ничего, он за это заплатит! И горько!

Генри безумно любил жену и из кожи вон лез, чтобы угодить ей. В других обстоятельствах Лесли, вероятно, могла бы ответить тем же, но в душе что-то бесповоротно умерло. А в сердце не осталось никаких чувств, кроме ненависти. Больше ни один мужчина не посмеет обмануть ее.

Спустя несколько дней после возвращения новобрачных в Финикс Лесли несказанно удивила мужа, заявив, что хочет работать в газете.

— Зачем тебе это? — рассмеялся Генри.

— Нужно же чем-то занять себя. Раньше я служила в рекламном агентстве и неплохо справлялась. Возможно, сумею помочь с объявлениями.

Генри долго сопротивлялся, но наконец уступил.

— Стараешься быть в курсе всех городских новостей? — поддразнил он, заметив, что жена каждый день читает «Лексингтон геральд лидер».

— В общем-то да, — улыбнулась Лесли. На самом деле она с жадностью искала любое упоминание об Оливере. Она искренне желала ему счастья и успеха. Тем больше будет падать.

Когда Лесли впервые заметила мужу, что «Стар» — убыточное издание, тот только отмахнулся.

— Дорогая, это капля в море по сравнению с остальными моими доходами. Какое значение имеет жалкая газетенка?

Но для Лесли газета стала делом жизни. И чем больше она погружалась в сложный и запутанный мир журналистики, тем больше ей казалось, что причина финансовых потерь — профсоюзы. Печатные станки «Финикс стар» давно устарели, но профсоюзы отказывались позволить приобрести новое оборудование, утверждая, что из-за этого печатники лишатся работы. Как раз сейчас они обсуждали с редакцией газеты новый трудовой договор.

Лесли попыталась посоветоваться с мужем, но тот ничего не хотел слышать.

— Зачем тебе все это? Лучше поедem куда-нибудь, развлечемся.

— У меня и без того достаточно развлечений, — заверила Лесли. Окончательно отчаявшись, она решила поговорить с Крейгом Макаллистером, адвокатом «Стар».

— Ну как наши дела?

— Хотелось бы сообщить вам новости получше, миссис Чеймберс, но боюсь, положение не из приятных.

— Переговоры все еще идут, верно?

— Вроде бы да, но на самом деле... Джо Райли, председатель профсоюза печатников, упрямый сукин... человек упрямый. На волосок не уступит. Контракты печатников заканчиваются через десять дней, и Райли твердит, что если к тому времени не будут заключены новые, значит, они просто увольняются.

— И вы ему верите?

— Да. Терпеть не могу уступать подобным типам, но без печатников мы не сможем выпускать газету. Она просто-напросто закроется. Не одно издание разорилось из-за конфликта с профсоюзами.

— А что они требуют?

— Как обычно. Сокращенный рабочий день, повышение заработной платы, запрет на усовершенствованное оборудование...

— Они душат нас, Крейг. Мне это не нравится.

— В таких случаях эмоции нужно оставлять в стороне, миссис Чеймберс. Главное — практическая сторона дела.

— Значит, вы советуете соглашаться?

— Вряд ли у нас есть выбор.

— В таком случае, почему бы мне не потолковать с Джо Райли?

Встречу назначили на два часа, но Лесли немного опоздала с обеда, а когда, запыхавшись, вошла в приемную, Джо Райли уже был там. Небрежно присев на край стола, он болтал с Эми, секретаршей Лесли, хорошенькой темноволосой девушкой.

Джо Райли, ирландец лет тридцати пяти грубоватого вида, считался опытным печатником.

Три года назад его избрали председателем профсоюза, и с тех пор он успел приобрести репутацию самого неуступчивого, самого несговорчивого профсоюзного лидера в издательском деле. Владельцы газет и журналов боялись его, как огня.

К удивлению Лесли, ни Джо, ни Эми ее не заметили, очевидно, слишком занятые друг другом. Та стояла, боясь шевельнуться и пропустить что-то важное.

— ...и тут мужчина поворачивается к ней и хнычет, — доканчивал Джо анекдот. — «Вам легко говорить, но как мне добраться назад?»

— Откуда ты всего этого набираешься, Джо? — рассмеялась Эми.

— Ах, дорогая, сама знаешь, где только не приходится бывать! Как насчет ужина сегодня?

— Разумеется. Заедешь за мной?

Но в этот момент Райли поднял глаза и увидел Лесли.

— Добрый день, миссис Чеймберс.

— Здравствуйте, мистер Райли. Заходите, пожалуйста.

Лесли решила принять Райли в небольшом конференц-зале.

— Кофе? — предложила она.

— Нет, спасибо.

— Что-нибудь покрепче?

— Как вам известно, миссис Чеймберс, в рабочее время пить запрещено, — ухмыльнулся Джо.

Лесли незаметно стиснула кулаки, готовясь к нелегкой схватке.

— Прежде чем переговоры начнутся снова, я решила сама побеседовать с вами, потому что все считают вас человеком справедливым, мистер Райли.

— По крайней мере стараюсь быть им, — кивнул тот.

— Во-первых, хочу сказать, что вполне сочувствую вашим требованиям. Конечно, хозяева должны идти на какие-то уступки, но вы просите слишком многого. Некоторые уловки членов вашего профсоюза ежегодно обходятся нам в миллионы долларов.

— Не могли бы вы объяснить подробнее?

— С удовольствием. Печатники пользуются сокращенным рабочим днем и все-таки стараются попасть в ночные смены, где платят сверхурочные. Некоторые умудряются проработать три смены подряд, да еще в выходные. Кажется, это называется у них «идти на прорыв». Больше мы не можем позволить себе такого. Приходится терпеть огромные убытки из-за морально устаревшего оборудования. Если бы мы смогли установить новые печатные машины...

— Те, которые заменят труд десятков людей? Ни за что! Не позволю, чтобы членов моего профсоюза выбрасывали на улицу из-за ваших чертовых станков! В отличие от рабочих они не просят есть каждый день.

Райли поднялся.

— Срок контракта истекает на следующей неделе. Либо мы получим все, что требуем, либо начнем бастовать.

Вечером Лесли рассказала обо всем Генри, но тот лишь пожал плечами:

— Зачем тебе все это нужно? Профсоюзы — неизбежное зло, с которым так или иначе придется мириться. Позволь дать тебе совет, милая. Ты не только новичок во всем этом, но к тому же еще и женщина. Предоставь мужчинам улаживать свары и ссоры. Не стоит...

Он неожиданно осекся, жадно хватая губами воздух.

— Что с тобой?!

— Ничего страшного. Был сегодня у своего идиота доктора, и он считает, что мне не мешало бы несколько часов в день проводить в кислородной камере.

— Я немедленно все устрою, — вскочила Лесли. — И найдем сиделку, чтобы, пока меня не бывает дома...

— Нет! К чертям собачьим сиделок! Я... я просто немного устал.

— Пойдем, Генри, Я помогу тебе лечь в постель.

Через несколько дней Лесли назначила срочное совещание совета директоров, но Генри ничего не желал слышать:

— Поезжай сама, крошка. Я лучше останусь дома и почитаю.

За последние дни ему стало немного легче, но о полном выздоровлении не могло быть и речи. Лесли позвонила доктору:

— Он худеет прямо на глазах и постоянно корчится от боли. Неужели ничего нельзя сделать?

— Миссис Чеймберс, медицина не всесильна. Проследите только, чтобы он побольше отдыхал и принимал все лекарства.

Перед уходом Лесли снова зашла к мужу. Тот, с трудом сев в постели, зашелся кашлем.

— Прости, что ничем не могу помочь, — едва выговорил он. — Попробуй справиться сама. Правда, вряд ли это удастся.

Лесли в ответ только улыбнулась.

ГЛАВА

5

В ожидании Лесли члены совета директоров собрались в конференц-зале, угощаясь кофе и крендельками со сливочным сыром.

— Простите, что заставила ждать вас, леди и джентльмены, — извинилась Лесли. — Генри шлет вам привет и пожелания успеха. К сожалению, он болен и не смог приехать.

С того совета директоров, на котором впервые присутствовала Лесли, многое изменилось. Тогда ее намеренно игнорировали либо относились свысока и пренебрежительно, давая понять, что считают выскочкой. Но Лесли упорно училась, и у директоров хватило здравого смысла оценить и принять ее разумные и зачастую весьма полезные предложения. Она сумела завоевать их доверие и гордилась этим.

Перед началом совещания Лесли отозвала в сторону Эми, разносившую кофе:

— Эми, пожалуйста, останьтесь.

Та удивленно уставилась на хозяйку:

— Боюсь, я не слишком хорошо стенографирую, миссис Чеймберс. Синтия справится куда лучше, чем...

— Не обязательно вести подробный протокол. Запишете только результаты голосования.

— Как угодно, мэм.

Эми захватила блокнот с ручкой и уселась в дальнем кресле у стены.

— Как вы знаете, у нас неприятности, — обратилась Лесли к собравшимся. — Срок контракта с печатниками почти истек. Вот уже три месяца мы пытаемся вести переговоры, но к соглашению так и не пришли. Придется срочно принимать решение. Время не ждет. Вы, надеюсь, прочли все посланные мной отчеты. Я бы хотела узнать ваше мнение.

Она вопросительно взглянула на Джина Осборна, совладельца местной юридической конторы.

— Если хотите знать, Лесли, они и так уже зажрались! Дайте им палец и тут же отхватят всю руку!

Лесли кивнула и обернулась к Аарону Дрекселю, хозяину универмага.

— Аарон?

— Джин прав, Лесли. Слишком мы с ними нянчимся. Подумать только, сохранять раздутые штаты в угоду профсоюзным лидерам! Если мы и вынуждены уступать, неплохо бы получить хоть что-то взамен, не находите? И к тому же, я счи-

таю, что мы вполне способны выдержать забастовку, а вот они — вряд ли.

Остальные дружно поддержали Дрексела.

— Вынуждена не согласиться с вами, — неожиданно заявила Лесли. Остальные пораженно уставились на нее. — Они должны получить все, чего добиваются.

— Но это чистое безумие!

— В конце концов окажется, что газета перейдет к ним!

— Неужели нет никакого способа остановить этих гангстеров?

— Лесли, мы не должны сдаваться!

Лесли терпеливо позволила всем высказаться и лишь потом вновь взяла слово:

— Джо Райли не зря считается человеком справедливым. Он верит в то, чего добивается.

Эми, забыв обо всем, жадно ловила каждое слово.

— Я удивлена, что именно вы, Лесли, встали на его сторону, — вмешалась одна из женщин.

— Я не принимаю ничью сторону. Просто пытаюсь объяснить, что нужно рассуждать здраво и смириться с неизбежным. Впрочем, не мне здесь выносить решения. Давайте голосовать. Эми, попрошу вас запротоколировать все как можно подробнее.

— Да, мэм.

— Кто за то, чтобы отклонить требования профсоюзов?

Поднялось одиннадцать рук.

— Эми, запишите, что, кроме меня, остальные члены совета директоров голосовали «против».

Эми с задумчивым видом старательно чиркала в блокноте.

— Ну что же, на этом все, — заключила Лесли, поднимаясь. — Если ни у кого нет вопросов...

Остальные последовали ее примеру.

— Спасибо всем за то, что нашли время приехать.

Дождавшись их ухода, Лесли обернулась к Эми.

— Прошу вас немедленно расшифровать и напечатать.

— Сейчас, мэм.

Лесли направилась к своему кабинету. Ровно через четверть часа раздался телефонный звонок.

— Мистер Райли на первой линии, — доложила Эми. Лесли, не торопясь, потянулась к трубке.

— Алло?

— Это Джо Райли. Хотел поблагодарить вас за все, чего пытались добиться.

— Не понимаю, о чем...

— Совет директоров. Я узнал, как все было.

— Странно, мистер Райли, — деланно возмутилась Лесли. — Мне казалось, это было закрытое заседание.

— Скажем так, миссис Чеймберс, — усмехнулся Джо, — у меня куча приятелей в низких кругах. Так или иначе, вы вели себя что надо. Жаль, что остались в одиночестве.

Лесли, чуть помолчав, медленно выговорила:

— Мистер Райли... а что, если я сумею их обойти?

— О чем это вы?

— Есть у меня одна идея, но это не телефонный разговор. Не могли бы мы встретиться где-нибудь... с глазу на глаз?

— Разумеется. Что вам подошло бы?

— Местечко потише, где бы нас не знали.

— Что-то вроде «Золотой чаши»?

— Прекрасно. Ждите меня через час.

«Золотая чаша» была сомнительной грязной пивнущкой в самом убогом квартале города около железной дороги, том самом, от которого полиция всячески остерегала туристов. Когда Лесли появилась там, Джо уже ждал в угловой кабинке и, завидев ее, почтительно поднялся.

— Спасибо, что пришли, — облегченно вздохнула Лесли, садясь. Ей было не по себе.

— Пришел только потому, что вы уверяете, будто сумеете выйти из положения.

— Совершенно верно. К сожалению, директора повели себя весьма неумно или недальновидно. Я пыталась урезонить их, но они и слушать не желали.

— Знаю, — вздохнул Джо. — Вы советовали возобновить контракт на наших условиях.

— Верно. Но они, кажется, не желают понимать, что без печатников газету не выпустить.

Джо недоуменно изучал эту стройную красивую женщину. Какое ей дело до их проблем?

— Но не можете же вы идти одна против всех...

— Они сделали это лишь потому, что не принимают всерьез ваш профсоюз. Если хотите избежать бесконечной забастовки, а может, и закрытия газеты, нужно показать, что вы слов на ветер не бросаете.

— Каким это образом?

Лесли нервно передернула плечами.

— Мне бы хотелось, чтобы этот разговор остался между нами. Есть единственный способ получить то, чего вы добиваетесь. Проблема проста. Они считают, что вы блефуете, и ни на минуту не верят, будто вы исполните свою угрозу. Докажите, что это не так. Срок контракта истекает в полночь пятницы.

— Верно...

— И все ожидают, что вы спокойненько подниметесь и уйдете.

Лесли подалась вперед и порывисто сжала руку Джо.

— И это станет вашей самой большой глупостью. Пусть увидят, что «Стар» не сумеет обойтись без печатников. Не будьте покорными овцами. Устройте небольшой погром.

Джо вытаращил глаза.

— Ничего серьезного, конечно, — поспешно заверила Лесли. — Ровно настолько, чтобы припутнуть их. Перережьте несколько кабелей, со-

рвите провода, выведите из строя пару печатных станков. Пусть наконец усвоят, кто настоящий хозяин в типографии. Только так, чтобы все можно было починить через день-другой, а тем временем у них от страха мозги встанут на место. И все наконец поймут, с кем имеют дело.

Джо Райли долго молча смотрел в пространство.

— Да, леди, вы потрясающая женщина, ничего не скажешь.

— Вовсе нет. Просто все хорошенько обдумала и поняла, что другого выхода нет. Небольшие повреждения, легко исправимые, вынудят совет директоров призадуматься и пойти на соглашение, а долгая забастовка нанесет удар, от которого газета может не оправиться. Я всего-навсего стараюсь защитить свою собственность.

Медленная улыбка расплылась по лицу Райли.

— Позвольте угостить вас чашечкой кофе, миссис Чеймберс.

— Бастуем!

Ночью в пятницу, ровно в одну минуту первого, печатники под предводительством самого Джо Райли бросились в атаку — кромсали кабели, переворачивали столы с оборудованием, а два печатных станка даже подожгли. Охранника, пытавшегося остановить погромщиков, жестоко избили. В пылу разрушения люди теряли головы и все больше увлекались, уничтожая все, что попало под руку.

— Покажем ублюдкам, что мы не грязь под ногами!

— Пусть-ка попробуют выпускать газету без нас!

— Посмотрим, долго ли будет светить эта звездочка!

Вопли становились все громче. Разгул толпы — ожесточеннее. Но дикое возбуждение рабочих мигом улеглось, когда одновременно во всех углах вспыхнул яркий свет прожекторов. Мужчины замерли, ошеломленно осматриваясь. Поставленные у дверей телекамеры добросовестно записывали все происходящее. Рядом, за кордоном пожарных и дюжины полицейских, сгруппировались репортеры из «Аризона рипаблик», «Финикс газетт», теле- и радиостанций.

Джо Райли потрясенно охнул. Как, мать их, этой своре удалось так быстро собраться?!

Полицейские уже привычно замыкали погромщиков в кольцо, пожарные включили планги на полную мощность, и Джо, наконец осознав, что произошло, скорчился, словно получил пинок в живот. Лесли Чеймберс подставила его! Ни один нормальный человек, увидевший ужасные картины разрушения, не подумает поддержать профсоюз. Они ухитрились настроить против себя всю страну! Эта сучка все продумала заранее...

Уже в ночных теленовостях были показаны скандальные события в Финиксе; радиодикторы

взволнованно перечисляли подробности случившегося. Газеты пестрели красноречивыми снимками и обличениями неблагодарных негодяев, вцепившихся в руку, которая их кормила. «Финикс стар» переживала свой звездный час.

И действительно, Лесли успела вовремя подготовиться: заранее послала несколько сотрудников газеты в Канзас поучиться работать на гигантских печатных машинах последней модели и освоить новейшие методы печати. Сразу же после случившегося остальные бастующие профсоюзы — наборщиков и фотоцинкографов — поспешили прийти к соглашению с администрацией газеты.

Теперь, когда все препятствия были устранены, а мощное оборудование закуплено, прибыли начали расти со сказочной быстротой и едва ли не за неделю поднялись на двадцать процентов.

На следующее же утро после поражения печатников Эми была уволена.

Как-то днем, в пятницу, почти два года спустя после свадьбы, Генри слег с несварением желудка. Вскоре он начал задыхаться и жаловаться на боли в груди, и Лесли пришлось вызвать «скорую помощь». Генри отвезли в больницу, но все оказалось напрасным — в воскресенье его не стало. Он завещал все состояние жене.

В понедельник, после похорон, Крейг Макаллистер отвел в сторону Лесли.

— Я хотел бы кое-что обсудить с вами, но боюсь, сейчас не время.

— Не волнуйтесь, Крейг, я вполне способна вас выслушать.

Смерть мужа подействовала на Лесли куда сильнее, чем она думала. Он был добрым, заботливым и порядочным человеком, а она использовала его как орудие мести против Оливера. И именно Оливер, по ее твердому убеждению, каким-то образом превратился в одного из виновников кончины Генри. Еще одна причина, чтобы отплатить за все.

— Что вы решили делать со «Стар»? Неужели собираетесь зря тратить время на этот паршивый листок?

— Совершенно верно. Наоборот, мы собираемся расширяться.

Она послала секретаршу за «Менеджин эдитор», профессиональным журналом издателей, где печатались списки всех газетных брокеров Америки. Выбор пал на фирму «Диркс, Ван Эссен энд Ассошиэйтс» из городка Санта-Фе в Нью-Мексико. Лесли попросила соединить ее с одним из владельцев.

— Это миссис Генри Чеймберс. Я подумываю приобрести еще одну газету и хотела бы справиться, кто заинтересован в продаже.

Оказалось, что на торги выставляется газета «Сан» в Хаммонде, штат Орегон.

— Я бы просила вас самому вылететь туда и все проверить, — сказала Лесли Макаллистеру. Тот добросовестно выполнил поручение и вскоре связался с Лесли.

— Забудьте о «Сан», миссис Чеймберс.

— А в чем дело, Крейг?

— В этом городишке две газеты: «Сан» и «Хаммонд кроникл». Тираж первой пятнадцать тысяч, а второй — двадцать девять, почти вдвое больше. А владелец «Сан» имеет наглость запросить пять миллионов долларов. По-моему, тут не о чем разговаривать.

— Ждите меня, — немного подумав, распорядилась Лесли. — Я вылетаю.

Следующие два дня она провела за изучением бухгалтерских документов и отчетов.

— «Сан» ни в коем случае не сможет конкурировать с «Кроникл», — заверил ее адвокат. — Еще немного, и хозяин окончательно разорится. Тираж газеты последние пять лет неуклонно падает.

— Знаю, — кивнула Лесли, — и все же куплю ее. Крейг удивленно поднял брови:

— Ч-что?! Поку...

— Совершенно верно. Вы не ослышались.

Сделка не заняла много времени. Владелец «Сан» был нескрываяемо счастлив избавиться от нее и хвастался каждому встречному-поперечному, как ему удалось одурачить взбалмошную дамочку. Однако Уолт Мериуэдер, издатель «Хаммонд кроникл», немедленно навестил Лесли.

— Насколько я понимаю, вы моя новая конкурентка, — приветливо начал он.

— Рада познакомиться, — вежливо ответила Лесли.

— Если дела пойдут не так хорошо, как вы ожидали, может быть, решитесь продать мне «Сан»?

— А если дела пойдут не так хорошо, как ожидали вы, может, решитесь продать мне «Кроникл»?

— Не сомневайтесь, — засмеялся Уолт. — Желаю удачи, миссис Чеймберс.

Вернувшись к себе, Мериуэдер уверенно объявил главному редактору:

— Через полгода мы заполучим «Сан».

Лесли вернулась в Финикс и поговорила с главным редактором «Стар» Лайлом Баннистером.

— Вы немедленно летите со мной в Хаммонд, Лайл. Я хочу, чтобы вы оставались там и выпускали газету, пока она не встанет на ноги.

— Я говорил с мистером Макаллистером, — возразил Лайл. — Он утверждает, что это бесполезная затея. Газета дышит на ладан.

— Вероятно, он прав, но я прошу вас, Лайл, исполните мой каприз!

Прибыв в Хаммонд, Лесли немедленно собрала всех сотрудников «Сан».

— Отныне мы станем работать немного по-другому, — сообщила она. — В этом городе две газеты, и наша главная задача — перекупить вторую.

Дирек Зорнес, главный редактор «Сан», осторожно заметил:

— Простите, миссис Чеймберс, но мне кажется, вы не совсем верно оцениваете ситуацию. Мы безнадежно отстали от «Кроникл» и с каждым месяцем теряем все больше читателей. Нет никаких шансов изменить положение.

— Ошибаетесь, — покачала головой Лесли, — мы не только сумеем сделать это, но и уничтожим «Кроникл».

Собравшиеся переглянулись, по-видимому, искренне считая, что женщинам и дилетантам следовало бы держаться подальше от издательского дела.

— Но каким образом вы намереваетесь добиться этого? — учтиво осведомился Зорнес.

— Вы когда-нибудь видели корриду? — вместо ответа спросила Лесли.

— Корриду? — недоумевающе пролепетал Зорнес. — Нет. Но при чем...

— Видите ли, когда быка выпускают на арену, матадор не сразу приканчивает его. Он пускает быку кровь, наносит раны и отскакивает, пока тот не слабеет настолько, что не в силах больше бороться.

— И мы собираемся обескровить «Кроникл»? — поинтересовался Зорнес, прилагая все усилия, чтобы не рассмеяться.

— Именно.

— Но как?!

— Начиная с понедельника, мы снижаем стоимость экземпляра с тридцати пяти до двадцати

центов. Со следующей недели начинаем печатать условия конкурса, где победитель выигрывает бесплатные туристические путевки. Есть и еще довольно несложные приемы.

Сотрудники расходились по своим кабинетам в полной уверенности, что у новой владелицы поехала крыша.

Борьба началась, но пока что терпела поражение именно «Сан».

— Надеюсь, вы представляете, какие огромные убытки приносит «Сан»? — не выдержав, спросил Лесли Макаллистер.

— Да, и вполне отчетливо.

— И сколько еще вы намерены продолжать этот фарс?

— Пока не раздавлю «Кроникл». Не волнуйтесь. Мы победим.

Но втайне Лесли тревожилась. Деньги проваливались словно в бездонную пропасть, тираж продолжал снижаться, а рекламодатели отнеслись к снижению цен более чем прохладно.

— Ваша теория не сработала, — твердил Макаллистер. — Нужно кончать с этим, пока не поздно, иначе вы попросту разоритесь.

На следующей неделе тираж неожиданно перестал падать.

Ровно два месяца ушло на то, чтобы вытащить «Сан» из глубокой дыры. Конечно, и снижение цен на газету, и рекламные объявления тоже сыграли свою роль, но главным фактором оказался кон-

курс. Он продолжался двенадцать недель. Участникам приходилось отвечать на множество нелегких вопросов, зато призами служили кругосветные круизы и поездки в Лондон, Париж и Рио. Как только фотографии победителей были опубликованы на первой странице, а призы розданы, нелегкая битва пришла к концу. Тираж стал расти не по дням, а по часам.

— Не думал, что вы к тому же азартный игрок, — проворчал Макаллистер, — но ваша взяла.

— Это вовсе не игра, — возразила Лесли. — Просто люди не могут устоять против соблазна получить что-то на халяву.

Узнав обо всем, Уолт Мериуэдер пришел в бешенство. Впервые за много лет «Кроникл» явно отставала от «Сан».

— Ладно же, — мрачно рявкнул он, — долг платежом красен. Посмотрим, чья возьмет! Немедленно снижайте цены на рекламу и придумайте какой-нибудь дурацкий конкурс.

Поздно. Не прошло и года, как Уолт Мериуэдер пришел на поклон к Лесли.

— Я решил продать газету, — коротко бросил он. — Хотите купить?

— Естественно.

В день подписания документов на продажу Лесли созвала свой штат и объявила:

— С понедельника мы повышаем стоимость «Сан» и удваиваем цены на рекламные объявления. И больше никаких конкурсов.

Месяц спустя Лесли вызвала Крейга:

— На продажу выставлена детройтская «Ивнинг стандарт». Газета владеет и телестудией. Думаю, стоит заключить сделку.

— Миссис Чеймберс, — запротестовал Маккалистер, — мы совершенно не разбираемся в телевидении...

— Значит, придется научиться, только и всего!

Так Лесли положила первые камни в основание огромной империи.

ГЛАВА

6

Оливер был занят с утра до позднего вечера и наслаждался каждой минутой своего существования: встречался с политиками, обсуждал законопроекты, вносил предложения, одобрял или запрещал те или иные ассигнования, присутствовал на совещаниях, произносил речи, проводил пресс-конференции и давал интервью. Газеты, такие как франкфортский «Стейт джорнэл», лексингтонский «Геральд лидер» и луисвилльский «Курьер джорнэл», не уставали петь ему дифирамбы. Он постепенно приобретал репутацию энергичного и деятельного губернатора. Теперь Оливер вращался в самых высоких кругах, но в глубине души признавал, что обязан этим женитьбе на дочери сенатора Дэвиса.

Ему нравилось жить во Франкфорте, красивом, старом городке, уютно расположившемся в живописной речной долине среди невысоких кентуккийских холмов, поросших знаменитой «голу-

бой травой» — пыреем. Но наверное, в Вашингтоне будет не хуже.

Суматошные дни складывались в недели, месяцы... Оливер не успел оглянуться, как настал последний год его пребывания у власти. Он с самого начала назначил Питера Тейгера своим пресс-секретарем и не ошибся. Тейгер всегда был откровенен до прямолинейности, говорил с репортерами без всяких уверток, а неизменно высокие моральные принципы и порядочность, те самые старомодные, но вечные ценности, о которых он так любил рассуждать, обезоруживали даже противников Рассела. С таким пресс-секретарем он был неуязвим. Тейгер и его черная повязка были почти так же известны, как сам губернатор.

Тодд Дэвис взял за правило не реже раза в месяц прилетать во Франкфорт и встречаться с Оливером.

— Когда выводишь на скачки чистокровную лошадь, — говаривал он Питеру, — за ней нужен глаз да глаз, чтобы не сбилась с ноги.

Как-то холодным октябрьским вечером Оливер и сенатор сидели в кабинете. Они и Джан только что вернулись с ужина в «Габриеле», и Оливер незаметно сделал жене знак оставить их вдвоем. Та послушно вышла.

— У Джан такой счастливый вид, Оливер. Я очень доволен.

— Пытаюсь делать все, что могу, Тодд.

Сенатор Дэвис едва заметно усмехнулся, гадая, как часто Оливеру удастся ускользнуть по вечерам в нанятую Питером квартиру.

— Она очень любит тебя, сынок.

— Как и я — ее, — заверил Оливер, казалось, вполне искренне.

— Рад слышать это. Она уже выбирает обстановку для Белого дома.

Сердце Оливера ухнуло куда-то вниз.

— П-простите?

— О, разве я тебе не говорил? Старею, все забывать стал! Твое имя стало притчей во языцех в Вашингтоне. Первого января начинаем развешивать кампанию.

— Вы действительно считаете, что у меня есть шанс, Тодд? — заставил себя спросить Рассел.

— Слово «шанс» скорее связано с азартной игрой, а я по натуре не игрок. И всегда действую наперняка.

Оливер затаил дыхание. Вот оно! Значит, все правда!

— Вы не можете представить, как я благодарен за все, что вы делаете для меня, Тодд.

Дэвис дружески хлопнул его по плечу:

— По-моему, тесть обязан помогать любимому зятю, разве не так?

Чуть заметный нажим на слово «зять» не ускользнул от Оливера.

— Кстати, Оливер, — небрежно заметил сенатор, — меня очень расстроило, что твое законодательное собрание постановило повысить налог на табак.

— Но эти деньги помогут заткнуть дыру в бюджете и...

— Ты, надеюсь, собираешься наложить вето?

— Вето? — ошеломленно переспросил Оливер.

— Пойми же, парень, — чуть усмехнулся сенатор, — я не о себе забочусь. Но у меня полно друзей, вложивших в табачные плантации денежки, заработанные потом и кровью, и я не хотел бы, чтобы они терпели убытки от твоих живодерских налогов!

Наступило неловкое молчание.

— Так как же, Оливер?

— Вы правы, вряд ли это справедливо.

— Ты сделал бы мне огромное одолжение!

— А я слышал, что вы продали свои табачные плантации, Тодд, — пробормотал Оливер.

— Да мне это и в голову не приходило! С чего ты взял? — удивился сенатор.

— Последнее время суды завалены исками к табачным компаниям. Спрос падает и...

— Ты говоришь о Соединенных Штатах, сынок. Но мир и без них достаточно велик! Погоди, пока мы не начнем рекламные кампании в Китае, Африке и Индии! — отмахнулся сенатор и, посмотрев на часы, поднялся: — Мне давно пора быть в Вашингтоне. Нужно успеть на заседание комиссии.

— Счастливого полета.

— Теперь все будет о'кей, сынок, — улыбнулся сенатор. — Все будет о'кей!

— Какого дьявола мне теперь делать, Питер? — расстроенно допрашивал Оливер. — Повышение налога на табак — самая популярная мера из всех, что мы приняли за эти годы! Сами знаете, как люди стали относиться к курению! И какие, спрашивается, основания наложить вето на законопроект? Да меня попросту съедят!

Питер вынул из кармана несколько скрепленных вместе листочков.

— Все ответы здесь, Оливер. Я уже успел поговорить с сенатором. У нас не будет никаких проблем. На четыре часа назначена пресс-конференция.

Внимательно прочтя бумаги, Оливер кивнул:

— Неплохо.

Это моя работа, Оливер. Я еще нужен вам?

— Нет, спасибо. Увидимся в четверг.

Тейгер шагнул к двери.

— Питер! — неожиданно окликнул Оливер. Тот невозмутимо обернулся.

— Скажите-ка вот что: по-вашему, из меня действительно может получиться президент?

— А что говорит сенатор?

— Уверен, что все выйдет.

Тейгер неспешно направился обратно.

— Мы с сенатором знакомы много лет, Оливер. И за все это время он ни разу не ошибся. Ни разу. У этого человека невероятная интуиция. Просто невероятная. И если Тодд Дэвис утверждает

ет, что именно вы станете новым президентом Соединенных Штатов, значит, можете прозакладывать последнюю рубашку, что именно так и будет.

Послышался легкий стук, и на пороге появилась хорошенькая, молодая, модно одетая секретарша с пачкой факсов.

— О, простите, губернатор, не знала, что вы заняты...

— Ничего, Мириам, заходите.

— Привет, Мириам, — улыбнулся Тейгер.

— Здравствуйте, мистер Тейгер.

— Не знаю, что бы я делал без нее, — признался Оливер. — Она просто незаменима.

Мириам смущенно вспыхнула:

— Если больше ничего не нужно...

Положив факсы на стол, она повернулась и почти выбежала из кабинета.

— Очень миленькая, — заметил Тейгер, многозначительно поглядывая на Оливера.

— Весьма.

— Оливер, надеюсь, вам не нужно напоминать об осторожности?

— Естественно. Именно поэтому я и просил найти для меня ту квартирку.

— Речь совсем о другом. Сейчас нужно просчитывать каждый шаг и быть осмотрительным, как никогда. Ставки повысились. В следующий раз, когда вам приспичит, постарайтесь держать штаны застегнутыми и подумайте хорошенько, стоят ли Мириам, Элис или Карен Овального кабинета.

— Я крайне ценю вашу заботу обо мне, Питер, и принимаю сказанное к сведению, так что не стоит волноваться.

— Прекрасно. Ну а теперь мне пора. Я везу Бетси и малышей на обед. Кстати, знаете, что устроила сегодня Ребекка? Не успела проснуться, как попросила поставить кассету с детским шоу. Бетси сказала, что сейчас слишком рано и после обеда она успеет все посмотреть. И что же? Ребекка подумала и сказала: «Мама, тогда давай скорее обедать». Ну не умница ли? Всего пять лет, а какая смышленая!

В его голосе звучала такая неподдельная гордость, что Оливер невольно улыбнулся.

Вечером он вошел в комнату жены, где та читала, уютно устроившись у камина.

— Солнышко, мне придется срочно уехать. Очередное дурацкое совещание.

— В такое время? — удивилась Джан.

— Что поделать, — вздохнул Оливер. — Утром заседание бюджетной комиссии, а перед этим они хотят все обсудить со мной.

— Ты слишком много работаешь. Не слишком задерживайся, Оливер, а то я буду волноваться, — попросила Джан и, чуть запнувшись, добавила: — Последнее время тебя совсем не бывает дома.

Оливер насторожился. Интересно, что это: супружеская забота или... Подойдя к жене, он нежно поцеловал ее.

— Не беспокойся, детка. Я приеду, как только вырвусь.

Он поспешно спустился вниз и сказал водителю:
— Сегодня вы больше не понадобитсяе. Я
возьму машину поменьше.

— Хорошо, губернатор.

Обнаженная Мириам уже ждала в постели:

— Ты опоздал, дорогой.

Он, расплывшись в улыбке, шагнул к любов-
нице.

— Простишь, кошечка? Я рад, что ты не начи-
нала без меня.

— Иди сюда, — прошептала девушка.

Он обнял ее и прижал к себе теплое душис-
тое тело.

— Да раздевайся же поскорее, твоя противная
куртка меня царапает!

После, когда оба, усталые и пресыщенные, от-
дыхали, он спросил:

— Как ты смотришь на то, чтобы переехать в
Вашингтон?

Мириам от неожиданности подскочила:

— Ты это серьезно?

— Абсолютно. Вполне возможно, что следую-
щие несколько лет я проведу там и хочу, чтобы ты
была со мной.

— А если твоя жена узнает?..

— Не узнает.

— Но почему Вашингтон?

— Это пока секрет. Могу сказать только, что
ты не пожалеешь.

— Я поеду за тобой, когда и куда угодно, лишь бы ты любил меня.

— Ты ведь знаешь, я не могу без тебя жить, — как всегда легко солгал любовник. Сколько раз он говорил то же самое десяткам других таких же лежковерных дурочек?

— Я снова хочу тебя, дорогой.

— Подожди чуточку. У меня кое-что есть для тебя.

Он потянулся к брошенной на стул куртке, вынул маленький пузырек и вылил содержимое в стакан. Жидкость на вид была совершенно прозрачной.

— Попробуй-ка.

— Что это? — поинтересовалась Мириам.

— Тебе понравится, вот увидишь.

Он поднес к губам стакан и отпил половину.

Мириам осторожно пригубила и проглотила остаток.

— На вкус неплохо, — улыбнулась она.

— Еще минута, и ты станешь изнывать от желания.

— Я и так уже изнываю от желания. Иди скорее в постель.

Он уже вошел в нее и начал двигаться, когда девушка неожиданно вскрикнула:

— Мне... мне плохо. Не могу дышать!

Лицо ее почти мгновенно распухло и посинело; Мириам лихорадочно пыталась втянуть в легкие воздух. Глаза ее были закрыты.

— Мириам!

Девушка молчала. Он потрянул ее за плечи, но голова Мириам беспомощно болталась, как у куклы.

— Мириам!

Она, по-видимому, потеряла сознание.

Черт бы ее подрал! Что теперь делать?

Мужчина в панике заметался по комнате. Он давал «экстази» всем своим любовницам, но до сих пор погибла лишь одна. Нет, как он мог забыть об осторожности! И если немедленно не придумать что-нибудь — конец. Мечтам, планам, стремлениям. Всему, чего он так долго добивался. Нет, нельзя позволить, чтобы это случилось.

Он в нерешительности постоял у постели, глядя на девушку. Потом попытался нащупать пульс. Слава Богу, сердце еще бьется. Но нельзя допустить, чтобы ее обнаружили в этой квартире. Полиция в два счета докопается, кто здесь бывал. Нужно оставить Мириам в таком месте, где ее быстро найдут и отвезут в больницу. В остальном на девчонку можно положиться — она даже под пыткой не назовет его имя.

Почти полчаса ушло на то, чтобы одеть Мириам и уничтожить все следы своего пребывания в квартире. Мужчина чуть приоткрыл дверь, желая убедиться, что в коридоре никого нет, взвалил бесчувственную Мириам на плечо, отнес вниз и усадил в машину. В этот поздний час на улицах никого не было, и к тому же начинался дождь. Он добрался до Джунипер-Хилл-парка и, убедившись, что поблизости нет ни души, вытащил Ми-

риам из машины и осторожно уложил на скамейку. Конечно, подло бросать ее здесь, но выхода нет. На карту поставлено его будущее.

Немного поразмыслив, мужчина отыскал телефон-автомат и набрал «911».

Когда Оливер вернулся домой, Джан еще не спала.

— Господи, уже далеко за полночь, — выдохнула она. — Где тебя...

— Прости, дорогая. Все эти бесконечно длинные скучные обсуждения бюджета... у каждого, как водится, свое мнение, и никто не желает уступать.

— Ты ужасно бледен, — встревожилась Джан. — Должно быть, окончательно вымотан.

— Немного устал, — признался Оливер.

— Пойдем спать? — зазывно улыбнулась Джан. Но муж поцеловал ее в лоб и покачал головой.

— Мне в самом деле не мешает отдохнуть, дорогая. Я с ног валюсь.

Назавтра на первой странице «Стейт джорнэл» появилось сообщение:

**«СЕКРЕТАРЬ ГУБЕРНАТОРА НАЙДЕНА
В ПАРКЕ БЕЗ СОЗНАНИЯ**

В два часа патрульные обнаружили в парке Мириам Фридленд, секретаря губернатора Рас-

села, лежавшую на скамье в глубоком обмороке, и немедленно вызвали «скорую помощь». Девушку отвезли в Мемориальную больницу, но, по словам врачей, состояние больной остается критическим».

Не успел Оливер дочитать до конца, как в кабинет ворвался Питер с газетой в руках:

— Ты уже видел это?

— Да. Какой ужас! Телефоны просто разрываются — репортерам не терпится узнать подробности.

— Что, по-твоему, случилось? — осторожно поинтересовался Тейгер.

— Понятия не имею. Я уже звонил в госпиталь. Мириам в коме. Врачи пытаются понять, в чем причина. Пообещали дать мне знать, как только обнаружат что-то.

— Надеюсь, она поправится, — буркнул Питер, с подозрением поглядывая на Оливера.

Лесли Чеймберс в это утро было не до газет. Она была занята приобретением очередной телестудии, на этот раз в Бразилии.

Только на следующий день Оливеру позвонили из больницы.

— Губернатор, мы только сейчас получили результаты анализов. В желудке обнаружено вещество под названием метилендиоксиметамфетамин, в просторечии известное как «экстази». Мисс Фридленд приняла его в жидком виде, что куда опаснее.

— Как ее состояние?

— По-прежнему крайне тяжелое. Она в коме, и трудно сказать, то ли очнется, то ли... следует ожидать самого худшего.

— Пожалуйста, держите меня в курсе. Я очень беспокоюсь за нее.

— Разумеется, губернатор. Если что-то изменится, вы первый узнаете.

В самый разгар совещания зажуужало переговорное устройство.

— Простите, губернатор, — сообщила секретарь, — но вам звонят.

— Я же просил ни с кем не соединять, Хизер.

— Сенатор Дэвис на третьей линии.

— Вот как! Джентльмены, давайте ненадолго прервемся. Прошу меня простить, но дело неотложное.

Дождавшись, пока все выйдут, Оливер поплотнее прикрыл дверь и поднял трубку.

— Тодд?

— Оливер, что это за история насчет секретарши, наркотиков и тому подобного?

— Представляете, Тодд, она... все это крайне неприятно...

— Насколько именно? — рявкнул сенатор.

— О чем вы?

— Ты и сам все прекрасно понимаешь!

— Тодд... как вы подумали... клянусь, я совершенно не в курсе, как все вышло...

— От души на это надеюсь, — мрачно буркнул сенатор. — Ты не представляешь, с какой быстротой разлетаются сплетни в Вашингтоне! Это про-

сто большая деревня. Нельзя, чтобы твоего имени коснулась даже тень скандала! Мы готовимся сделать первый ход! И запомни, я буду крайне недоволен, если вздумаешь надеть глупостей!

— Даю слово, я тут ни при чем!

— Возможно, возможно! И смотри, чтобы впредь все было тихо!

— Конечно, Тодд, конечно! Я...

Но сенатор уже бросил трубку.

Оливер долго не двигался с места, тупо глядя в стол. Тесть прав — давно пора стать благоразумнее! Оступиться сейчас — смерти подобно.

Взглянув на часы, он поспешно включил телевизор. На экране возникла улица с полуразрушенными домами, откуда наугад палили снайперы, но все заглушали треск пулеметов и артиллерийская канонада. Привлекательная женщина-репортер, в армейском камуфляже и грубых солдатских ботинках, говорила в микрофон:

— Новый договор должен вступить в силу сегодня в полночь, но даже если его условия и станут выполняться, ничто уже не возродит оживленных городов и мирных деревушек в этой раздираемой распрями стране, не вернет жизни тысячам невинных людей, ставших жертвами беспощадного царства террора.

Камера крупным планом показала прелестное личико Дейны Эванс. Репортер, с пылающими гневом глазами, продолжала страстно вещать:

— По подвалам и погребам прячутся уцелевшие, голодные и измученные люди, желающие

лишь одного — мира. Но наступит ли он когда-нибудь? Время покажет. Дейна Эванс из Сараево, для «Вашингтон трибюн энтерпрайзис».

На экране пошел рекламный ролик.

Дейна Эванс была собственным корреспондентом огромной вещательной корпорации «Вашингтон трибюн энтерпрайзис бродкастинг систем». В каждом выпуске новостей обязательно был ее репортаж, и Оливер старался по возможности не пропускать его, искренне считая Дейну настоящей профессионалкой и одной из лучших тележурналисток.

«Потрясающая женщина, — в который раз подумал он. — Какого дьявола такая красавица существует в самое пекло?»

ГЛАВА

7

Будь Дейна Эванс сиротой, она вполне могла бы считаться дочерью полка. Типичное армейское дитя. Отец-полковник был инструктором по новейшим видам вооружения, и потому командование постоянно перебрасывало его с одной базы на другую. За одиннадцать лет жизни Дейна успела побывать в пяти американских городах и четырех странах. Из Эбердин-Прувин-Граунд в Мэриленде семья перекочевала в Форт-Беннингс, штат Джорджия, а оттуда в Форт-Худ, Техас, и Форт-Монмут, Нью-Джерси. Девочка посещала школы для детей офицеров в Кэмп-Зама (Япония), Чимзее (Германия), Кэмп-Дерби (Италия) и Форт-Буханан (Пуэрто-Рико).

Дейна была единственным ребенком и, куда бы ни забросила ее судьба, быстро заводила друзей среди солдат и семей военных. Она была бойкой, жизнерадостной, не по годам развитой девочкой, но мать постоянно тревожило, что у дочери нет нормального детства.

— Все эти переезды, должно быть, ужасно тяжелы для тебя, детка, — как-то вздохнула она.

— Почему? — вытаращила глаза Дейна. И всякий раз, когда отца в очередной раз переводили на новое место, девочка была вне себя от счастья.

— Ура, новая командировка! — радостно сообщила она всем, кто попадался на глаза. Но мать, к сожалению, не разделяла ее восторгов. Когда Дейне исполнилось тринадцать, та объявила, что она не желает вести цыганское существование, и потребовала развода. Узнав об этом, девочка пришла в ужас, не столько из-за развода, сколько потому, что больше не сможет путешествовать с отцом по всему миру.

— Но где мы будем жить? — спросила она у матери.

— На моей родине, в Клермонте, штат Калифорния. Прелестный уютный городок. Тебе там понравится.

Мать не солгала — Клермонт действительно оказался чудесным городом. Опиблась она в другом: Дейна мгновенно и навсегда его возненавидела. Клермонт, население которого составляло около тридцати трех тысяч человек, располагался у подножия гор Сан-Габриэль в округе Лос-Анджелес. Улицы были обсажены высокими деревьями, из-за которых выглядели аккуратные домики, словом, одно из тех местечек, где все друг друга знают. После привольной жизни, привыкнув пу-

тешествовать по всему свету, Дейна задыхалась в этой душной атмосфере, как в тесной клетке.

— Мы что, собираемся прожить здесь до самой смерти? — угрюмо допрашивала она мать.

— Что с тобой, дорогая? Почему ты спрашиваешь?

— Эта дыра слишком мала для меня! Мне нужен настоящий город!

После первого школьного дня она припелась домой мрачная, как туча.

— Дейна, в чем дело? Не нравится школа?

— Да нет, ничего, — вздохнула девочка, — но тут одни сопляки!

— Не расстраивайся, — рассмеялась мать, — они скоро вырастут и ты — тоже.

Еще в высшей школе она была репортером школьной газеты «Вулфпекит», и это помогало девочке выжить, хотя Дейна по-прежнему отчаянно тосковала по былым путешествиям.

— Когда я стану взрослой, — твердила она себе, — снова буду ездить по всему свету.

В восемнадцать лет Дейна поступила в клермонтский колледж Макенна, на факультет журналистики, и стала сначала репортером студенческой газеты «Форум», а через год и редактором. Студенты постоянно осаждали ее просьбами:

— На следующей неделе наше женское землячество устраивает танцы, Дейна. Не могла бы ты упомянуть об этом в газете?..

— Во вторник заседание дискуссионного клуба...

— Как насчет рецензии на пьесу, которую ставит драматический кружок?..

— Нужно собрать средства на новую библиотеку...

И так далее и тому подобное, до бесконечности. Но Дейне это ужасно нравилось. Теперь она могла чем-то помочь людям, и это было здорово! На последнем курсе Дейна решила, что хочет сделать карьеру в газете.

— Я смогу брать интервью у знаменитостей по всему миру, — сообщила она матери. — Это все равно что самой быть причастной к истории, которую они творят.

Всякий раз при взгляде в зеркало у Дейны больно сжималось сердце. Слишком маленькая, слишком тощая, слишком плоская. Здесь, в Калифорнии, где девушки расцветали рано, она чувствовала себя гадким утенком в лебединой стае. И чтобы не расстраиваться лишний раз, перестала подходить к зеркалам. Видимо, поэтому девочка не заметила, как к четырнадцати годам ее тело начало наливаться, а в шестнадцать она стала настоящей красавицей. Теперь у нее не было недостатка в мальчиках — почему-

то мало кто мог пройти мимо этой необыкновенной девушки с серьезным овальным личиком, огромными пытливыми глазами и хриловатым грудным смехом, одновременно манящим и чуть вызывающим.

Уже с двенадцати лет Дейна твердо знала, как хотела бы потерять девственность. В прекрасную лунную теплую ночь, на далеком тропическом острове, где волны тихо набегают на берег, а вдали играет нежная музыка. Неотразимо красивый, загадочный незнакомец подойдет к ней, пристально заглянет в глаза и душу, молча подхватит на руки и отнесет под ближайшую пальму. Там они медленно разденутся и будут бешено, страстно, исступленно любить друг друга.

Действительность оказалась куда прозаичнее. После танцев, на заднем сиденье старого «шевроле» она рассталась со своей невинностью ради того же восемнадцатилетнего Ричарда Доббинса — юнца с шевелюрой морковного цвета, работавшего вместе с ней в «Форуме». Он даже подарил Дейну кольцо, но вскоре переехал с родителями в Милуоки, и девушка никогда больше его не видела.

За месяц до окончания колледжа со степенью бакалавра искусств Дейна отправилась в офис

местной газеты «Клермонт игземинер» в надежде устроиться репортером.

Инспектор отдела кадров просмотрел ее резюме.

— Значит, вы были редактором «Форума»?

— Совершенно верно, — скромно улыбнулась Дейна.

— Ладно. Вам повезло. У нас не хватает людей. Посмотрим, что получится.

Дейна была на седьмом небе. Она уже составляла список стран, в которых хотела бы побывать: Россия, Китай, Ангола...

— Понимаю, что зарубежными корреспондентами сразу не становятся, — начала она, — но как только...

— Верно. Будете рассыльной. Не забывайте подавать редакторам кофе по утрам. Покрепче и погорячее. Потом отнесете набранный текст печатникам.

— Но я не могу... — потрясенно пролепетала Дейна.

— Не можете? Чего именно?

— Не могу выразить, как рада получить это место.

Редакторы вовсю расхваливали ее кофе, и не было на свете рассыльной проворнее. Дейна приходила на работу спозаранку, летала из комнаты в комнату и успела со всеми подружиться. И всег-

да была готова помочь, понимая, что это — единственный способ пробиться наверх.

Беда в том, что и через полгода она по-прежнему оставалась девчонкой на побегушках. Пришлось идти к главному редактору, Биллу Кроуэлу.

— За это время я многому научилась, — начала девушка. — Если бы вы только согласились дать мне задание, я...

Тот даже не поднял головы.

— Свободных вакансий нет. Кстати, мой кофе остыл.

Какая несправедливость! Никто даже не желает дать ей шанс! Всего одна статья — и она сразу встанет вровень с остальными! Но как сделать первый шаг? С чего начать? Как-то утром, когда Дейна проходила через безлюдную в этот ранний час телетайпную, спеша разнести горячий кофе, из одного аппарата выползла лента с условным значком, означавшим, что сообщение относится к уголовной хронике. Заинтересованная девушка подошла поближе и принялась читать:

«Ассошиэйтед Пресс — Клермонт, Калифорния. Сегодня утром в Клермонте предотвращена попытка киднеппинга. Незнакомец подошел к шестилетнему мальчику и...»

Дейна наспех дочитала до конца, воровато оглянувшись, оторвала ленту и сунула в карман. К счастью, в телетайпной так никто и не появился.

Девушка, задыхаясь, влетела в кабинет Билла Кроуэлла:

— Мистер Кроуэлл, в Клермонте кто-то пытался похитить сегодня малыша. Предложил ему покататься на пони. Но мальчик попросил шоколадку, и похититель повел его в кондитерскую. К счастью, владелец по чистой случайности узнал ребенка и вызвал полицию. Правда, мерзавец успел скрыться.

— Нам ничего такого не передавали! — взволновался Билл. — Откуда ты знаешь?

— Я... я случайно зашла в кондитерскую, там только об этом и говорили и...

— Немедленно высылаю репортера.

— Может, я попробую? — робко пролепетала Дейна. — Хозяин кондитерской мой хороший знакомый. Он не станет стесняться и расскажет, как все было.

Билл с сомнением оглядел Дейну и вздохнул:

— Ну ладно.

На следующий день интервью напечатали на первой странице «Клермонт игземинер». Газету расхватали за несколько часов.

— Неплохо, — был вынужден признать Билл Кроуэлл. — Совсем неплохо.

— Спасибо.

Только через неделю Дейне удалось снова остаться одной в телетайпной. Ассошиэйтед Пресс передавало очередное сообщение.

«Помона, Калифорния. Женщина-инструктор дзюдо задержала потенциального насильника».

Превосходно. Как раз то, что нужно!

Дейна, как и в первый раз, стащила распечатку и поспешила к Биллу.

— Мне сейчас позвонила подруга. Она случайно выглянула из окна и увидела, как женщина в одиночку скрутила мужчину, пытавшегося ее изнасиловать. Если вы не против, я хотела бы узнать подробности и дать сообщение в газету.

— Валяй, — согласился Билл.

Дейна отправилась в Помону, нашла дзюдоистку, и, как и в первый раз, репортаж поместили на первой странице. Успех был несомненным, и редактор вызвал девушку:

— Пожалуй, еще один репортер нам не помешает. Как насчет постоянной работы?

— Потрясно!!! — восторженно завопила Дейна.

Наконец-то! Наконец-то ее карьера пошла в гору!

На следующий день выяснилось, что «Клермонт игземинер» продан гигантской корпорации «Вашингтон трибюн». В редакции царили страх и уныние. Каждый боялся за свое место. Все понимали — грядут неизбежные перемены и сокращения, и кто знает, сколько из них окажутся на улице? Только Дейна не теряла присутствия духа. Теперь она работает на «Вашингтон трибюн», а раз так, почему бы не перебраться в центральное отделение?

Она решительно отправилась к главному редактору и потребовала десятидневный отпуск. Тот, не веря ушам, уставился на девушку:

— Дейна, большинство из моих подчиненных не смеют выйти в туалет, поскольку до смерти боятся, что, когда вернутся, их столы уже сменят хозяев. Неужели ты не понимаешь, что творится?

— А что мне волноваться? Лучшего репортера, чем я, вам все равно не найти! — уверенно объявила Дейна. — Я собираюсь устроиться в «Вашингтон трибюн».

— Ты это серьезно?

Но, увидев ее лицо, главред вздохнул.

— Кажется, серьезно. Ладно. Попробайся пробиться к Мэтту Бейкеру. Он главный директор-распорядитель «Вашингтон трибюн энтерпрайзис». В его ведении все — газеты, телевидение, радио. Только предупреждаю — это нелегко.

— Попробую. Мэтт Бейкер. Я запомню.

ГЛАВА

8

Дейна даже не представляла, что Вашингтон — такой большой город. Центр, где сосредоточена мировая власть. Девушка почти физически ощущала разлитую в воздухе энергию. Здесь, и только здесь, ее место!

Прямо из аэропорта она отправилась в отель «Штауффер Ренессанс», оставила вещи в номере, нашла в справочнике адрес «Вашингтон трибюн» и поехала туда. «Трибюн» находилась на Шестой улице и занимала целый квартал. Четыре небоскреба устремлялись ввысь, в бесконечность, подавляя своим мрачным величием все окружающее. Дейна отыскала административное здание, вошла в вестибюль и уверенно шагнула к охраннику, скучавшему за стойкой.

— Чем могу помочь, мисс?

— Я здесь работаю. То есть в «Трибюн». И хотела бы поговорить с Мэттом Бейкером.

— Вам назначено?

— Пока нет, — чуть поколебавшись, призналась Дейна, — но...

— Вернетесь, когда он согласится вас принять, — бросил охранник и переключил внимание на очередных посетителей.

— У нас встреча с начальником отдела сбыта, — пояснил один из мужчин.

— Минуту, пожалуйста.

Охранник потянулся к телефону. В этот момент открылись двери лифта, откуда хлынули люди. Дейна с независимым видом направилась туда, молясь, чтобы охранник ничего не заметил. Вошла еще какая-то женщина, нажала кнопку, и лифт тронулся.

— Простите, — обратилась к ней Дейна, — на каком этаже кабинет Мэтта Бейкера?

— На третьем, — машинально ответила та и с подозрением уставилась на девушку. — Где ваш пропуск?

— Я его потеряла, — соврала Дейна.

Лифт остановился. Дейна вышла и ошеломленно огляделась. Такого ей еще не приходилось видеть. Множество клетушек, разделенных стеклянными перегородками. И в каждой творится нечто невообразимое. На дверях цветные таблички:

«Передовицы»... «Искусство»... «Метро»... «Спорт»...

Придя в себя, Дейна справилась у проходившего мужчины:

— Извините, как мне найти кабинет Мэтта Бейкера?

— Мэтта? Вон туда, в конце коридора, последняя дверь справа.

— Спасибо.

Девушка повернулась и тут же налетела на небритого взъерошенного человека с кучей бумаг под мышкой. Они тут же разлетелись по полу.

— О, простите, пожалуйста! Я не...

— Какого черта вы ворон считаете? Нечего разевать рот, лучше смотрите, куда ступаете! — рывкнул незнакомец, нагибаясь.

— Честное слово, я нечаянно! Сейчас помогу.

Дейна принялась собирать бумаги, но в спешке затолкнула несколько листочков еще глубже под стол.

Мужчина замер, пронзив ее негодующим взглядом.

— Сделайте одолжение, — разъяренно прошипел он, — никогда больше не помогайте мне!

— Как угодно, — холодно бросила Дейна. — Надеюсь, не все в Вашингтоне так безобразно грубы.

Надменно задрав нос, девушка поднялась и зашагала в указанном направлении. Перед дверью с табличкой «Мэтт Бейкер» она нерешительно замялась. В кабинете никого не было. Немного постояв, Дейна все же вошла и села, восхищенно наблюдая сквозь стекло за лихорадочной деятельностью, кипевшей в издательстве. Да, это совсем не то, что в «Клермонт игземинер»! Тут работают тысячи людей!

По коридору, не обращая ни на что внимания, почти бежал тот самый растрепанный брюзга, с которым она только сейчас поругалась.

Нет! Только не это! Он идет вовсе не сюда!

Но дверь открылась. Глаза грубияна хищно сощурились.

— Какого черта вы здесь расселись?

Дейна судорожно сглотнула, собираясь с мыслями.

— Вы, должно быть, мистер Бейкер! — жизне-
радостно воскликнула она наконец. — Я Дейна
Эванс.

— Ая, кажется, спросил, что вам здесь нужно?

— Я репортер «Клермонт игземинер».

— И что из того?

— Вы только что купили ее.

— Я?!

— То есть газета купила ее. Газета купила
газету.

Господи, что она несет?!

— Так или иначе, мне нужна работа. Конечно,
я уже служу репортером в «Клермонт игземинер»,
так что это скорее перевод, но...

Он молча уставился на девушку.

— Я могла бы начать прямо сейчас, — лепета-
ла Дейна. — Никаких проблем.

Мэтт Бейкер угрожающе надвинулся на нее.

— Кто, черт побери, впустил вас сюда?

— Я уже объясняла. Как репортер «Клермонт
игземинер»...

— Вот и возвращайтесь в Клермонт, — отрезал Мэтт. — И попытайтесь по пути ничего не расколотить и никого не сбить с ног.

— Огромное вам спасибо, мистер Бейкер, — сухо ответила Дейна, поднимаясь. — Не могу передать, как благодарна вам за учтивость и гостеприимство.

Повернувшись, она устремила прочь из кабинета. Мэтт Бейкер глядел ей вслед, покачивая головой. В этом городе полно психов!

Дейна побрела по коридору и проскользнула в огромную комнату, где десятки репортеров обабывали на компьютерах добытый материал. Именно тут она и будет работать, чего бы это ей ни стоило! «Возвращайтесь в Клермонт!» Да как он посмел!

Подняв глаза, она заметила входившего в дверь Мэтта. Этот чертов наглец во все сует свой нос!

Она едва успела спрятаться за шкафом, как Мэтт промчался мимо и остановился у одного из столов:

— Удалось получить интервью, Сэм?

— Полный облом! Я два часа осаждал «Джорджаун Медикл Сентр», но ни одна собака словом не обмолвилась. Все утверждают, что пациентки с таким именем вообще не поступало. Жены Триппа Тейлора в больнице нет и не было.

— Готов голову прозакладывать, они нагло врут! Что-то скрывают, мать их за ногу! Я хочу знать, почему она в больнице.

— Все равно до нее не доберешься, Мэтт.

— А ты пробовал трюк с доставкой цветов?

— Конечно! Не сработало!

Они, озабоченно переговариваясь, вышли из комнаты. Дейна пожала плечами. Что это, спрашивается, за репортер, который не может докопаться до сути и раздобыть интервью?!

Полчаса спустя она уже подъезжала к «Джорджтаун Медикл Сентр» и первым делом направилась в цветочную лавку.

— Чем могу помочь? — осведомилась продавщица.

— Мне... Цветов на пятьдесят долларов, — чуть запнувшись на слове «пятьдесят», попросила Дейна и как бы между делом поинтересовалась: — Скажите, в больнице можно где-нибудь купить маленькую шапочку или что-то в этом роде?

— Магазин подарков за углом.

Сувенирная лавка представляла собой хаотическое скопление поздравительных открыток, пластмассовых игрушек, флажков, воздушных шаров и кричащей дешевой одежды. Здесь же Дейна отыскала несколько бейсболок и фуражек. Выбрав одну, напоминавшую головной убор водителя, девушка купила ее, надела и вложила в

цветы карточку с пожеланием скорейшего выздоровления, на которой нацарапала несколько слов.

Следующим пунктом остановки оказался стол справок:

— У меня цветы для миссис Трипп Тейлор.

— Здесь нет никакой миссис Трипп Тейлор, — покачала головой сотрудница.

— Не может быть! — пробормотала Дейна. — Жаль. Это от вице-президента Соединенных Штатов.

Она развернула открытку и показала женщине. Та, не веря собственным глазам, прочитала:

«Поскорее поправляйтесь, дорогая миссис Тейлор. Артур Кэннон».

— Придется тащить все это обратно, — вздохнула девушка, поворачиваясь, чтобы уйти. Регистратор нерешительно помялась:

— Минутку!

— Да?

— Я могу распорядиться, чтобы цветы доставили по назначению.

— Сожалею, но вице-президент Кэннон просил, чтобы цветы вручили лично миссис Тейлор. Кстати, не могу я узнать ваше имя? Возможно, мистер Тейлор спросит, почему я не выполнила поручение.

Взгляд женщины панически забегал.

— Ну... ну ладно. Так и быть. Мне не нужны лишние проблемы. Палата 615. Оставьте букет и немедленно уходите.

— Будет сделано! — лихо отсалютовала Дейна и уже через несколько минут оказалась у постели жены всемирно известной рок-звезды Триппа Тейлора.

Стейси Тейлор было не больше двадцати пяти, но в настоящий момент представлялось весьма затруднительным определить, хорошенькая она или нет — распухшее лицо бедняги украшали ссадины и огромные багрово-фиолетовые синяки. Один глаз почти закрылся. Когда вошла Дейна, женщина как раз пыталась дотянуться до стакана воды на ночном столике.

— Цветы для...

Увидев гротескно-уродливую маску, Дейна осеклась на полуслове.

— От кого? — невнятно пробормотала женщина разбитыми губами. Дейна поспешно спрятала карточку.

— От... от друга.

Миссис Тейлор с подозрением уставилась на Дейну:

— Не дадите мне воды?

— Разумеется.

Дейна бросила на стол букет и поднесла женщине стакан.

— Могу я еще чем-то помочь?

— Еще бы! Вытащить меня из этой вонючей помойки. Муж запретил пускать ко мне посетителей. Меня уже тошнит от всех этих докторов и сестер.

Дейна опустилась на стул у кровати:

— А что с вами случилось, миссис Тейлор?

— Разве не видите? — буркнула та. — Попала в автокатастрофу.

— Неужели?

— Вот именно.

— Какой ужас! — скептически бросила Дейна, даже не пытаясь скрыть недоверия. Какая скотина ее муженек! Так избить женщину!

Она не спешила уходить, а миссис Тейлор, по-видимому, доведенная до точки, наконец развязала язык. Дейне без особого труда удалось узнать правду и получить интервью.

За время ее отсутствия в вестибюле «Вашингтон трибюн» сменился охранник, и Дейна снова подверглась допросу.

— Я не виновата, честное слово! — задыхаясь, ответила девушка с самым невинным видом. — Это все проклятые пробки! Передайте мистеру Бейкеру, что я уже поднимаюсь. Он убьет меня за опоздание!

Она метнулась к лифту и нажала кнопку. Охранник озабоченно посмотрел ей вслед и принялся набирать номер.

— Алло, передайте мистеру Бейкеру, что здесь молодая женщина, которая...

Слава Богу, лифт прибыл почти мгновенно. Дейна поскорее вошла и нажала кнопку. На тре-

тjem этаже царила невероятная суматоха. Репортеры старались сдать материал к крайнему сроку. Дейна немного постояла, решая, как быть, и наконец увидела то, что искала, — пустой стол в комнатенке с табличкой «Садоводство». Усевшись, девушка включила компьютер, начала печатать и вскоре, целиком поглощенная делом, потеряла всякое представление о времени. Наконец осталось только распечатать интервью. Девушка уже скрепляла листочки, когда над ней нависла чья-то тень.

— Опять вы? Какого дьявола вам здесь надо? — прошипел Мэтт Бейкер.

— Я уже объясняла, мистер Бейкер, ищу работу. Сделала репортаж и подумала...

— Ну уж нет! — взорвался Мэтт. — Не воображайте, что можете явиться сюда и занять чье-то место! Проваливайте к чертям собачьим, пока я не вызвал охрану и не велел вас арестовать!

— Но...

— Вон!

Дейна встала и, собрав все свое достоинство, сунула бумаги в руку Мэтта и зашагала к двери.

Бейкер ошеломленно покачал головой. Иисусе! Куда только катится этот мир!

Он уже хотел швырнуть листочки в корзину для бумаг, но краем глаза увидел первую строчку:

«Стейси Тейлор, избитая и изувеченная, утверждает, что попала в больницу, потому что муж, известный рок-музыкант Трипп Тейлор, в очередной раз жестоко ее избил.

— Стоит мне только забеременеть, — сказала она, — как он набрасывается на меня. Он не хочет детей».

Мэтт, словно громом пораженный, прирос к месту. Наконец, немного придя в себя, он дочитал до конца, а когда поднял голову, Дейны уже не было в комнате. Он бросился к лифту, надеясь перехватить девушку прежде, чем та исчезнет. Но, завернув за угол, наткнулся на нее. Дейна ждала, прислонившись к стене.

— Как вы умудрились заполучить это? — подступил к ней Бейкер.

— Сколько раз вам объяснять, что я репортер? — удивилась Дейна. Мэтт несколько раз глубоко вздохнул, пытаясь успокоиться.

— Пойдем ко мне.

Они вернулись в кабинет Бейкера.

— Хорошая работа, — неохотно проворчал Мэтт.

— Спасибо! Не могу выразить, как я вам благодарна. Поверьте, лучшего репортера у вас не будет! — возбужденно тараторила Дейна. — Вот увидите. Правда, я хочу стать зарубежным корреспондентом, но готова начать с самых низов, даже если на это уйдет целый год. — И, заметив выражение его лица, поспешно добавила: — Ну два.

— В «Трибюн» нет вакансий, зато есть длинный список кандидатов на должность.

Дейна открыла рот от удивления.

— Но я предполагала...

— Вот что, мисс Эванс, здешние репортеры не имеют права предполагать или строить планы. Для этого существую я. Понятно?

— Да, сэр.

— Прекрасно. — Он задумчиво помолчал и, очевидно, решив что-то, спросил: — Вы когданибудь смотрели канал WTE? Телестудии «Трибюн энтерпрайзис»?

— Нет, сэр, не приходилось.

— Ну а с этого дня придется. Вам повезло. Там есть свободное место. Один из литообработчиков только что уволился. Можете занять его место.

— И что я буду делать?

— Составлять окончательный вариант теле-новостей.

— Составлять? — разочарованно протянула Дейна. — Но я ничего в этом не понимаю...

— Все очень просто. Редактор отдела последних известий дает вам необработанный материал, полученный от телеграфных агентств со всего мира. Вы переписываете все это литературным языком, так, чтобы получилось единое целое, и относите на телесуфлер, чтобы ведущий смог прочесть.

Дейна лишилась дара речи.

— Ну, как?

— Ничего, но просто я... я репортер.

— У нас здесь пятьсот репортеров, и все годами и собственным горбом заслужили право так называться. Отправляйтесь в четвертый корпус. Спросите мистера Хокинса. Кстати, телевидение — не самое плохое место для начала карьеры.

Мэтт поднял трубку.

— Я позвоню Хокинсу.

— Спасибо, мистер Бейкер, — вздохнула Дейна. — И если вам когда-нибудь понадобится...

— Исчезни.

Телестудия WTE занимала весь шестой этаж четвертого корпуса. Том Хокинс, редактор ночных новостей, повел Дейну к себе в кабинет.

— Вы когда-нибудь работали на телевидении?

— Нет, сэр. Только в газетах.

— Динозавры. Они — прошлое. Мы — настоящее. А кто знает, что ждет нас в будущем? Позвольте, я все вам здесь покажу.

За столами с мониторами сидели десятки людей. На экранах то и дело возникали сообщения телеграфных агентств.

— Именно здесь мы и узнаем все, что происходит на свете, — пояснил Хокинс. — А я решаю, какие сюжеты дать в эфир. Отдел распределения посылает съемочные бригады отснять материал. Репортеры с мест отсылают свои репортажи по микроволновым передатчикам. Кроме службы новостей, в нашем распоряжении сто шестьдесят полицейских каналов, десятки репортеров с сотовыми телефонами, сканеры и мониторы. Время каждой информации распределяется с точностью до секунды. Литобработчики работают с режиссерами видеомонтажа, чтобы синхронизировать

изображение с речью. Среднее время прохождения репортажа — от полутора минут до минуты сорока пяти секунд.

— Сколько литобработчиков работает здесь?

— Шестеро. Кроме них, есть еще и видеокоординатор, редакторы, режиссеры, репортеры, ведущие... — Том осекся, увидев подходившую пару. — Кстати, о ведущих. Знакомьтесь, Джулия Бринкмен и Майкл Тейт.

Какая красавица! Абсолютно неотразима! Каптановые волосы, зеленые глаза, пылко-чувственный взгляд, заученная обезоруживающая улыбка. И Майкл Тейт — атлетически сложенный молодой человек с обаятельным мальчишеским лицом.

— Наш новый литобработчик, — представил Хокинс. — Донна Эванс.

— Дейна Эванс.

— Не имеет значения. За работу!

Он снова отвел Дейну в свой кабинет и кивнул на информационное табло на стене.

— Это сюжеты, которые я выбрал. На профессиональном жаргоне — пули. Мы выходим в эфир дважды в сутки, с полудня до часу, и с десяти до одиннадцати. Эти самые пули вы соединяете в единый выпуск и стараетесь подать их зрителям так увлекательно, чтобы им в голову не пришло переключать каналы. Видеомонтажер показывает вам клипы, а вы подробно излагаете их содержание на бумаге и расписываете очередность.

— Понятно.

— Иногда, если неожиданно вклинивается особенно сенсационная история, мы прерываем передачу, чтобы дать прямой эфир.

— Интересно. — заметила Дейна.

Она не знала, что в один прекрасный день это правило спасет ей жизнь.

Первая рабочая ночь была настоящим несчастьем. Дейна вставила краткое содержание новостей вместо начала в середину. Джулия Бринкмен с ужасом обнаружила, что ей достались сюжеты Майкла Тейта, а тот, запинаясь, сообщал ее долю известий.

Когда выпуск все-таки благополучно завершился, режиссер подошел к Дейне.

— Мистер Хокинс просил вас немедленно зайти в его кабинет.

Хокинс, мрачный, как туча, сидел за столом.

— Знаю, — с покаянным видом пробормотала Дейна, — я натворила бог весть что и крутом виновата.

Тот молча смотрел на нее. Дейна попыталась исправить положение.

— Но в этом есть и хорошая сторона, Том! Я постепенно учусь и уже не повторяю прежних ошибок. Верно?

Том продолжал безмолвствовать.

— И это больше никогда не случится, потому что...

Она наконец заметила плотно сжатые губы.

— ...потому что я уволена.

— Нет, — коротко ответил Хокинс, — так легко вы не отделаетесь. Будете повторять все из дня в день, пока не усвоите, как это делается. Я имею в виду завтрашние дневные известия. Надеюсь, вы меня поняли?

— Прекрасно.

— Очень рад. Жду вас завтра в восемь утра.

— Хорошо, Том.

— И поскольку мы собираемся работать вместе, можете называть меня «мистер Хокинс».

На этот раз досадных накладок не было. По-видимому, Том Хокинс оказался прав. Самое главное — войти в ритм. Получить список сюжетов... написать сценарий, поработать с видеомонтажом... отнести готовый материал на телесуфлер.

И так день за днем, вечер за вечером...

Счастливым случай подвернулся через восемь месяцев после прихода на телевидение. Без четверти десять Дейна как раз закончила работать с телесуфлером и, собираясь уходить, зашла в студию, чтобы попрощаться. Там царил неописуемый хаос. Все говорили одновременно, перебивая друг друга и размахивая руками.

— Куда провалилась эта корова? — орал режиссер Роб Клайн.

— Не знаю.

— Никто ее не видел?

— Нет.

— А на квартиру звонили?

— Там включен автоответчик.

— Только этого нам и не хватало! Эфир... — Он взглянул на часы. — ...ровно через двенадцать минут.

— Может, с ней случилось что-то, — робко предположил Майкл. — Попала в катастрофу и погибла.

— Это еще не причина! Могла бы позвонить!

— Простите... — вставила Дейна.

— Ну что еще?! — рявкнул режиссер.

— Если Джулия не придет, я могла бы ее заменить.

— Вздор.

Он нетерпеливо обернулся к ассистенту.

— Позвоните охране и узнайте, не входила ли она в здание.

Ассистент подбежал к телефону.

— Скажите, Джулия Бринкмен не... Ну что ж, если придет, передайте, чтобы немедленно поднималась.

— Пусть держат для нее внизу лифт. Через семь чертовых минут начнется передача.

— Я один прочитаю весь выпуск, — вызвался Майкл Тейт.

— Нет, — прогремел режиссер. — Нам нужны вы оба!

Он в который раз посмотрел на часы.

— Три минуты. Мать их... три минуты! Как она могла?! Еще три минуты, и мы пропали.

— Я знаю все слова наизусть, — не отставала Дейна. — Сама их писала.

Режиссер наспех оглядел девушку.

— Не пойдет. Вы не загримированы. И кто вас выпустит в таком виде?!

Из кабины донесся голос звукооператора:

— Две минуты. Займите места, пожалуйста.

Майкл Тейт, пожав плечами, уселся на возвышении перед камерами.

— На места, пожалуйста.

— Доброй ночи, мистер Клайн, — улыбнулась режиссеру Дейна и направилась к двери.

— Подождите! — взвыл тот, растерянно потирая лоб. — Уверены, что сумеете продержаться до конца?

— Попробую.

— Больше все равно ничего не остается, — простонал Роб. — Ладно, давайте быстрее! Господи! Ну почему я не послушался мамочку и не пошел в доктора?

Дайна в два прыжка оказалась на возвышении и уселась рядом с Майклом.

— Тридцать секунд... двадцать... десять... пять...

Режиссер взмахнул рукой, и на камере замигал красный огонек.

— Добрый вечер. — спокойно начала Дейна. — Начинаем вечерний выпуск новостей WTE. Мы вынуждены отложить остальные сообщения, чтобы передать только что полученное известие о страшной катастрофе в Голландии. В амстердамской школе прогремел сильный взрыв и...

Передача прошла как по маслу.

На следующее утро Роб Клайн явился в кабинет Дейны.

— Дело плохо. Вчера ночью Джулия попала в автокатастрофу. У нее... — Он замялся. — ...изуродовано лицо.

— Какой ужас! — охнула Дейна. — Сильно?

— Очень.

— Но пластическая хирургия в наше время делает...

— Только не в этом случае, — покачал головой Клайн. — Джулия больше никогда не сможет работать перед камерами.

— Мне бы хотелось навестить ее. В какой она больнице?

— Ее увезли к родителям в Орегон.

— Бедняжка!

— Кто-то теряет, кто-то находит, — вздохнул режиссер и, критически оглядев Дейну, кивнул: — Вчера ночью у вас неплохо получилось. Продолжайте в том же духе, пока мы не подыщем замену.

После его ухода Дейна немедленно отправилась к Мэтту Бейкеру.

— Видели вчерашний выпуск новостей?

— Угу, — пробормотал тот. — Не мешало бы вам поучиться пользоваться косметикой и купить несколько приличных платьев.

— Да, босс, — разочарованно пробормотала Дейна и пошла к двери.

— Все было не так уж и плохо, — проворчал ей вслед Бейкер. В его устах это означало самый

изысканный комплимент. Дейна немного повеселела. Она посоветовалась с гримерами, посетила несколько дорогих бутиков, и на пятый день режиссер объявил девушке:

— Большая шишка велел передать, что место за вами.

Дейна долго гадала, кто эта «большая шишка». Уж не Мэтт ли Бейкер?

Через шесть месяцев Дейна полностью освоилась и стала заметной фигурой на телестудии. Молодая, красивая, умная женщина и способная сотрудница недолго оставалась в тени. Уже к концу года ей повысили жалованье и стали давать специальные задания. Одно из ее ток-шоу — «Здесь и сейчас», на которое приглашались самые известные люди страны, неизменно пользовалось огромной популярностью. В разговоре с приглашенными она никогда не допускала грубости, язвительности или схищных намеков, неизменно была доброжелательна и приветлива, и даже те знаменитости, кто опасался показываться на других ток-шоу, сами предлагали Дейне взять у них интервью. В журналах и газетах появлялись хвалебные статьи о новой ведущей. Постепенно Дейна сама становилась звездой.

Однако по ночам она продолжала смотреть выпуски новостей. Дейна завидовала зарубежным корреспондентам. Они делали нечто по-настоящему важное, иногда рисковали жизнью, чтобы

выполнить свой журналистский долг, а она... она сидит здесь и занимается черт-те чем! Дейна чувствовала, что задыхается.

Двухгодичный контракт с телестудией подходил к концу. Филип Коул, глава корреспондентского бюро, вызвал Дейну.

— Прекрасно работаете, Дейна. Мы все вами гордимся.

— Спасибо, Филип.

— Пора поговорить о новом контракте. Прежде всего...

— Я увольняюсь.

— Простите, не понял...

— После окончания контракта я больше не стану заниматься шоу.

— Но почему? — удивился Филип, кажется, так и не поверив собственным ушам. — Неужели вам здесь не нравится?

— Очень нравится, и мне жаль уходить из WTE, но я хочу стать зарубежным корреспондентом.

— Вы в своем уме?! — взорвался Филип. — Это жалкое существование! Хуже ничего не придумаешь. Зачем вам это?

— Просто устала слушать, что готовят на ужин знаменитости и каким образом очередная кинодива познакомилась со своим пятым мужем. В мире не утихают войны, ежеминутно страдают и умирают люди, и никому нет дела до этого. Я

попробую пробудить в сытых и довольных хоть каплю жалости.

Дейна глубоко вздохнула, пытаясь взять себя в руки.

— Простите, но я никак не могу остаться.

— Подождите! Вы... вы серьезно?

— Я всю жизнь мечтала об этом, — тихо, но твердо ответила Дейна.

Немного поразмыслив, Коул пожал плечами.

— Куда бы вы хотели отправиться?

Дейна не сразу поняла, что победила. Наконец смысл его слов дошел до нее. Обретя наконец дар речи, Дейна пробормотала:

— В Сараево.

ГЛАВА

9

Губернаторские обязанности с каждым днем требовали все больше времени, но это лишь подстегивало Оливера. Политика всегда влекла его, а власть притягивала куда сильнее самой соблазнительной любовницы. От принятых им решений зависели судьбы тысяч людей. Оливер быстро научился манипулировать общественным мнением и законодательным собранием штата в угоду интересам тестя, однако его репутация оставалась безупречной, а влияние продолжало расти. Однако Оливер старался не зарываться, прекрасно помня предупреждение сенатора:

— Это лишь первая ступенька, Оливер. Присчитывай каждый шаг.

И Оливер был крайне осторожен. Он изменял жене налево и направо, но с его именем никогда не связывалось ни тени скандала. Друзья и знакомые считали его любящим и верным мужем и с негодованием отвергли бы любой намек на его

бесчисленные романы. Единственное, что омрачало его безоблачное существование, — несчастный случай с Мириам. Время от времени он звонил в больницу, но врачи сообщали, что девушка по-прежнему в коме.

Одной из обязанностей Оливера было давать официальные обеды. Почетными гостями становились союзники по партии, известные спортсмены, актеры, влиятельные политики и церковные сановники. Джан оказалась гостеприимной и радужной хозяйкой, и присутствующие неизменно бывали очарованы этой привлекательной, полной достоинства женщиной. Как-то она сообщила Оливеру, что звонил отец:

— В следующий уик-энд он дает прием и просил нас приехать. Там будут люди, с которыми он хотел бы нас познакомить.

В эту субботу в роскошном доме сенатора Дэвиса Оливер пожимал руки самым влиятельным заправилам Вашингтона. Шампанское лилось рекой, недостатка в красивых женщинах не было, на стол подавались изысканные блюда, и Оливер чувствовал себя на седьмом небе. Как чудесна жизнь!

— Веселитесь, Оливер? — вежливо спросил подошедший Тейгер.

— Да. Прекрасный прием! Лучшего и пожелать нельзя.

— Кстати, о желаниях. Вчера Элизабет, моя дочурка, которой на днях исполнилось шесть, что-то закапризничала и с утра отказалась одеваться. Бетти уже и так ее уговаривала и эдак, пока совсем не отчаялась. Тогда Элизабет поглядела на мать и спросила: «Мама, о чем ты думаешь?» «Детка, — отвечает та, — я хотела бы, чтобы ты развеселилась, оделась и позавтракала, как хорошая девочка». И тут Элизабет отвечает: «Мама, я отказываюсь удовлетворить твое желание...» Ну не умница ли? Теперешние дети просто чудо, не находите? Ладно, еще увидимся, губернатор.

В этот момент в дверях появились запоздавшие гости, и сенатор Дэвис поспешил их встретить.

Итальянский посол Атилио Пиконе, представительный мужчина лет шестидесяти со смуглым лицом уроженца Сицилии, осторожно поддерживал под локоть свою жену, одну из самых красивых женщин, когда-либо виденных Оливером. Сильва до замужества была известной актрисой и до сих пор пользовалась огромной популярностью в Италии. Неудивительно: огромные чувственные карие глаза, лицо мадонны и роскошные рубенсовские формы. И при этом на двадцать пять лет моложе мужа. Дэвис поспешил представить супружескую чету Оливеру.

— Рад познакомиться, — учтиво поклонился тот, не в силах отвести взгляда от Сильвы.

— Я много слышала о вас, — улыбнулась женщина.

— Надеюсь, ничего особенно плохого.

— Я...

— Сенатор Дэвис весьма высокого мнения о вас, — вмешался муж.

— Польщен, — пробормотал Оливер, все еще глядя на Сильву.

Сенатор Дэвис поспешил представить супругов другим гостям, а потом, отведя Оливера в сторону, предупредил:

— Руки прочь, губернатор. Запретный плод. Попробуй откусить и помашешь будущему ручкой.

— Успокойтесь, Тодд. Не буду же...

— Я вполне серьезно. Твоя глупость может стоять нам конфликта с Италией.

На прощание Атилио вежливо сказал:

— Рад был познакомиться, губернатор.

— Взаимно, посол.

Сильва чуть сжала руку Оливера и многообещающе шепнула:

— До будущих встреч, губернатор.

Их взгляды скрестились. Но Оливер мгновенно вспомнил о предупреждении губернатора и отвел глаза.

Прошло две недели. Оливер, как всегда, работал у себя в кабинете, когда в интеркоме раздался голос секретарши:

— Губернатор, приехал сенатор Дэвис и желает поговорить с вами.

— Сенатор здесь?

— Да, сэр.

— Немедленно пригласите.

Оливер знал, что тесть сражается в Вашингтоне за принятие выгодного законопроекта. Что заставило его так внезапно прилететь во Франкфорт?

Дверь открылась. Вошел Тодд в сопровождении Питера и, улыбаясь, обнял зятя:

— Губернатор, как приятно видеть вас!

— Очень рад, Тодд. Доброе утро, Питер.

— Привет, Оливер.

— Надеюсь, я не помешал? — осведомился сенатор.

— Нет... ничуть. Что... что-то случилось?

— Нет, слава Богу, до этого не дошло. Наоборот, лучшего и пожелать нельзя.

— Ничего не понимаю, — недоуменно протянул Оливер.

— У меня хорошие новости, сынок. Можно сесть?

— О, простите, я совсем растерялся. Что хотите? Кофе? Виски? Сейчас...

— Нет. Нам и без того есть чем себя подстегнуть.

Оливер пожал плечами, не понимая, что творится.

— Я только что из Вашингтона. Сумел сколотить достаточно влиятельную группу, которая считает, что нашим следующим президентом должен стать именно ты.

Оливера пронизал неудержимый трепет восторга.

— Я... почему именно я?

— Собственно говоря, я приехал лишь потому, что сейчас самое время начинать кампанию. До выборов осталось менее двух лет.

— Лучшего момента не придумать! — восхищенно вставил Питер. — Вскоре вся страна узнает о вас.

— Питер возьмет на себя руководство, — сообщил сенатор. — Он все устроит. Сам знаешь, никого лучше не найти.

— Согласен! — весело воскликнул Оливер.

— Ну что же, Оливер, все будет как надо, — заверил Тейгер.

— Представляю, во что это обойдется, — тяжело вздохнул Рассел.

— Об этом не волнуйся, — отмахнулся сенатор. — Все будет по первому классу. Я сумел убедить своих добрых друзей, что ты именно тот человек, в которого стоит вкладывать денежки. Не стоит недооценивать себя, Оливер. Пару месяцев назад в одном из газетных обзоров тебя назвали в числе трех лучших губернаторов страны. Так вот, я уже говорил, ты наделен тем качеством, которого в помине нет у остальных двух, — харизмой. Этого ни за какие деньги не купишь. Люди с радостью отдадут тебе свои голоса.

Оливер, казалось, только сейчас осознал, что сенатор не шутит.

— Когда мы начинаем? — взволнованно спросил он.

— Уже начали. Сначала нужно собрать сильную команду, а потом станем вербовать добровольцев по всей стране.

— Насколько реальны мои шансы?

— На предварительных выборах мы сотрем соперников в порошок, — уверенно ответил Тейгер, — но позиция нынешнего президента Нортон очень сильна. Его не так-то просто обойти. Наше счастье, что он уже избирался на второй срок, а значит, не станет баллотироваться в третий. Ну а вице-президент Кэннон — ничтожество по сравнению с ним. Бледная тень. Растает, как прошлогодний снег, едва солнце взойдет.

Совещание продолжалось четыре часа, и наконец сенатор попросил Тейгера:

— Питер, не оставьте нас одних на несколько минут?

— Конечно, сэр.

Мужчины молча смотрели ему вслед.

— Я поговорил сегодня с Джан, — буркнул сенатор.

У Оливера душа ушла в пятки.

— И что?

— Она очень счастлива, — улыбнулся Дэвис.

— И я тоже, — облегченно вздохнул Оливер.

— Ну что ж, сынок, так держать. Только не дай погаснуть домашнему очагу. Надеюсь, ты понимаешь, о чем я?

— Не волнуйтесь Тодд. Вы же знаете...

Улыбка сенатора поблекла.

— К сожалению, нельзя не волноваться, Оливер. Не могу осуждать молодого здорового мужчи-

ну за то, что он поглядывает на сторону, но пусть это не станет причиной катастрофы.

Шагая рядом с Питером по коридору здания законодательного собрания, сенатор приказал:

— Я хочу, чтобы ты немедленно начал набирать людей для штаба избирательной кампании. Не жалея никаких денег. Открой офисы в Нью-Йорке, Вашингтоне, Чикаго и Сан-Франциско. Первичные выборы начинаются через год. Партийные съезды для выдвижения кандидатов — через полтора. После этого спокойно пожелаем Оливеру счастливого плавания. Проводишь меня в аэропорт, Питер?

— Разумеется, сенатор. Из Рассела выйдет прекрасный президент.

Сенатор молча кивнул.

«Президент, которого создал я. Моя марионетка. Я стану дергать за веревочки, а он будет лишь рот открывать и производить нужные телодвижения», — цинично усмехнулся он про себя.

— Сигару? — предложил он, вынимая золотой портсигар.

Первичные выборы проходили как нельзя лучше. Сенатор, как всегда, не ошибся в Питере. Он словно заранее знал, в каком направлении сделать нужный ход и как лучше организовать работу. И поскольку Тейгер был известен всем как прекрас-

ный семьянин и богобоязненный человек, верующие и религиозные люди шли за ним. Кроме того, он прекрасно знал все тонкости работы сложных политических механизмов и сумел убедить либералов на время забыть о разногласиях и сплотиться. Лучшего руководителя избирательной кампании, пожалуй, не было ни у одного кандидата.

Однако Тейгер понимал, что для успеха Оливеру необходимо набрать к предвыборному съезду не менее двухсот голосов делегатов, а значит, следует сделать все, чтобы добиться этого. А для этого требуется посетить каждый штат. Оливер просмотрел программу посещений и недоуменно покачал головой.

— Это... это попросту невозможно, Питер.

— Возможно, если все устроить как надо. Сенатор обещал предоставить вам свой самолет. На местах нас будут встречать наши люди, и я все время буду рядом.

Вскоре в команде Оливера появился новый член. Сам сенатор познакомил зятя с Саймом Ломбардо, немногословным, угрюмым, смуглым великаном с сажеными плечами.

— Не пойму, зачем он нам нужен, — удивился Оливер, оставшись наедине с тестем.

— Сайм — нечто вроде устройства для решения проблем. Особенно, когда требуется угово-

рить некоторых чересчур уж упрямых людей. Поверь, Сайм может быть крайне убедительным. Внушит что угодно и кому угодно.

Оливер счел за лучшее переменить тему.

Кампания была в полном разгаре, и Питер каждый день снабжал Оливера краткими тезисами с указаниями, что, когда и как сказать. Он позаботился о том, чтобы Оливер появлялся во всех нужных местах и говорил именно то, что хотели услышать люди.

— Промышленность — это источник жизненной силы нашей страны, — вещал он в Пенсильвании. — И не следует этого забывать. Мы снова откроем фабрики и поставим Америку на рельсы современного производства.

Аплодисменты.

— Авиационная индустрия — один из важнейших источников дохода страны, — уверял он в Калифорнии. — И поэтому для закрытия заводов нет никаких причин. Мы возродим былую славу!

Овации.

— Именно мы изобрели автомобили, — восклицал Оливер в Детройте, — но японцы украли у нас рынок. Ну так вот, мы займем подобающее нам первое место. Детройт снова станет автомобильным центром мира!

Восторженные вопли.

Выступая в университетских городках, Оливер гарантировал студентам кредиты на образова-

ние. Приезжая на военные базы, рассуждал о необходимости быть готовыми отразить любое нападение. И мало кому известный вначале кандидат стал быстро набирать популярность. Результаты общественных опросов ошеломили.

На первой неделе июля более четырехсот делегатов и их помощников вместе с партийными боссами повыше и пониже рангом собрались в Кливленде на съезд для выдвижения кандидата на пост президента и перевернули город вверх дном. Вечеринки и приемы сменялись парадами, пикниками и празднествами. Вездесущие телерепортеры едва успевали передавать репортажи с места действия. Питер Тейгер и Сайм Ломбардо заботились о том, чтобы губернатор Рассел всегда оказывался на первом плане.

Оливер был не единственным кандидатом, но сенатор Дэвис не дремал и постарался вовремя нажать нужные кнопки, чтобы устранить соперников. Многие влиятельные лица были у него в долгу, и сенатор беспардонно пользовался этим.

— Тоби, это Тодд. Как Эмма и Сьюзи? Прекрасно. Хотел поговорить с тобой насчет твоего мальчика, Эндрю. Знаешь, он меня тревожит. Чересчур либеральные взгляды. Юг никогда его не примет. Вот что я предлагаю...

— Альфред, это Тодд. Как дела у Роя?.. Не стоит благодарности. Счастлив был ему помочь выпутаться из того дельца. Кстати, нужно потолковать

насчет твоего кандидата, Джерри. По-моему, он просто крайне правый. Если поддержать его, мы потеряем Север. Послушай лучше меня...

— Кеннет? Тодд. Хотел сказать только, как рад, что тебе удалась та сделка с недвижимостью. И кстати, думаю, неплохо бы помозговать, что делать со Слейтером. Он слабак. Мы не можем позволить себе выдвигать заведомого неудачника...

И так продолжалось до тех пор, пока все конкуренты не сошли с круга и единственно возможным кандидатом не был признан губернатор Оливер Рассел.

Процедура выдвижения в кандидаты на пост президента прошла без особых трудностей. При первом тайном голосовании Рассел получил семьсот голосов — больше двухсот от шести северо-восточных промышленных штатов, сто пятьдесят от шести штатов Новой Англии, сорок от южных, сто восемьдесят от двух сельскохозяйственных штатов. Остальное от трех штатов на тихоокеанском побережье.

Питер Тейгер трудился днем и ночью, смазывая колеса рекламного поезда. Когда были подсчитаны окончательные результаты, Оливер оказался победителем. И в тщательно созданной атмосфере всеобщей истерии он при бурном одобрении собравшихся был назначен кандидатом на пост президента. Следующим этапом были предварительные выборы вице-президента. Тут спо-

ров не возникало — депутаты съезда хорошо знали Мелвина Уикса, видного калифорнийского политика, известного конгрессмена и богатого предпринимателя.

— Они прекрасно дополняют друг друга, — утверждал Тейгер. — Теперь начнется настоящая работа. Наша цель — добиться магической цифры 270*.

— Людям необходим молодой энергичный лидер. — твердил он Оливеру. — Симпатичный, обаятельный, обладающий чувством юмора и широкими взглядами. Они хотят, чтобы их постоянно осыпали похвалами, сочувствовали нуждам и трудностям, и в этом случае всему готовы поверить... Не старайтесь показать, как вы умны и проницательны. Никогда не оскорбляйте оппонента, не переходите на личности. И не смотрите на репортеров сверху вниз. Обращайтесь с ними по-дружески, и они все для вас сделают. Пусть все видят, что вы не мелочны, не мстительны. Помните — вы государственный деятель.

Кампания набирала силу. Самолет сенатора Дэвиса мгновенно переносил Оливера из Техаса в Калифорнию, Мичиган и Массачусетс. Время рассчитывалось до минуты. Иногда Оливеру при-

* Количество голосов, поданных членами коллегии выборщиков на президентских выборах, необходимое для избрания президента.

ходило за день побывать не менее чем в десяти городах и всюду произносить речи. Мелькали лица, вывески, аэропорты, отели, сливаясь в одну бесконечно пеструю выматывающую рутину. Но где бы ни появлялся Оливер, процессию сопровождали патрульные машины, толпы восторженных почитателей и радостные крики.

Джан почти все время ездила с мужем, и тому приходилось признать, что она была в этой игре не последним козырем. Репортеры обожали эту привлекательную стройную женщину с безупречными манерами.

Время от времени Оливер читал о последних приобретениях Лесли Стюарт. Газета в Мадриде. Телестудия в Мексике. Радиостанция в Канзасе. Он искренне радовался успехам бывшей невесты. Хорошо, что она многого добилась в жизни — это словно снимало с Оливера часть вины за то, что он сделал с ней.

Где бы ни появлялся Оливер, репортеры сразу бросались к нему — снимали, брали интервью, цитировали. Сенатор платил огромные деньги представителям прессы со всех концов света, работавшим исключительно на избирательную кампанию. Результаты последнего опроса показывали, что Рассел прочно занимает первое место. Но неожиданно его соперник, вице-прези-

дент Кэннон, начал с непостижимой быстротой набирать очки.

— Так он, пожалуй, может и выиграть, — встревожился Питер. — Нужно каким-то образом остановить его.

Было решено устроить два раунда теледебатов между Кэнноном и Оливером.

— Кэннон собирается говорить об экономике, — сообщил Тейгер, — и при этом прекрасно подготовлен. Нужно обхитрить его. Вот что я придумал...

Так оно и случилось. В ночь первых дебатов вице-президент долго разглагольствовал об экономике:

— Америка никогда еще не переживала такого экономического подъема. Бизнес процветает...

Остальные десять минут он доказывал свою правоту фактами и цифрами.

Настала очередь Оливера Рассела.

— Все это весьма впечатляюще, — заметил он, — и, не сомневаюсь, все американцы искренне радуются, что огромные корпорации получают гигантские прибыли. Но мой уважаемый оппонент забывает упомянуть при этом, что во многом подобные доходы обеспечиваются за счет так называемого сокращения. Говоря обычным языком, это означает, что рабочие выбрасываются на улицу, а их места занимают усовершенствованные машины. Боюсь, статистика редко учитывает

человеческий фактор. Я не разделяю ваше мнение о том, что финансовые успехи больших компаний важнее интересов простых людей...

Он продолжал распространяться о бедах и проблемах честных тружеников, выставляя Кэннона в самом невыгодном свете. К окончанию его речи вице-президент в глазах избирателей уже казался не кем иным, как бессердечным политиканом, равнодушным к судьбе американского народа.

Наутро после дебатов ситуация резко изменилась. Теперь Оливер Рассел всего на три пункта отставал от вице-президента. Но впереди предстоял еще один раунд. Артур Кэннон, поняв, что противника не так легко одолеть, усвоил полученный урок и решил не повторять собственных ошибок. В полной уверенности, что на этот раз его не удастся так легко свалить, вице-президент встал перед микрофоном и начал речь:

— Мы живем в стране равных возможностей. И гордимся свободой, дарованной нам конституцией, но одной свободы недостаточно. Каждый американец должен иметь право работать и получать за свой труд достойную плату...

Он посчитал, что опередил Оливера и перехватил инициативу, первым заговорив о благе американского народа. Но Питер Тейгер сумел предвидеть и это. Дождавшись окончания речи Кэннона, к микрофону шагнул Оливер.

— Все это очень трогательно. Все мы потрясены только что услышанным, особенно горестями безработных и бездомных. Тех, кого вы так метко

назвали «забытыми людьми». Однако меня несколько беспокоит другое — говоря все это, вы, кажется, упустили из виду самое главное — каким именно образом вы собираетесь осуществить все свои великолепные прожекты.

И в противовес страстной эмоциональной речи Кэннона Оливер изложил конкретные факты и планы экономического подъема, снова оставив оппонента на бобах.

Вечером Оливер, Джан и Дэвис ужинали в особняке сенатора в Джорджтауне.

— Мне только что принесли результаты последнего опроса, — улыбаясь, объявил Тодд. — Джан, думаю, тебе пора поговорить с дизайнерами и декораторами насчет новой обстановки для Белого дома.

Лицо Джан просияло.

— Ты в самом деле считаешь, что мы победим, папа?

— За всю жизнь, дорогая, я не раз ошибался, но не там, где речь идет о политике. Это у меня в крови. В ноябре Америка получит нового президента, того, кто сидит сейчас рядом с тобой.

ГЛАВА

10

Пристегните ремни, пожалуйста.
«Началось!» — вне себя от волнения, думала Дейна, украдкой поглядывая на Бенна Албертсона и Уолли Ньюмена. Бенн Албертсон, режиссер Дейны, подвижный бородач лет сорока, считался одним из лучших профессионалов на телевидении. Уолли Ньюмен был намного старше. Талантливый оператор и хороший товарищ, он, как и Дейна, не мог дожидаться, когда они наконец начнут работать.

Дейна с восторгом представляла будущие приключения. Самолет приземлится в Париже. Следующая остановка — Загреб, а потом Сараево.

Перед отъездом из Вашингтона Дейну подробно проинструктировала Шелли Макгайр, заведующая отделом зарубежной корреспонденции.

— В Сараево вам понадобится передвижная телестанция, чтобы передавать репортажи на спутник. Своей у нас нет, так что придется арендовать ее на месте и еще купить время у югослав-

ской компании, которой принадлежит спутник. Если все пойдет хорошо, мы приобретем собственную станцию. Будете работать в двух направлениях. Некоторые сообщения пойдут в прямом эфире, но большинство сюжетов будет сниматься. Советуйтесь с Бенном, как поступить в том или ином случае. Отснятый материал озвучите в местной студии. Я дала вам лучших режиссера и оператора во всей компании. Думаю, у вас не будет проблем.

Позже Дейна не раз вспоминала это оптимистическое напутствие.

За день до отъезда Дейны позвонил Мэтт Бейкер.

— Зайдите ко мне, — буркнул он и, не дожидаясь ответа, повесил трубку. Дейна с тяжелым предчувствием поплелась к двери. Наверное, он передумал и не хочет ее отпускать. Как он может? Ничего, она так просто не сдастся!

Решительно распахнув двери, она промаршировала к столу Мэтта.

— Я знаю, что вы хотите сказать, — начала она, — но ничего не выйдет! Я все равно поеду! С самого детства мечтала об этом! Неужели считаете меня ни на что не способной? Нужно же дать мне хотя бы шанс попытаться!

Наконец ее запал иссяк, и Дейна немного успокоилась.

— Ну ладно, — пробормотала она. — Что вы хотели сказать?

— Bon voyage, — улыбнувшись, ответил Мэтт.

— Ч-что? — охнула Дейна.

— Bon voyage. Это означает «доброго пути».

— Я знаю, что это означает. Я... вы посылали за мной не затем, чтобы...

— Я просил вас прийти, потому что успел поговорить с несколькими зарубежными корреспондентами. Они просили передать несколько советов.

Этот вечно мрачный угрюмый медведь, должно быть, потратил немало времени и труда, чтобы связаться с зарубежными корреспондентами, и все ради того, чтобы помочь неопытной девчонке!

— Н-не знаю, как и...

— Раз не знаете, лучше не надо, — проворчал он. — Вы отправляетесь на войну. Настоящую войну. Там стреляют. И нет никаких гарантий, что вы останетесь в живых. Потому что пуля не разбирает, куда летит. Но когда вокруг идет бой, вас охватывает невероятное возбуждение, заставляющее забыть об осторожности. Помните это и старайтесь держать себя в руках. Не лезьте на рожон. Ни при каких обстоятельствах не ходите по улицам одна. Ни один, даже самый сенсационный репортаж не стоит вашей жизни. Далее...

Лекция продолжалась еще с час. Наконец Мэтт вздохнул.

— Вот, кажется, и все. Берегите себя. Знайте, если что-нибудь случится, я буду чертовски зол.

Дейна наклонилась и поцеловала его в щеку.

— Не смейте больше никогда этого делать! — огрызнулся он и встал: — Дейна, там опасно. Очень. И если, оказавшись в тупике, вы передумаете и захотите вернуться, дайте мне знать, и я все улажу.

— Ни за что не передумаю, — уверенно пообещала Дейна.

И, как выяснилось позже, ошиблась.

До Парижа они долетели благополучно, приземлились в аэропорту Шарля де Голля, и дружное трио направилось в аэровокзал, к стойкам хорватских авиалиний. Предстояло ждать три часа. Однако к десяти вечера им удалось добраться до сараевского аэропорта Бутмир. Пассажиров немедленно отвели в отдельное здание, где охранники в мундирах тщательно проверили документы и разрешили идти. Дейна уже направилась к выходу, но дорогу заступил уродливый коротышка в гражданской одежде.

— Паспорт.

— Я только что показала...

— Я полковник Гордан Дивьяк. Ваш паспорт.

Дейна вручила ему паспорт вместе с репортерским удостоверением. Полковник небрежно пролистал его.

— Журналистка? — резко бросил он. — На чьей вы стороне?

— Ни на чьей, — спокойно пожала плечами Дейна.

— Значит, будьте поосторожнее с тем, что вздумаете передавать, — предупредил полковник. — Нам здесь шпионы ни к чему.

Словом, добро пожаловать в Сараево. Гостеприимный народ, ничего не скажешь.

«Лендровер» с пуленепробиваемыми стеклами ждал их на улице. Водитель, смуглый коренастый парень лет двадцати, почтительно открыл дверцу.

— Я Йован Толи. Рад приветствовать вас в Сараево.

Йован вел машину так, словно за ними гнались, лихо огибал углы и летел на полной скорости.

— Простите, — нервно поинтересовалась Дейна, — у нас есть какие-то причины спешить?

— Да, если хотите остаться в живых.

— Но...

Где-то вдали слышались раскаты грома, с каждой минутой становившиеся громче. И внезапно Дейна поняла, что это не гром. В темноте она едва успевала различать силуэты полуразрушенных домов с обвалившимися фасадами и без крыш, разбитые магазинные витрины. Впереди высилось здание отеля «Холидей инн», в котором им предстояло жить. Стены изрыты пулевыми отметинами, посреди дороги зияет глубокая воронка. Йован ловко обогнул ее и промчался мимо гостиницы.

— Погодите! Куда вы? — вскрикнула Дейна. — Это наш отель!

— Парадный вход слишком опасен, — пояснил Йован, завернул за угол и, не сбавляя скорости, ворвался в переулок. — Все пользуются черным.

У Дейны внезапно пересохло во рту.

— Вот как?

В вестибюле было полно людей. Сигаретный дым висел синими клубами, кругом говорили сразу на десятках языков. К Дейне подошел симпатичный молодой француз:

— Мы вас ожидали. Вы ведь Дейна Эванс?

— Да.

— Жан-Поль Юбер. «Метрополь телевизор», канал М-6.

— Очень приятно. А это Бени Албертсон и Уолли Ньюмен.

Мужчины обменялись рукопожатиями.

— Добро пожаловать в то, что осталось от быстро исчезающего города.

Вскоре новичков окружили собраты по профессии:

— Стефан Мюллер, «Кейбл нетуорк».

— Родерик Манн, Би-би-си, второй канал.

— Марко Бенелли, «Италия-1».

— Акихиро Ишихара, «ТВ-Токио».

— Хуан Сантос, «Гвадалахара», канал-6.

— Чун Кван, шанхайское телевидение.

Казалось, здесь собрались репортеры со всего света. Она уже потеряла счет лицам и именам. Последним представился русский, настоящий великан, со сверкающим золотым передним зубом:

— Николай Петров, ОРТ.

— Сколько здесь репортеров? — шепотом осведомилась Дейна у Жан-Поля.

— Больше двухсот пятидесяти человек. На такой войне нам еще не приходилось бывать. Это ваша первая? — Он говорил так небрежно, словно речь шла о теннисном матче.

— Первая.

— Если нужна будет помощь, только позовите.

— Спасибо, — кивнула Дейна и нерешительно пробормотала: — Скажите, кто такой полковник Гордан Дивьяк?

— С ним лучше не связываться. Мы все считаем его чем-то вроде главы сербского гестапо, но в точности никто ничего не знает. Самое лучшее — держаться от него подальше.

— Постараюсь.

Когда Дейна уже улеглась, раздался оглушительный взрыв, затем второй, стены затряслись. Девушке стало страшно, но сердце сжалось от нетерпеливого ожидания. Все происходящее казалось нереальным, словно на экране. Дейна так и не сомкнула глаз всю ночь, прислушиваясь к стрекотанию автоматов и наблюдая, как вспышки света озаряют грязные окна.

Утром она переоделась в джинсы, грубые ботинки и камуфляжную куртку. Ей не терпелось

приступить к работе, однако в ушах звучали предостережения Мэтта:

«Не лезьте на рожон. Ни один, даже самый сенсационный репортаж не стоит вашей жизни».

Дейна, Бенн и Уолли спустились в ресторан. За завтраком речь зашла о семьях и родных.

— Совсем забыл! — воскликнул Уолли. — Через месяц я стану дедушкой.

— Потрясающе! — искренне обрадовалась Дейна. Будут ли и у нее когда-нибудь дети и внуки? Кто знает?

— Вот что, — предложил Бенн. — Давайте сначала дадим обзорный репортаж о том, что здесь происходит и какие страдания приходится выносить местным жителям. Мы с Уолли наметим места съемок, а вы, Дейна, попробуйте получить время для спутниковых передач.

— Прекрасно.

На улице уже стоял «лендровер».

— Доброе утро, — приветствовал их Йован.

— Здравствуйте, Йован. Мне нужно попасть на телестудию, у которой есть свой спутник.

В это утро Дейне впервые довелось как следует рассмотреть Сараево. Казалось, в городе не осталось ни единого целого здания. Перестрелка ни на минуту не затихала.

— Неужели они никогда не прекращают стрелять? — удивилась Дейна.

— Только если кончатся патроны, — мрачно объяснил Йован. — А патроны никогда не кончаются.

Улицы были пустынные, если не считать нескольких смельчаков-прохожих, кафе — закрыты. На тротуарах и мостовых чернели бомбовые воронки. Машина миновала здание с большой вывеской «Освобождение».

— Это наша газета, — гордо заметил Йован. — Сербы пытаются уничтожить ее, но не могут, как ни стараются.

Уже через несколько минут они добрались до нужного места.

— Я вас подожду, — пообещал парень.

В вестибюле за стойкой сидел охранник, лет восьмидесяти на вид.

— Вы говорите по-английски? — спросила Дейна. Старик подозрительно оглядел ее.

— Я знаю девять языков, мадам. Что вам угодно?

— Я репортер WTE. И хотела бы зарезервировать время вещания через спутник...

— Третий этаж.

Табличка на двери гласила:

«Югославское спутниковое телевидение».

На деревянных скамьях вдоль стен сидело множество людей.

Дейна подошла к молодой женщине за письменным столом.

— Я Дейна Эванс, сотрудник WTE, и хотела бы получить время вещания.

— Садитесь, пожалуйста, и займите очередь.

Дейна с ужасом оглядела комнату.

— Неужели все эти люди пришли за тем же?

— Естественно, — пожала плечами женщина.

Прошло почти два часа, прежде чем Дейна оказалась в кабинете менеджера, приземистого коротышки с сигарой во рту. Типичный голливудский продюсер из старых фильмов!

— Чем могу помочь? — спросил он с сильным акцентом.

— Я Дейна Эванс, WTE. Хотела арендовать передвижную телестанцию и полчаса времени для репортажей. Лучше с шести часов по вашингтонскому времени. Каждый день. На неограниченный срок. — Увидев выражение его лица, Дейна нахмурилась: — Какие-то проблемы?

— Одна. У нас нет свободных передвижных спутниковых станций. Все разобраны. Я позвоню вам, если кто-то откажется.

— Но... — в ужасе пролепетала Дейна, — мне необходимо время! Я...

— Как и всем, мадам. Если не считать тех, у кого собственные станции, конечно.

Дейне пришлось несолоно хлебавши вернуться в приемную. Там по-прежнему яблоку негде было упасть.

Выйдя на улицу, она попросила Йована провезти ее по городу. Тот удивленно уставился на нее и пожал плечами:

— Как будет угодно. — И на третьей скорости понесся по мостовой.

— Немного помедленнее, пожалуйста. Я хочу получить все рассмотреть...

Сараево. Осажденный разрушенный город. Ни воды, ни электричества. С неба дождем сыплются бомбы. Сирена воздушной тревоги воеет почти непрерывно, так что жители перестали обращать на нее внимание. Атмосфера обреченности сгустилась над этим местом. И негде спрятаться от пуль. Но на каждом перекрестке немногие уцелевшие жители пытаются продать то небольшое, что у них осталось.

— Это беженцы из Боснии и Хорватии, — заметил Йован. — Пытаются добыть хоть немного денег на еду.

Повсюду бушевали пожары. Никто не пытался их тушить.

— Где же пожарные? — поинтересовалась Дейна.

— Боятся приезжать. Слишком хорошая мишень для сербских снайперов.

Еще находясь в Америке, Дейна весьма смутно понимала причины разгоревшейся между Боснией и Герцеговиной войны. Но, пробыв в Сараево почти неделю, она неожиданно осознала, что это безумное кровопролитие вообще бессмысленно. Ни один человек не мог объяснить, в чем дело. Наконец кто-то упомянул имя известного историка, профессора университета. Он был ранен и сейчас лежал дома. Дейна решила поговорить с ним.

Йован отвез ее в один из наиболее древних кварталов города. Профессор Младек Стака, кро-

спечный седовласый, почти эфемерный человек, был навсегда прикован к постели. Пуля, попавшая в позвоночник, парализовала его.

— Спасибо, что пришли, — прошептал он. — Последнее время меня мало кто навещает. Чем могу служить?

— Видите ли, меня прислали вести ежедневные репортажи об этой войне. Но по правде говоря, я никак не могу разобраться, с чего все началось.

— Все очень просто, дорогая. Весь этот ужас вообще непостижим. Многие годы, пока был жив Тито, сербы, хорваты, боснийцы и мусульмане жили вместе, в мире и согласии, были друзьями и соседями, росли и работали вместе, ходили в одни и те же школы, женились между собой.

— А теперь?

— Бывшие приятели пытаются и убивают друг друга. Ненависть толкает их на такие мерзости, о которых я не могу говорить без содрогания.

— Я кое-что слышала, — кивнула Дейна. В эти истории действительно трудно было поверить — колодцы, наполненные окровавленными мужскими гениталиями, изнасилованные и разрезанные на части младенцы, заживо сожженные в церквях жители поселков и деревень...

— Кто зачинщик этого?

Профессор покачал головой.

— Зависит от того, кого вы спрашиваете. Во время второй мировой войны нацисты-хорваты

уничтожили сотни тысяч сербов, бывших на стороне союзников. И теперь сербы собирают кровавую дань. Они не знают пощады. Только на Сараево сброшено больше двухсот тысяч бомб. Не менее десяти тысяч убитых и более шестидесяти тысяч раненых. Но боснийцы и мусульмане тоже не святые и должны нести ответственность за пытки и убийства. Те же, кто не хотел войны, втянуты в нее насильно. Теперь никому нельзя доверять. Из всех чувств осталась лишь ненависть, ненависть, которая пожирает все вокруг. Это пламя безумия, топливом для которого служат тела невинных жертв.

Вечером Бенн Албертсон сообщил, что завтра в шесть часов они смогут получить передвижную станцию и спутниковое время.

— Я нашел идеальное место для съемок. Площадь, где раньше размещались католический собор, протестантская церковь, мечеть и синагога. Теперь остались одни развалины. Можно снять потрясающий репортаж о том, что делает бессмысленная вражда с людьми, которые вовсе не желали воевать, но стали невольными заложниками политических игр.

— Здорово! — взволновалась Дейна. — Увидимся за ужином. Я немного поработаю.

Следующим вечером ровно в шесть часов съемочная бригада собралась на площади. Уолли ус-

тановил на штатив камеру, а Бенн ожидал из Вашингтона подтверждения о принятии сигнала со спутника. Сзади слышались редкие выстрелы. Дейна неожиданно порадовалась, что на ней пуленепробиваемый жилет.

«Нечего волноваться. Они стреляют не в нас, а друг в друга, — уговаривала она себя. — Мы нужны им, чтобы донести до всего мира, что здесь происходит».

Уолли взмахнул рукой. Дейна глубоко вздохнула и начала, глядя в камеру:

— Эти разоренные храмы разных религий — символ всего, что происходит в стране. Не осталось стен, за которыми могут спрятаться люди, не существует ни одного безопасного места. Когда-то, в прежние века, несчастные могли всегда найти убежище в церквах и мечетях. Но здесь, где смешалось прошлое и будущее...

В этот момент над ухом раздался пронзительный свист. Подняв глаза, она с ужасом увидела, как на месте головы Уолли расцвел огромный алый цветок. Не может быть! Это игра света!

Но в этот же момент обезглавленный труп глухо ударился о тротуар. Дейна, схватившись за голову, застыла на месте, не в силах осознать случившееся. Люди вокруг дико кричали.

Совсем рядом застрочил пулемет, и Дейну начало трясти. Чьи-то руки подхватили ее и потащили по улице. Девушка отчаянно отбивалась, пытаясь вырваться.

Нет... Нужно вернуться... Осталось целых десять минут... Нехорошо тратить время зря... Мы ведь заплатили... Доедай суп, дорогая. Китайские дети голодают, а ты... Думаешь, если восседаешь там, высоко на белом облаке, можно вообразить себя Богом? Ну так вот, ты просто жалкая подделка. Настоящий Бог никогда, никогда не допустил бы, чтобы Уолли убили. Уолли так радовался будущему внуку! Ты слышишь меня? Слышишь? Слышишь?

Дейна не помнила, как пришла в себя. Она лежала в постели. Рядом стояли Бенн Албертсон и Жан-Поль Юбер.

— Это все правда? — прошептала она, оглядывая их, но тут же крепко зажмурилась.

— Мне очень жаль, — вздохнул Жан-Поль. — Ужасная трагедия. Повезло, что хоть вы остались в живых.

Неловкую тишину разорвал резкий звонок. Трубку поднял Бенн.

— Алло? Да. Сейчас. Дейна, это Мэтт Бейкер. Можете поговорить?

— Сейчас.

Дейна еле села, кое-как сползла с кровати и, едва передвигая ноги, прошаркала к телефону.

— Это я.

Горло стиснуло так, что каждое слово давалось с трудом.

— Дейна, я требую, чтобы вы немедленно возвращались! — прогремел Мэтт.

— Да, я хочу домой.

— Вы улетите первым же рейсом.

— Спасибо. — Дейна уронила трубку.

Жан-Поль и Бенн помогли ей добраться до постели.

— Мне очень жаль, — повторил француз. — Ну... ну что тут еще скажешь?

По щекам Дейны покатались слезы.

— Почему его убили? Он никому ничего плохого не сделал. Да что здесь происходит?! Людей убивают, как баранов, и всем все равно. Всем наплевать!

— Дейна, но что мы можем сделать? — начал Бенн.

— Можем! — яростно вскрикнула Дейна. — Нужно заставить равнодушных задуматься! Эта война — не только разбомбленные церкви, дома и разрушенные города. Люди — ни в чем не повинные люди — каждый день умирают в муках! Вот о чем нужно говорить! Это единственный способ заставить весь мир ощутить реальность этой бойни! — И, снова привстав, решительно сказала: — Я остаюсь, Бенн. Не позволю им запугать себя!

— Дейна, — встревоженно вскинулся Бенн, — вы уверены?

— Уверена. Теперь я знаю, что делать. Пожалуйста, прошу, позвоните Мэтту и попытайтесь объяснить.

— Ну... — нерешительно протянул Бенн, — если вы именно этого хотите...

— Именно этого, — кивнула Дейна.

Бенн послушно направился к двери.

— Мне тоже, пожалуй, пора. Вам следует... — начал Жан-Поль.

— Нет.

Перед глазами Дейны снова и снова вставало отвратительное видение — летящие во все стороны ярко-красные брызги и осколки костей и обезглавленный труп, медленно падающий на землю.

— Нет, — прошептала Дейна, — пожалуйста, останься. Ты мне нужен.

Жан-Поль сел на край кровати, и девушка рывком притянула его к себе.

На следующее утро Дейна сказала Бенну:

— Не могли бы вы поискать оператора? Жан-Поль рассказывал мне о сиротском приюте в Косово, который только что разбомбили. Я хочу побывать там и сделать репортаж.

— Что-нибудь придумаю.

— Спасибо, Бенн. Я поеду вперед. Встретимся там.

— Только поосторожнее.

— Не волнуйтесь.

Йован, как всегда, ожидал Дейну в переулке.

— Едем в Косово, — сообщила Дейна. Йован удивленно воззрился на нее.

— Это опасно, мадам. Единственная дорога туда ведет через лес и...

— Мы уже свое получили, Йован, и, надеюсь, исчерпали лимит отведенных на нашу долю несчастий. Все будет хорошо.

— Как скажете.

Они промчались через город и уже через четверть часа очутились на лесной дороге.

— Долго еще? — спросила Дейна.

— Нет. Всего...

В этот момент «лендровер» налетел на фугасный заряд.

ГЛАВА

11

Битва между соперниками разгоралась не на жизнь, а на смерть, и предвыборная гонка становилась все напряженнее и жестче.

— Нужно во что бы то ни стало победить в Огайо, — твердил Питер Тейгер. — Это двадцать один голос членов коллегии выборщиков. От Алабамы у нас девять, а от Флориды — двадцать пять.

Он торжествующе предъявил схему.

— Иллинойс — двадцать два голоса... Нью-Йорк — тридцать три, Калифорния — сорок четыре. Но пока еще чертовски рано предсказать что-то определенное.

Все, кроме сенатора, не находили себе места.

— У меня чутье, как у собаки, — усмехался он. — Победа у нас в кармане.

Оливер продолжал время от времени звонить во франкфортский госпиталь. Мириам Фридленд все еще не вышла из комы.

Выборы состоялись в первый вторник ноября. Лесли осталась дома и весь день не отходила от телевизора. Наконец в полночь были объявлены окончательные результаты. Оливер Рассел пришел к финишу с огромным отрывом, легко опередив противника, и стал главой великой страны. Влиятельным и могущественным лидером. И легкоуязвимой мишенью.

Никто не следил за избирательной кампанией пристальнее, чем Лесли Стюарт Чеймберс. Одновременно она продолжала укреплять и расширять границы своей империи и за последнее время успела приобрести целую сеть газет, телестудий и радиостанций как в Америке, так и в Англии, Австралии и Бразилии.

— Когда же вы успокоитесь? — вздыхала ее правая рука и верная помощница Дорин Солана.

— Скоро, — кивала Лесли. — Скоро.

Оставался еще один, завершающий этап, и случай представился на званом ужине в Скоттсдейле.

— Я точно знаю, что Маргарет Портмен разводится, — трещала какая-то гостья, пускаясь в довольно неприглядные подробности.

Именно Маргарет Портмен владела «Вашингтон трибюн энтерпрайзис».

Лесли со скучающим видом выслушала сплетницу, но уже на следующее утро связалась с Чедом Мортонем, одним из своих поверенных.

— Чед, узнайте, пожалуйста, собирается ли миссис Портмен продавать «Вашингтон трибюн».

Уже к вечеру адвокат перезвонил Лесли:

— В толк не возьму, когда вы успели все разузнать, миссис Чеймберс, но похоже, так оно и есть. Миссис Портмен и ее муж действительно решили разъехаться без лишнего шума и заняты разделом собственности. Думаю, «Вашингтон трибюн энтерпрайзис» пойдет с молотка.

— Я покупаю.

— Но это многомиллионная сделка! Компания владеет множеством газет, журналов, сетью теле-вещания и...

— Встретимся с Маргарет и решим.

Вечером Лесли и Чед Мортон вылетели в Вашингтон. По приезде Лесли немедленно позвонила Маргарет Портмен, с которой встречалась как-то несколько лет назад.

— Я в Вашингтоне, — сообщила она, — и...

— Знаю.

Да, недаром говорят, что сплетни здесь разлетаются, как листья по ветру.

— Я слышала, что вы, возможно, заинтересованы в продаже «Трибюн энтерпрайзис».

— Возможно.

— Не согласитесь ли дать мне возможность посмотреть все своими глазами?

— Хотите купить, Лесли?

— Возможно.

Они распрощались, и Маргарет попросила Мэтта Бейкера зайти к ней в кабинет.

— Слыхали о Лесли Чеймберс?
— Как же! Снежная королева!
— Она сейчас приедет. Пожалуйста, устройте ей обзорную экскурсию.

Все в «Трибюн» уже знали о предстоящих переменах.

— Вы сделаете огромную ошибку, продав ей «Трибюн», — покачал головой Мэтт.

— Что вы имеете в виду?

— Прежде всего, готов поклясться, она ни черта не смыслит в издательском деле. Посмотрите, что эта ведьма сотворила с теми газетами, которые уже успела захватить! Превратила в бульварные листки, дешевые таблоиды! Она уничтожит «Трибюн». Эта...

Он поднял глаза. На пороге стояла Лесли Чеймберс, невозмутимо прислушиваясь к его пламенной речи. Первой опомнилась Маргарет:

— Лесли! Как приятно вновь видеть вас! Сколько лет, сколько зим! А это Мэтт Бейкер, главный редактор «Трибюн энтерпрайзис».

Они сухо поздоровались.

— Мэтт все вам покажет.

— Очень рада.

— Ну что ж, начнем, пожалуй, — пробормотал Мэтт.

Они вышли в коридор.

— У нас всем заправляет главный редактор, — снисходительно начал Мэтт.

— Насколько я поняла, это вы, мистер Бейкер.

— Совершенно верно. Следующим по должности значится мой заместитель, а потом и редакторы отделов: «Метро», «События в стране», «События за рубежом», «Светская хроника», «Книги», «Недвижимость», «Путешествия», «Кулинария»... все сразу не упомянешь.

— Поразительно. И сколько человек работает в «Вашингтон трибюн энтерпрайзис», мистер Бейкер?

— Свыше пяти тысяч.

Они как раз проходили мимо редакторской.

— Сюда редактор новостей приносит последние сообщения. Определяет снимки, которые пойдут в газеты, и какие заметки на каких страницах печатать. Остальные сотрудники сочиняют заголовки, редактируют репортажи и отправляют готовые макеты в наборный цех.

— Потрясающе.

— Желаете пройти в типографию?

— Конечно. Мне хотелось бы осмотреть все.

Мэтт что-то буркнул себе под нос.

— Простите?

— Я сказал: «превосходно».

Они спустились вниз и направились к следующему корпусу. Типография оказалась очень светлой, высотой в четырехэтажный дом и размером в пять футбольных полей. Здесь все было автоматизировано. Тридцать тележек-роботов развози-

ли огромные бумажные рулоны, которые сгружали у станков.

— Каждый рулон весит почти две с половиной тысячи фунтов, — пояснил Бейкер. — Если развернуть его, получится лента длиной восемь миль. Бумага проходит через станки со скоростью двадцать одна миля в час. Некоторые из тележек — те, что побольше, — могут перевозить до шестнадцати рулонов сразу.

В зале стояло шесть станков, по три у каждой стены. Лесли и Мэтт молча наблюдали, как газеты собираются, разрезаются, складываются, прессуются в стопки и подвозятся к грузовикам, доставляющим прессу к розничным торговцам.

— Теперь один человек легко выполняет то, что раньше было не под силу тридцати, — пояснил Мэтт Бейкер. — Век механизации.

Лесли пристально посмотрела на него:

— Век сокращений.

— Возможно, вы хотели бы узнать некоторые экономические данные? Ознакомиться со счетными книгами? — сухо осведомился Мэтт. — В таком случае вам следовало бы поговорить с адвокатами или главным бухгалтером...

— Вы правы, мистер Бейкер, меня это крайне интересует. Я знаю, что ваш годовой бюджет — пятнадцать миллионов долларов. Ежедневный тираж — около девятисот тысяч, а воскресный — чуть больше миллиона, объявления занимают шестьдесят восемь колонок.

Мэтт уставился на нее и недоуменно моргнул.

— Общий тираж всех ваших газет — свыше двух миллионов в будние дни и два с половиной миллиона — в воскресенье. Неплохо, но вы не самая большая газета в мире. Две такие печатаются в Лондоне. Тираж «Сан» — четыре миллиона, а «Дейли миррор» — три.

— П-простите, — промямлил Мэтт. — Я не представлял, что вы...

— Не говоря уже о Японии, где три газеты «Асахи симбун», «Майнити симбун» и «Йомиури симбун»... Вы слушаете меня?

— Да, конечно. Простите, что вел себя так покровительственно...

— Ничего страшного, мистер Бейкер. Давайте лучше вернемся в кабинет миссис Портмен.

На следующее утро Лесли, Маргарет Портмен и с полдюжины адвокатов собрались в конференц-зале «Вашингтон трибюн».

— Обсудим цену, — предложила Лесли.

Переговоры длились несколько часов, а когда закончились, Лесли Стюарт Чеймберс стала новой владелицей «Вашингтон трибюн энтерпрайзис». Покупка концерна обошлась дороже, чем рассчитывала Лесли. Но не это было главным. Совсем другое.

Когда все бумаги были подписаны, Лесли пригласила Мэтта Бейкера.

— Могу я узнать о ваших планах? — осведомилась она.

— Я увольняюсь.

— Почему? — удивилась Лесли.

— Ваша репутация слишком хорошо известна. Люди не хотят работать с вами. Насколько мне приходилось слышать, говоря о вас, чаще всего употребляют эпитеты «безжалостная» и «жестокая». За эти дни мне предложили столько мест, что голова идет кругом. Поверьте, есть из чего выбрать. Так что распрощаемся по-хорошему.

— Сколько вы проработали здесь?

— Пятнадцать лет.

— И хотите все это взять и выбросить на ветер?

— Я ничего не выбрасываю на ветер. Просто...

Лесли спокойно посмотрела ему в глаза:

— Выслушайте меня. Я тоже считаю «Трибюн» хорошей газетой, но хочу, чтобы она стала лучше. Лучшей в мире. И прошу вас помочь мне.

— Нет, я не...

— Полгода. Оставайтесь всего на полгода. И для начала я удваиваю ваше жалованье.

Мэтт долго настороженно изучал стоявшую перед ним женщину. Умна, ничего не скажешь. Красива и молода. И все же... все же что-то тут неладно. Иначе отчего у него так тяжело на душе?

— Кто будет здесь распоряжаться?

— Главный редактор, конечно. Кто же еще? — улыбнулась Лесли. И Мэтт почему-то поверил ей.

ГЛАВА

12

После того взрыва прошло шесть месяцев. Дейне удалось отделаться сотрясением мозга, треснувшим ребром, сломанным запястьем и огромными синяками. Йовану раздробило ногу, но в остальном все было в порядке, если не считать ссадин и царапин. Мэтт Бейкер приказал Дейне немедленно возвращаться, но случившееся еще больше укрепило в ней решимость остаться.

— Эти люди дошли до крайности, — объясняла она Мэтту. — Я не могу их покинуть. Если будете настаивать на своем, я уволюсь.

— Это шантаж?

— Вот именно.

— Так я и думал, — фыркнул Мэтт. — Я не позволю никому меня шантажировать. Ясно?

Дейна промолчала.

— Как насчет отпуска? — осведомился Мэтт.

— Не нужен мне никакой отпуск, — пробормотала девушка. До нее донесся глубокий вздох.

— Хорошо. Оставайтесь. Но, Дейна...

— Что?

— Обещаете быть осторожной?

Где-то на улице послышалась пулеметная очередь.

— Даю слово.

Днем и ночью в городе не прекращались бои. Дейна не могла спать. Каждый взрыв означал еще одно уничтоженное здание, еще одну бездомную семью, новых убитых и раненых.

Рано утром съёмочная бригада «Вашингтон трибюн» отправилась работать. Подождав, пока затихнут раскаты от взрыва очередного снаряда, Бенн Албертсон кивнул Дейне:

— Десять секунд.

— Готова.

Повинуясь знаку Бенна, она повернулась спиной к руинам и взглянула в камеру.

— Этот город медленно исчезает с лица земли. Он уже ослеп, потому что электричество отключено, оглох, потому что радио- и телестудии не работают, остался без ног, потому что общественный транспорт не функционирует...

На экранах возникла детская площадка со ржавыми скелетами качелей и горок.

— Когда-то давно, в другой жизни, здесь играли мальшши, и воздух звенел их смехом.

Орудийная канонада все приближалась, неожиданно взвыла сирена воздушной тревоги. Од-

нако никто не всполошился. Люди продолжали спокойно шагать по тротуарам, словно ничего не замечая.

— Вы слышите сирену? Очередная воздушная тревога. Предупреждение немедленно прятаться и бежать. Но жители Сараево давно поняли, что нет такого места, где они были бы в безопасности, и потеряли способность к самосохранению. Те, кто мог, давно покинули страну, бросив дома и пожитки. Слишком многие из тех, кто остался, уже мертвы. Жестокий выбор — остаться нищими или погибнуть. Ходят слухи о близком перемирии, но пока это всего лишь слухи. Придет ли мир на эту землю? И когда? Выйдут ли из подвалов дети, чтобы снова играть на этой площадке? Никто не знает точно. Осталась лишь надежда, слабеющая с каждым днем. Репортаж вела Дейна Эванс из Сараево для WTE.

Красный огонек на камере погас,

— Давай поскорее выбираться отсюда, — предложил Бени. Новый оператор Энди Казарес начал торопливо собирать оборудование.

На тротуаре неподвижно застыл мальчик, не сводя взгляда с Дейны. Обычный уличный бродяжка, оборванец, в грязных лохмотьях и рваных сандалиях. На чумазом лице яростно блестели карие глаза. Правой руки не было.

— Привет, — улыбнулась Дейна парнишке. Тот не ответил. Девушка пожала плечами и обернулась к Бенну.

— Пойдем.

Несколько минут спустя они уже входили в «Холлидей инн». ОТЕЛЬ был битком набит репортерами всех мастей, национальностей и стран. И пусть они считались соперниками, но обстоятельства и постоянно грозившая опасность сплотили этих людей, всегда готовых прийти на помощь друг другу. И сейчас они делились новостями:

— ...восстание в Черногории...

— Налет на Вуковар...

— Прямое попадание в больницу в Петрово Село...

Жан-Поль Юбер получил новое назначение и уехал, Дейне ужасно его не хватало.

Как-то утром, выйдя из отеля, Дейна увидела в переулке того безрукого мальчишку. Йован открыл дверцу нового «лендровера»:

— Доброе утро, мадам.

— Доброе утро, Йован, — рассеянно бросила Дейна и направилась к мальчику.

— Здравствуй.

Тот не ответил.

— Как будет по-словенски «доброе утро»? — обратилась Дейна к Йовану.

— Добре йутро, — ответил за водителя мальчик.

— Так ты понимаешь по-английски? — удивилась девушка.

— Может быть.

— Как тебя зовут?

— Кемаль.

— Сколько тебе лет, Кемаль?

Вместо ответа оборванец повернулся и зашагал прочь.

— Опасается незнакомых людей, — вздохнул Йован.

— И правильно делает, — вздохнула Дейна. — Я тоже.

Когда несколько часов спустя машина снова подъехала к отелю, Кемаль уже ждал у дверей, и не успела Дейна выйти, как мальчишка выпалил:

— Двенадцать.

— Что? — недоуменно переспросила девушка. — А, поняла.

Слишком мал для своего возраста. Она взглянула на пустой рукав драной рубашки и хотела спросить, как это случилось, но вовремя воздержалась.

— Где ты живешь, Кемаль? Может, мы отвезем тебя?

Мальчик гордо пожал плечами и отошел.

— Ну до чего же невоспитанный сопляк! — пробурчал Йован. — Никакого уважения к старшим!

— Может, он потерял его вместе с рукой? — тихо ответила Дейна.

Вечером в ресторане отеля репортеры оживленно обсуждали последние новости.

— ООН наконец решила вмешаться! — радовалась Габриелла Орси.

— Давно пора.

— А по-моему, слишком поздно.

— Никогда не поздно пытаться покончить с бойней, — возразила Дейна.

На следующее утро телетайп принес два сообщения. Одно — о договоре, заключенном между США и ООН. Другое — о полном разрушении здания сараевской газеты «Освобождение».

— Вашингтонские корреспонденты дадут информацию о договоре, — сказала Дейна Бенну. — Давай делать репортаж об «Освобождении».

Она стояла перед руинами здания, в котором когда-то размещалось «Освобождение». Глазок на камере налился красным цветом.

— Люди умирают здесь каждый день, а дома превращаются в развалины. Но этот погиб как герой. Тут печаталась единственная независимая газета Сараево «Освобождение», сотрудники которой не боялись говорить правду. Когда бомба попала в здание, они перешли в подвал и там продолжали работу. Когда в городе не осталось ни одного газетного киоска, репортеры выходили на улицы и сами становились продавцами. Их газета призывала к свободе. С гибелью «Освобождения» умерла еще одна надежда на свободу.

Мэтт Бейкер жадно ловил каждое слово, не сводя глаз с экрана.

— Черт возьми, она молодец! — Он повернулся к заместителю: — Немедленно отдайте распоряжение купить Эванс собственную передвижную спутниковую телестанцию. И побыстрее!

— Да, сэр.

В номере Дейны оказался незваный посетитель. Полковник Гордан Дивьяк небрежно развалился в кресле и даже не подумал встать при виде девушки. Та застыла на пороге:

— Никто не передавал, что у меня гость.

— Это не дружеский визит. — Пуговичные черные глазки презрительно сощурились. — Я видел ваш репортаж об «Освобождении».

— И что же?

— Вам позволили въехать в страну, чтобы передавать последние новости, а не выносить собственные суждения!

— Я ничего не...

— Не смей перебивать меня! Боюсь, ваши понятия о свободе не совпадают с нашими! Ясно?

— Нет. По-моему...

— В таком случае позвольте объяснить подробнее, мисс Эванс. Вы только гостья в моей стране. И возможно, шпионите для своего правительства.

— Я не...

— Вам уже было сказано: молчите и слушайте! Я предостерегал вас в аэропорту: мы тут не в игрушки играем. Идет война. И всякого, уличенного в шпионаже, будут судить по законам военного времени.

От этого тихого голоса мороз шел по коже. Полковник поднялся:

— Это последнее предупреждение.

Дейна уставилась в спину Дивьяка. Он ее не запугает! Ни за что! Пусть говорит, что хочет.

Она смертельно боялась.

Вскоре от Мэтта Бейкера прибыла посылка — огромный ящик с шоколадом, конфетами, гранолой*, консервами и другими продуктами. Дейна с трудом дотащила коробку до вестибюля, где щедро поделилась с собратьями по профессии. Восторгам не было предела.

— Вот это босс! — позавидовал Сатоми Асака.

— Как бы и мне устроиться в «Вашингтон трибюн»? — пошутил Хуан Сантос.

Кемаль снова ждал в переулке, кутаясь в выношенную до дыр, почти истлевшую куртку.

— Доброе утро, Кемаль.

Мальчик, не отвечая, изучал ее из-под полуопущенных ресниц.

— Я еду в магазин. Хочешь со мной?

Молчание.

— Тогда поступим по-другому, — пробормотала выведенная из терпения Дейна и открыла заднюю дверь «лендровера». — Садись в машину! Быстро!

Мальчик, нерешительно помявшись, все-таки двинулся к автомобилю и неуклюже уселся.

* Овсяные хлопья с орехами и курагой.

— Можно найти магазин, где еще продается одежда? — спросила девушка Йована.

— Знаю тут один.

— Едем.

Йован, как всегда, рванул с места на третьей скорости. Немного опомнившись, Дейна спросила:

— У тебя есть мать и отец, Кемаль?

Мальчик покачал головой.

— Где ты живешь?

Кемаль пожал плечами и неожиданно придвинулся ближе, словно прося защиты.

Они в два счета добрались до Баскарсии, старого сараевского рынка. Фасад дома разбомбили, но магазин был открыт. Дейна взяла Кемалья за руку и повела внутрь.

— Что угодно, мадам? — спросил продавец.

— Куртку для моего друга. Примерно его размера, — показала Дейна на мальчика.

— Сюда, пожалуйста.

В отделе детской одежды оказалось несколько мальчишеских курток.

— Какая тебе нравится, Кемаль? — спросила Дейна. Тот ничего не ответил.

— Мы возьмем коричневую, — решила девушка. — И еще нам понадобятся брюки и туфли.

Через полчаса Кемаль был одет во все новое. Однако мальчик по-прежнему не произнес ни слова и юркнул на заднее сиденье, как испуганный мышонок.

— Язык проглотил? Хоть бы спасибо сказал! — набросился на него Йован. Кемаль разразился слезами. Дейна крепко обняла беднягу.

— Ничего, — бормотала она, — все хорошо, милый. Все хорошо.

Господи, что же эта война делает с детьми?!

Однако, когда они вернулись в отель, Кемаль выбрался из машины и, упрямо сжав губы, ушел.

— Где живут такие, как он? — спросила Дейна.

— На улицах, мадам. В Сараево сотни сирот. Ни дома, ни семьи...

— Но как они существуют? Что едят?

— Не знаю, мадам.

На следующий день Кемаль, одетый в новый костюм, уже поджидал Дейну. Лицо, обычно покрытое коркой грязи, было чисто вымыто.

За обедом репортеры оживленно обсуждали, будет ли соблюдаться мирный договор. Дейна решила снова отправиться к профессору Младеку Стаке и выяснить, что он об этом думает.

За это время профессор истаял еще больше и почти превратился в тень.

— Рад видеть вас, мисс Эванс. Слышал о ваших прекрасных репортажах, но... — Он тяжело вздохнул. — ...я все равно не смотрю телевизор — нет электричества. Чем могу помочь?

— Я хотела узнать ваше мнение по поводу нового мирного договора, профессор.

Откинувшись на спинку кресла, Стака задумчиво оглядел девушку.

— Интересно, что в штате Огайо, за тысячи миль отсюда, принимается решение, которое, как почему-то уверены участники переговоров, должно повлиять на будущее Сараева.

— Достигнуто соглашение о тройном правлении. Будут избраны три президента — мусульманин, хорват и серб. Думаете, что-нибудь получится, профессор?

— Только если вы верите в чудеса, — нахмурился тот. — Представляете себе — восемнадцать национальных законодательных органов и сто десять глав местных администраций. Какая-то политическая вавилонская башня! Это то, что американцы называют «вынужденным браком». Под дулом пистолета. Никто не желает поступиться автономией. Каждый настаивает на собственных флаге, гербе и валюте. Навязанный насильно мир к добру не приведет.

Постепенно Дейна Эванс из обыкновенного репортера превращалась во всемирную легенду. Страстные призывы прекратить несправедливую, бессмысленную войну находили отклик в душах людей всех стран. Каждый понимал, что Дейна — не сторонний наблюдатель, а человек, искренне желающий мира и счастья жителям раздираемой распрями Югославии.

Мэтт Бейкер стал получать предложения от других студий с просьбами позволить передавать по их каналам выступления Дейны. Бейкер был искренне рад за девушку, так быстро ставшую настоящей профессионалкой.

Дейна получила собственную передвижную спутниковую телестанцию и теперь была занята с утра до вечера. Больше она не зависела от югославской спутниковой связи. Вместе с Бенном они решали, какими сюжетами заняться. Некоторые репортажи шли в прямом эфире, некоторые снимались на пленку. Дейна, Бенн и Энди выходили на улицы, делали необходимые фото заднего плана, которые Дейна позже комментировала и отсылала в Вашингтон.

В обед журналисты по обычаю собрались в ресторане отеля. Официанты не успевали приносить все новые блюда с сэндвичами — представители прессы на аппетит не жаловались. В зале появился Родерик Манн, репортер Би-би-си, с очередным сообщением Ассошиэйтед Пресс.

— Слушайте все! — потребовал он и начал громко читать: — «Репортажи Дейны Эванс, зарубежного корреспондента WTE, включены в выпуски новостей почти всех телестудий мира. Мисс Эванс стала кандидаткой на получение престижной премии Пибоди...

— Ну и повезло же нам! Подумать только, за- просто общаемся со знаменитостью! — саркастически хмыкнул кто-то из присутствующих. Но тут вошла Дейна, и все выжидательно затихли.

— Привет! — весело поздоровалась девушка. — Сегодня у меня не осталось времени пообедать. Не возражаете, если возьму с собой свою порцию?

Она завернула несколько сандвичей в бумажную салфетку и поспешила к двери, торопливо попрощавшись на бегу. Остальные как по команде уставились ей в спину.

На улице уже ждал мальчик.

— Здравствуй, Кемаль.

Молчание.

— Садись в машину.

Кемаль привычно скользнул на заднее сиденье. Дейна вручила ему сандвич, и тот жадно, почти не жуя, расправился с ним в два глотка. Дейна протянула Кемалю еще один.

— Не спеши, никто не отнимет, — посоветовала она.

— Куда едем? — осведомился Йован. Дейна повернулась к Кемалю.

— Куда теперь?

Мальчик непонимающе уставился на нее.

— Мы отвезем тебя домой, Кемаль. Где ты живешь?

Он покачал головой.

— Мне нужно знать. Где ты живешь?

Минут через двадцать они добрались почти до самого берега Мильяски и остановились перед большим пустырем, усеянным огромными картонными коробками. Земля была завалена мусором и отбросами. Дейна выбралась из машины.

— Так это твой дом?

Кемаль неохотно кивнул.

— И много детей здесь живет?

Он снова кивнул.

— Я хочу рассказать о тебе и таких, как ты, Кемаль.

— Нет.

— Почему?

— Приедет полиция, и нас схватят. И увезут. Не нужно.

— Хорошо, — вздохнула Дейна. — Обещаю.

На следующее утро Дейна выписалась из отеля. Когда она не появилась за завтраком, Габриелла Орси, репортер итальянской «Аltre стасьон», удивилась:

— Где Дейна?

— Уехала, — объяснил Родерик Манн. — Сняла отдельный домик. Сказала, что хочет побыть одна.

— Нам бы тоже этого хотелось, — проворчал Николай Петров. — Значит, мы недостаточно хороши для нее?

Остальные, по-видимому, были того же мнения.

Назавтра на имя Дейны пришла еще одна большая посылка.

— Поскольку ее здесь нет, почему бы нам не устроить небольшой праздник? — предложил Петров.

— Мне очень жаль, но мисс Эванс уже прислала за посылкой, — вежливо ответил портье. Вскоре появился Кемаль, забрал коробку и исчез.

— Она даже не желает больше поделиться с нами, — проворчал Хуан Сантос. — Как слава портит людей!

Следующие несколько недель Дейна исправно выходила в эфир, но больше не появлялась в отеле. Негодование корреспондентов все росло. Дейна и ее заносчивость стали основной темой разговоров за столом. Когда в один прекрасный день на имя девушки прибыла очередная посылка, Петров подошел к портье:

— Мисс Эванс уже прислала за коробкой?

— Да, сэр.

Петров поспешил в ресторан.

— У портье очередная посылка. Кто-то должен за ней приехать. Почему бы нам не проследить за ним и не высказать мисс Эванс все, что мы о ней думаем?

Послышался одобрителный гул голосов. Когда в дверях отеля появился Кемаль, Николай спросил:

— Ты забираешь это для мисс Эванс?

Кемаль кивнул.

— Она хотела встретиться с нами. Мы поедем с тобой.

Кемаль недоуменно взглянул на него и пожал плечами.

— Мы отвезем тебя, — пообещал русский. — Покажешь дорогу.

Вскоре караван машин потянулся по пустынным улицам. На окраине города стояло старое разбомбленное здание. Кемаль сделал знак остановиться.

— Иди вперед и отнеси посылку, — велел Николай. — Мы хотим сделать ей сюрприз.

Подождав, пока Кемаль войдет в дом, журналисты распахнули дверь, ворвались всей толпой и потрясенно замерли. В комнате было полно детей всех возрастов и цветов кожи. Большинство были калеками. Вдоль стены стояло с дюжину армейских коек. Дейна раздавала ребятишкам содержимое посылки и, услышав шум, удивленно вытаращила глаза.

— Что... что вы тут делаете?

Родерик смущенно огляделся.

— Простите, Дейна. Мы ошибались. Думали... Дейна чуть насмешливо покосилась на него.

— Понятно. Но видите ли, они сироты. Им некуда деться, никому нет до них дела. Многие лежали в госпитале, когда в него угодила бомба. Если полиция найдет бедняг, их просто-напросто упрячут в так называемые приюты, где они рано или поздно погибнут от голода и холода. Но если они останутся здесь, то все равно умрут. Я пыта-

юсь сообразить, как лучше вывезти их из страны, но пока ничего не выходит. — И, оглядев собравшихся, она умоляюще прошептала: — Может, вы что-нибудь придумаете?

— Кажется, у меня есть идея. — медленно выговорил Манн. — Сегодня в Париж вылетает самолет Красного Креста. Пилот — мой друг.

— И вы поговорите с ним? — с надеждой спросила Дейна.

— Согласен.

— Погодите! — запротестовал Петров. — Мы не имеем права впутываться в такую историю! Нас выпшлют из Сараево!

— А вы и так не имеете к этому никакого отношения, — бросил Манн. — Мы сами обо всем позаботимся.

— Я против, — упрямо твердил Николай. — Мы все попадем в беду.

— А дети? — вмешалась Дейна. — Речь идет о жизни и смерти.

Днем Родерик снова приехал к Дейне.

— Я потолковал с приятелем. Он сказал, что с радостью заберет сирот в Париж, где они будут в безопасности. У него самого двое сыновей.

— Господи, неужели это правда! — охнула Дейна. — Не знаю, как вас благодарить!

В восемь вечера фургон с эмблемой Красного Креста подъехал к разрушенному дому. Водитель

помигал фарами, и Дейна под покровом темноты начала устраивать детей.

Вскоре фургон уже направлялся к аэропорту Бутмир. Аэропорт был временно закрыт для всех, кроме самолетов Красного Креста, привозивших гуманитарную помощь и забиравших тяжелораненых. Эта поездка показалась Дейне самой длинной в жизни. Прошла целая вечность, прежде чем впереди показались огоньки.

— Мы почти на месте, — ободрила она детей. Кемаль судорожно стиснул ее руку.

— Все будет хорошо, — заверила Дейна. — О вас позаботятся.

Как же она будет скучать по Кемалю!

Охранник пропустил фургон, и тяжелая машина остановилась перед транспортным самолетом с красными крестами на крыльях и фюзеляже. Рядом стоял пилот.

— Скорее, — прошипел он Дейне. — Где вас носило? Мы задерживаем вылет уже на двадцать минут.

Девушка торопливо помогла детям забраться на борт. Последним шел Кемаль.

— Я еще увижу тебя? — пробормотал он. Губы мальчика тряслись.

— Обязательно, — шепнула в ответ Дейна, обнимая мальчика и бормоча про себя молитву. — Поднимайся скорее.

Дверь за ним захлопнулась; послышался рев двигателей, и самолет покатился по взлетной полосе.

Дейна и Манн не ушли до тех пор, пока огромная машина не взмыла в небо.

— Знаете, вы замечательная девушка, — неожиданно сказал водитель фургона. — Я никогда не...

Раздался визг тормозов, и все трое обернулись. Из машины выпрыгнул полковник Гордан Дивьяк и уставился в небо, где исчезала темная точка. Рядом стоял русский корреспондент Николай Петров.

— Вы арестованы, — объявил полковник. — Я предупреждал, что за шпионаж у нас одно наказание — расстрел.

— Полковник, если вы собираетесь судить меня за шпионаж...

Дивьяк, насмешливо подняв брови, тихо осведомился:

— А разве кто-то упоминал о суде?

ГЛАВА

13

Инаугурационные празднества, парады и церемония принесения присяги закончились, и Оливеру не терпелось приступить к своим обязанностям. Вашингтон, пожалуй, единственный город Америки, где все одержимы политикой, где все посвящено политике, где разговоры ведутся только о политике. Здесь сосредоточена мировая власть, и он, Оливер Рассел, — сердце и центр этой власти. Здесь, казалось, каждый так или иначе был связан с правительством. Пятнадцать тысяч лоббистов и более пяти тысяч представителей прессы паразитировали на сильных мира сего. Оливер Рассел припомнил ехидное высказывание Джона Кеннеди: «Вашингтон — город, в котором гармонично сочетаются деловитость южан и обаяние северян».

В первый же день после переезда Оливер и Джан осмотрели Белый дом. И хотя оба точно

знали его планировку — сто тридцать две комнаты, тридцать две ванны, двадцать девять каминов, три лифта, бассейн, лужайка для гольфа, теннисный корт, беговая дорожка, тренажерный зал, кегельбан, кинотеатр, восемнадцать акров ухоженных садов и газонов, — все-таки были потрясены величию здания, в котором отныне им предстояло прожить четыре года.

— Слово во сне, правда? — мечтательно вздохнула Джан.

— Я рад, что дело его с тобой, дорогая, — сжал руку жены Оливер. И в этот момент был совершенно искренним. Джан — идеальная спутница жизни, заботливая и всегда готовая броситься на помощь мужу. Оливер все яснее понимал, как повезло ему с женой.

В Овальном кабинете его ждал Питер Тейгер. Первое, что сделал Оливер в новой должности, — назначил Тейгера главой администрации.

— Знаете, Питер, я все еще не могу поверить, что это правда, — признался Оливер.

— Зато люди поверили, — улыбнулся тот. — Недаром голосовали за вас, мистер президент.

— Для вас я всегда Оливер.

— Хорошо. Когда мы одни. Но вам необходимо понять, что с этого момента каждое ваше слово влияет на судьбы мира. Все, что вы скажете, может пошатнуть экономику, и не только нашей

страны. У вас больше власти, чем у любого человека на всем свете.

— Мистер президент, здесь сенатор Дэвис, — сообщила секретарь.

— Просите, Хизер.

— Пожалуй, пора приступить к работе, — промямлил Тейгер. — На моем столе уже успела скопиться гора бумаг.

Дверь открылась.

— Питер! — радостно воскликнул Дэвис. Мужчины пожали друг другу руки.

— Увидимся позже, мистер президент, — попрощался Питер и вышел.

Сенатор оглядел стол зятя и одобрительно кивнул.

— Ты прямо создан для этой обстановки, Оливер. Не могу сказать, как я счастлив видеть тебя здесь.

— Спасибо, Тодд. Я все еще пытаюсь привыкнуть. Подумать только... здесь сидели Адамс... Линкольн... Рузвельт...

— Пусть это тебя не пугает, — засмеялся Тодд. — Прежде чем стать легендой, они были обычными людьми и, как и ты, заботились о судьбе страны. И тоже боялись сделать первый шаг. Я только что от Джан. Она на седьмом небе. Из нее получится потрясающая первая леди.

— Еще бы!

— Кстати, я кое-что хотел обсудить с вами, мистер президент.

— Разумеется, Тодд.

Сенатор положил на стол список.

— Что это?

— Несколько кандидатур для твоего кабинета.

— О, конечно, но я уже решил...

— По-моему, тебе лучше сначала прочитать это.

— Но какой смысл...

— Просмотри, Оливер, — жестко повторил сенатор.

Глаза Рассела неуступчиво сузились.

— Тодд...

Сенатор поднял руку:

— погоди, Оливер. Не хочу, чтобы ты считал, будто я навязываю свою волю или желания. Поверь, это не так. Просто надежнее опоры тебе не найти. Я патриот своей страны, парень, и не стыжусь этого.

Он чуть задышался, словно от подступивших к горлу слез.

— Ты жестоко ошибаешься, если думаешь, что я посадил тебя в это кресло лишь потому, что ты мой зять. Я боролся за твое избрание, потому что твердо уверен — никто лучше тебя не подходит для этой работы. А эти люди помогут тебе выполнить твой долг.

Оливер не знал, что ответить.

— Я пробыл в этом городе много лет, Оливер. И знаешь, что усвоил? Нет зрелища печальнее, чем президент, который пробыл в Белом доме всего один срок. Почему? Пойми, за первые четыре года он только начинает понимать, что необхо-

димо сделать для блага американского народа. У него появляется множество планов, и как раз тогда, когда он готов их осуществить, кто-то другой занимает его место, и все эти прекрасные мечты и планы так и остаются добрыми намерениями. Горько сознавать это, верно? Тебе известно, что с тех пор как в 1897 году принес присягу президент Маккинли, половина его преемников избиралась всего на один срок. Но ты, Оливер... я сделаю все, чтобы через четыре года тебя не сменили. И ты сможешь выполнить все, что задумал. Ну а теперь мне пора. Заседание в сенате.

Дождавшись, пока закроется дверь, Оливер потянулся за списком.

Ночью ему приснился кошмар. Мириам Фриденд очнулась и села. К ней поспешил дежурный полисмен.

— Надеюсь, теперь вы скажете, кто сделал это с вами?

— Разумеется.

Он проснулся весь в поту, тяжело дыша, и долго не мог понять, где находится.

На следующее утро Оливер первым делом позвонил в госпиталь, где лежала Мириам.

— Боюсь, никаких изменений, мистер президент, — ответил главный врач. — По-моему, состояние ее ухудшилось.

— Родственников у мисс Фридленд нет, — осторожно заметил Рассел. — Если считаете, что все впустую, возможно, будет человечнее отключить ее от системы жизнеобеспечения?

— Думаю, следует подождать еще немного. Иногда случаются чудеса.

Джей Перкинс, глава протокольного отдела, наставлял президента:

— В Вашингтоне сто сорок семь дипломатических миссий. В Синей книге — дипломатическом справочнике — содержатся имена всех представителей иностранных правительств и их жен. В Зеленой, адресной, книге — имена всех дипломатов высшего ранга, жителей Вашингтона, и членов конгресса.

Он вручил Оливеру несколько бумажных листочков.

— Это список зарубежных послов, которых вам придется принять.

Оливер наспех просмотрел бумаги. В глаза сразу бросилось имя итальянского посла Атилио Пиконе и его жены. Сильва. Сильва здесь!

— Они привозят с собой супруг? — как бы между прочим поинтересовался он.

— Нет. Жены представляются позже. Если мужья вступают в должность.

— Прекрасно.

— Я попытаюсь сделать так, — пообещал Перкинс, — чтобы к следующей субботе все послы

были аккредитованы. В таком случае мы, возможно, успеем дать ужин в их честь.

— Превосходная мысль, — согласился Оливер, вновь просматривая список. Атилио и Сильва Пиконе.

В субботу вечером парадная столовая Белого дома была украшена флажками разных стран. Два дня назад Оливер успел обменяться несколькими словами с Атилио, когда тот представлял верительные грамоты.

— Как поживает синьора Пиконе? — осведомился он.

— Моя жена здорова, — чуть помедлив, ответил посол. — Благодарю вас, мистер президент.

Обед удался. Оливер переходил от стола к столу, стараясь уделить внимание каждому гостю. Сегодня в этой комнате собрались многие из сильных мира сего. В углу о чем-то переговаривались три дамы, жены богатых и известных людей. Но, насколько ему было известно, эти женщины сами играли далеко не последние роли в политике и бизнесе. Оливер поздоровался с каждой и, поговорив несколько минут, отошел. В этот момент к нему приблизилась Сильва Пиконе и протянула руку.

— Я давно ждала этой минуты, — прошептала женщина. Прекрасные глаза вызывающе сверкнули.

— Я тоже, — кивнул Оливер.

— Я знала, что вас изберут.

— Не могли бы мы поговорить позже? — едва слышно спросил Оливер.

— Конечно, — без малейшего колебания ответила она.

После ужина, когда собравшиеся танцевали в бальном зале под музыку военно-морского оркестра, Оливер смотрел на Сильву и думал:

«Что за красавица! Какое великолепное тело!»

Вечер имел огромный успех.

На следующей неделе с первой страницы «Вашингтон трибюн» кричали огромные буквы заголовка:

ПРЕЗИДЕНТ ОБВИНЯЕТСЯ В ПОДТАСОВКЕ
РЕЗУЛЬТАТОВ ВЫБОРОВ!

Рассел, не веря собственным глазам, уставился на газетный лист. Хуже придумать невозможно! Они выбрали самый неподходящий момент, чтобы нанести удар! Но кто эти «они»? И как такое могло случиться?

Ответ он нашел в самом низу, где был напечатан список редколлегии:

«Издатель — Лесли Стюарт».

На следующей неделе в «Вашингтон трибюн» появилась еще одна сенсация:

ПРЕЗИДЕНТ БУДЕТ ДОПРОШЕН
НАЛОГОВОЙ ПОЛИЦИЕЙ ШТАТА КЕНТУККИ
ПО ПОВОДУ ФАЛЬШИВОЙ ДЕКЛАРАЦИИ
О ДОХОДАХ.

Полмесяца спустя «Вашингтон трибюн» напечатала еще одну разоблачительную статью:

БЫВШИЙ СЕКРЕТАРЬ ПРЕЗИДЕНТА РАССЕЛА
ПОДАЕТ В СУД НА СВОЕГО БОССА, ОБВИНЯЯ ЕГО
В СЕКСУАЛЬНЫХ ДОМОГАТЕЛЬСТВАХ.

Дверь Овального кабинета с шумом распахнулась. На пороге стояла Джан.

— Ты видел утреннюю газету?

— Да, но...

— Как ты мог сделать это, Оливер? Как ты...

— Да погоди же! Неужели не видишь, что творится, Джан? За всем этим стоит Лесли Стюарт. Уверен, она просто-напросто подкупила эту женщину! Пытается отплатить за то, что я бросил ее ради тебя! И сумела своего добиться! Надеюсь, этим все и ограничится!

— Оливер, — почти прокричал в трубку сенатор, — мне нужно поговорить с тобой. Буду через час!

— Я дома, Тодд.

Горничная провела Дэвиса в малую библиотеку. Оливер почтительно поднялся.

— Доброе утро.

— Да уж, «доброе», ничего не скажешь! — взорвался сенатор. — Эта баба не успокоится, пока не уничтожит нас!

— Не думаю. Она лишь...

— Все читают ее чертов бульварный листок, а люди охотно верят любой «утке», особенно если речь идет о таких, как мы с тобой!

— Тодд, все обойдется и...

— Ничего не обойдется! Неужели не слышал вчерашний репортаж WTE? Они провели опрос, кто будет следующим президентом! Ты в самом конце списка! Лесли Стюарт тебя достанет! Нужно остановить ее! Как это говорится: «Фурия в аду ничто в сравнении с брошенной женщиной!»*

— Вы забываете другое изречение, Тодд, о свободе печати. Мы ничего не можем сделать.

— Можем, — возразил сенатор Дэвис, оцениваяще оглядев зятя.

— О чем вы?

— Садись и слушай. Эта дрянь до сих пор в тебя влюблена. И наказывает тебя за все, что ты с ней сделал. Никогда не спорь с теми, кто тоннами расходует типографскую краску. Советую тебе кончить дело миром.

— Но как?!

Сенатор многозначительно воззрился на ширинку Оливера.

— Поработай головой.

— Постойте, Тодд, не хотите же вы, чтобы...

— Я всего лишь предлагаю немного охладить дамочку. Пусть знает, как ты страдаешь по ней. Говорю же, она до сих пор тебя любит. Иначе не вытворяла бы такого.

* Выражение английского драматурга У.Конгрива (1670—1729).

— И что прикажете с ней делать?

— Начни по новой, мальчик. Навешай ей лапши на уши, ублажай, как можешь. В пятницу вечером ты даешь ужин для государственного департамента. Пригласи ее. Из кожи вон лезь, но останови эту мегеру.

— Не знаю, смогу ли...

— А мне все равно, как ты это сделаешь. Отвези в уютное гнездышко, где вы могли бы поболтать с глазу на глаз. У меня в Виргинии загородный дом. Уединенное местечко. Я улетаю на уик-энд во Флориду и попросил Джан составить мне компанию. — Он вытащил из кармана ключи и клочок бумаги и протянул зятю. — Тут план местности и ключи от дома.

— Иисусе! — охнул Оливер, ошеломленно глядя на тестя. — Вы... вы все успели продумать заранее? Но что, если она не... не захочет? Откажется ехать?

— Захочет, не сомневайся. — Сенатор поднялся: — Увидимся в понедельник, Оливер. Желаю удачи.

После ухода сенатора Оливер еще долго не двигался с места. Снова поступить с Лесли как последний подлец? Он не вынесет этого, просто не вынесет.

Вечером, переодеваясь кужину, Джан сказала:

— Оливер, папа просил меня поехать с ним во Флориду на уик-энд. Он должен получать там

какую-то награду и скорее всего хочет похвастаться перед всеми своей дочерью. Ты не будешь против, если я поеду? Правда, в пятницу ужин для членов госдепа... наверное, лучше бы остаться, но...

— Нет-нет! Поезжай, конечно. Но помни, я буду скучать.

Оливер не лгал и на этот раз. Ему действительно будет не хватать Джан. Как только он уладит этот скандал с Лесли, надо будет проводить с женой больше времени.

Лесли разговаривала по телефону, когда в кабинет ворвалась взъерошенная секретарша:

— Мисс Стюарт!

— Вы что, не видите, я...

— Президент Рассел на третьей линии!

— Вот как? — улыбнулась Лесли и бросила в трубку: — Прошу прощения, перезвоню позже.

И снова скривив губы в усмешке, нажала клавишу третьей линии:

— Алло?

— Лесли?

— Привет, Оливер. Или следует обращаться к тебе «мистер президент»?

— Можешь называть меня, как тебе заблагорассудится, — беспечно ответил он.

Наступило неловкое молчание.

— Лесли, я хочу тебя видеть.

— Уверен, что это так уж необходимо?

- Совершенно.
- Ты президент. Как я могу отказать?
- Никак, если ты настоящая патриотка, конечно. В пятницу я даю ужин для госдепартамента. Приезжай, пожалуйста.
- Во сколько?
- В восемь.
- Хорошо. Я буду.

Лесли выглядела ослепительной в вечернем, льнущем к телу платье с высоким воротом и пуговицами с золотым напылением от Сен-Джона. Высокий разрез открывал левую ногу едва ли не до бедра.

При первом же взгляде на эту неотразимо красивую женщину на Оливера мгновенно нахлынули непрощенные воспоминания.

- Лесли...
- Мистер президент...

Он чуть сжал ее влажную руку. Неужели она тоже волнуется? Нервничает? Или злится?

- Я так рад, что ты пришла, Лесли.
- Я тоже.
- Поговорим позже.

Вместо ответа Лесли нежно улыбнулась, и у Оливера сжалось сердце.

За одним из соседних столов сидели арабские дипломаты. Один из них, смуглый мужчина с резкими чертами лица и темными глазами, при-

стально уставился на Оливера. Тот наклонился к Питеру и незаметно показал на незнакомца:

— Кто это?

— Али-аль-Фулани. Секретарь посольства Объединенных Арабских Эмиратов. А что случилось?

— Да нет, ничего...

Оливер снова посмотрел в ту сторону. Араб по-прежнему не сводил с него взгляда.

Гостеприимный хозяин делал все, чтобы гости чувствовали себя, как дома. Только к концу вечера ему удалось заставить Лесли одну.

— Нам нужно поговорить. Я так много должен сказать тебе. Может, встретимся в более подходящем месте?

— Оливер... м-может, лучше не с-стоило бы, — чуть запинаясь, пробормотала она.

— У меня есть дом в Виргинии. Местечко Манассас, примерно в часе езды от Вашингтона. Приедешь?

Лесли неожиданно смело взглянула ему в глаза:

— Да, если хочешь ты.

Оливер наспех объяснил, как добраться до дома.

— Завтра вечером в восемь?

— До встречи, — чуть хриловато шепнула Лесли.

Выступление директора ЦРУ Джеймса Фриша на утреннем заседании Совета Безопасности про-

извело на присутствующих впечатление разорвавшейся бомбы.

— Мистер президент, сегодня мы получили донесение нашего агента, где утверждается, что Ливия покупает ядерное вооружение у Ирана и Китая. Ходят упорные слухи, что Каддафи собирается напасть на Израиль. Через день-другой мы сможем достоверно узнать, так ли это.

— Промедление смерти подобно, — вмешался Лу Вернер, государственный секретарь. — Нужно немедленно заявить самый категориче-ский протест.

— Попробуйте все же добыть дополнительную информацию, — посоветовал Оливер Вернеру.

Заседание заняло все утро, но время от времени Оливер сознавал, что вместо государственных дел думает о предстоящем свидании. В мозгу настойчиво вертелись советы тестя. Что, если он прав и Лесли до сих пор равнодушна к Оливеру? Удастся ли вновь завоевать ее?

Вечером Оливер взял одну из машин администрации Белого дома. За руль сел доверенный сотрудник охраны. Оливер, сам не зная почему, то и дело порывался приказать водителю повернуть обратно. Пожалуй, не стоило бы так рисковать.

Но он понимал, что зашел слишком далеко. Возврата нет. Правда, может, волноваться нет причин? Вероятнее всего, Лесли и не подумает явиться.

Ровно в восемь Рассел выглянул из окна и увидел на подъездной дорожке машину. Лесли вышла и направилась к дому. Оливер распахнул дверь. Оба застыли на месте, не сводя друг с друга глаз... время каким-то образом повернуло вспять, и они снова были молоды и влюблены, и ничто на свете не могло их разлучить.

— Боже, — с трудом выговорил наконец Оливер. — Прошлой ночью, когда мы встретились... знаешь, я почти забыл, как ты прекрасна.

Он взял ее за руку и повел в гостиную.

— Хочешь выпить чего-нибудь?

— Нет, спасибо.

Оливер усадил Лесли на диван и сел рядом.

— Лесли, милая, неужели ты так ненавидишь меня?

Она медленно покачала головой.

— Нет, но очень долго была в этом уверена. — И, сухо улыбнувшись, добавила: — По-видимому, в этом и кроется причина моего ошеломительного взлета.

— Не понимаю.

— Я хотела отплатить тебе, Оливер. Скупала газеты и телестудии, чтобы изводить тебя нападениями. Единственный мужчина, которого я любила, безжалостно бросил меня, и вынести такое не под силу ни одной женщине.

Лесли едва сдерживала слезы, готовые вот-вот хлынуть по щекам. Оливер обнял ее за плечи.

— Лесли...

Но он не успел договорить. Их губы слились в жгучем поцелуе.

— О Господи, — выдохнула наконец Лесли. — Я совсем не ждала этого.

Они снова обнялись и, не сговариваясь, направились в спальню и принялись срывать друг с друга одежду.

— Скорее, любимый, — бормотала Лесли. — Скорее...

Они не помнили, как очутились на кровати, как обнаженные тела соприкоснулись и слились. Все было как тогда — нежность, иступление, иссушающая жажда и безудержное наслаждение. Начало и конец. Безумие и покой.

Они лежали рядом, отдыхая, счастливые, измученные.

— Смешно... — пробормотала Лесли.

— Что именно?

— Да те гадости, что я публиковала о тебе. Знаешь, все для того, чтобы ты обратил на меня внимание.

Она прижалась к любовнику.

— И мне это удалось, правда?

— Еще как! — расплылся в улыбке Оливер.

— Я так горжусь тобой! Подумать только, президент Соединенных Штатов!

— Поверь, Лесли, я стараюсь стать лучшим президентом во всей американской истории. Не представляешь, как это важно для меня! И я добьюсь, вот увидишь.

Он с сожалением посмотрел на часы.

— Боюсь только, что времени совсем не осталось. Нужно возвращаться.

— Конечно, дорогой. Выходи первым.

— Когда я снова увижу тебя, Лесли?

— В любое время, как только захочешь.

— Прости, что напоминаю, но нам нужно быть очень осторожными.

— Знаю. Не беспокойся.

Одевшись, Оливер склонился над Лесли:

— Ты — мое чудо.

— А ты — мое. И всегда им оставался.

— Завтра позвоню, — пообещал он, целуя ее.

По дороге в Вашингтон Оливер вспоминал, как несправедливо обошелся когда-то с Лесли. Все возвращается на круги своя. Но теперь он ни за что больше не ранит ее — слишком дорогую цену пришлось заплатить этой необыкновенной женщине.

Он поднял трубку и набрал номер. Ответил сам сенатор:

— Алло?

— Это Оливер.

— Где ты?

— Возвращаюсь в Вашингтон. У меня неплохие новости. Кажется, удалось решить эту проблему. Все под контролем.

— Не представляешь, как я рад, — облегченно выдохнул Дэвис.

— Я тоже, Тодд.

За завтраком Оливер, как всегда, просматривал газеты. На первой странице «Вашингтон трибюн» красовался снимок загородного дома сенатора в Манассасе с подписью:

ТАЙНОЕ ЛЮБОВНОЕ ГНЕЗДЫШКО
ПРЕЗИДЕНТА РАССЕЛА.

ГЛАВА

14

Оливер, задыхаясь, уставился на газету. Как она могла? После всего, что было между ними?! Неужели он ошибся и страсть Лесли питалась не любовью, а ядом ненависти? Теперь всему конец — он никогда не сумеет остановить ее.

Сенатор в ярости отшвырнул газету. Так, значит, эта сучка опять за свое? Власть прессы почти безгранична, и Дэвис прекрасно представлял, к чему может привести подобная вендетта. По-видимому, Оливер ни на что не способен. Значит, придется действовать самому.

Добравшись до своего кабинета в сенате, Тодд позвонил Лесли.

— Давно не виделись, дорогая, — с искренней теплотой начал он. — Слишком давно. Я очень высокого мнения о вас. Вы молодец, мисс Стюарт.

— Я так благодарна вам, сенатор. Собственно говоря, я обязана вам всем, чем владею.

— Бросьте, мисс Стюарт, какая чепуха, — хмыкнул сенатор. — Я был счастлив помочь вам в беде.

— А теперь, кажется, настала моя очередь?

— Вовсе нет, мисс Стюарт. Наоборот, это мне хотелось бы кое-что для вас сделать. Знаете, я один из ваших преданных читателей и считаю «Трибюн» прекрасной газетой. И, представьте, лишь недавно сообразил, что мы до сих пор не давали вам рекламы. Придется исправить положение. Я совладелец нескольких больших компаний, которые обычно широко рекламируются. Подчеркиваю, очень широко. И думаю, что большая часть объявлений должна публиковаться в такой известной газете, как «Вашингтон трибюн».

— Превосходно, сенатор. Лишние деньги еще никому не помешали. Куда направить моего начальника рекламного отдела?

— Это от нас не уйдет. Прежде всего, я думаю, неплохо бы нам уладить небольшую проблему!

— Какую именно? — удивилась Лесли.

— Это касается президента Рассела.

— Вот как?

— Вопрос весьма деликатный, мисс Стюарт. Вы сами сказали, что обязаны мне всем, чем владеете. Теперь я прошу вас о небольшом одолжении.

— Если это в моих силах.

— По правде говоря, в какой-то степени благодаря мне мистера Рассела избрали на этот пост.

— Знаю.

— И он честно трудится на благо страны. И когда такая влиятельная газета, как «Трибюн», вставляет палки в колеса, мистеру Расселу нелегко приходится.

— И о чем же вы просите меня, сенатор?

— Ну... я был бы крайне благодарен, если бы эти нападки прекратились.

— И в обмен я получу право рекламировать ваши компании?

— Неограниченное, мисс Стюарт.

— Благодарю, сенатор. Почему бы вам не позвонить снова, когда действительно найдете, что предложить?

И она спокойно положила трубку.

В эту минуту Мэтт Бейкер тоже просматривал газету.

— Кто, черт возьми, велел поставить это в номер? — набросился он на заместителя.

— Ее величество.

— Мать ее за ногу! Какого черта она лезет не в свое дело?!

И почему, спрашивается, он до сих пор с этим мирится? Да что тут лицемерить — триста пятьдесят тысяч в год плюс премиальные плюс право покупки акций по льготной цене. Кто бы не согласился на такие условия?

Каждый раз, когда Мэтт собирался увольняться, хозяйка подкупала его новой прибавкой к жалованью и наделяла еще большими правами. Кроме того, откровенно говоря, ему было интересно работать на одну из самых богатых и влиятельных женщин мира. Хотя... хотя Мэтт так и не смог раскусить ее до конца. Был в ней какой-то непонятный надлом, причина которого так и оставалась неизвестной.

На следующий день после покупки «Трибюн» Лесли позвонила Мэтту:

- Я хочу взять на работу астролога. Золтера.
- Но он печатается у наших конкурентов.
- Не важно. Предложите ему в два раза больше.
- Я навел справки о Золтере, — сообщил Бейкер к вечеру. — Перекупить его контракт можно, но неустойка обойдется слишком дорого.
- Заплатите, сколько потребуют.

Со следующей недели Золтер, которого в миру звали, как оказалось, Дэвид Хейуорт, перешел в «Вашингтон трибюн». Мэтт не знал, что и думать. Лесли вроде бы не из тех истеричек, кто помешан на астрологии. И насколько ему известно, не общается с Хейуортом.

Однако Бейкер не подозревал, что всякий раз, принимая серьезное решение, Лесли приглашала астролога к себе домой.

В первый же день Мэтт велел напечатать в списке редколлегии имя и должность владелицы: «Издатель — Лесли Чеймберс».

Но та коротко приказала:

— Немедленно изменить. Не Чеймберс. Стюарт.

Тогда Мэтт посчитал это очередным капризом избалованной дамочки, но ошибся: Лесли решила взять девичье имя, желая, чтобы Оливер точно знал, кто именно станет причиной его падения.

Вскоре Лесли предложила купить журнал, печатавший статьи и советы известных всей стране медиков.

— Зачем? — полюбопытствовал Мэтт.

— Последнее время люди все больше интересуются, как сохранить здоровье и бодрость.

Она оказалась права. Журнал пользовался огромным спросом.

— Теперь можно увеличить тираж, — объявила Лесли Мэтту. — Многие люди интересуются мнением зарубежных врачей.

— Будет сделано.

— Кстати, в редакции слишком много толстяков! Распорядитесь уволить тех сотрудников, кто не собирается сбрасывать вес. Они ни на что не годны.

— Лесли...

— Мне нужны молодые; вечно голодные и энергичные репортеры.

Каждый раз, когда появлялась новая вакансия, Лесли неизменно присутствовала при переговорах. Она внимательно слушала претендента и всегда задавала один и тот же вопрос:

— Играете в гольф?

Зачастую от правильного ответа зависело получение должности.

— Какого дьявола вам нужно? — не выдержал как-то Мэтт. — И при чем тут гольф?

— Мне не нужны люди, которые увлекаются гольфом. Те, кто здесь работает, должны посвящать все время «Вашингтон трибюн».

Личная жизнь Лесли Стюарт стала предметом бесконечных пересудов в редакции. Красивая незамужняя женщина, и к тому же с ее именем не связывалось никаких скандалов. Никто из мужчин не мог похвастаться ее вниманием. Она давала роскошные приемы, на которых почитали за честь появиться самые богатые и влиятельные люди, знаменитые актеры и музыканты. Но что она делала, оставаясь одна? Говорили, что мисс Стюарт страдает бессонницей и по ночам обдумывает новые планы расширения границ своей империи. Ходили и другие слухи, более пикантные, но пока что бездоказательные.

Лесли интересовалась всем — рекламой, новостями, передовицами. Как-то она спросила главу рекламного отдела:

— Почему мы не печатаем объявлений «Гли-
зона»?

Речь шла о дорогом универмаге в Джорджтауне.

— Я пытался, но...

— Владелец — мой добрый знакомый. Я по-
звоню.

Она быстро набрала номер:

— Аллен, почему вы не даете в «Трибюн» рек-
ламу?

Тот весело рассмеялся:

— Лесли, все магазинные ворипшки почему-то
оказываются вашими читателями. Немного
странно, не так ли?

Перед тем как назначить встречу, Лесли ста-
ралась узнать о будущем собеседнике все, что воз-
можно, его слабые и сильные стороны. И покупая
очередную газету или телестудию, беспощадно
торговалась.

— Иногда вы чересчур уж несговорчивы.
Нельзя быть такой крутой. Почему бы вам иногда
не уступить, Лесли? — уговаривал Мэтт.

— Ни за что. Я верю в тактику выжженной
земли.

Всего за один год «Вашингтон трибюн энтер-
прайзис» приобрела газету и радиостанцию в Ав-
стралии, телестудию в Денвере и газету в Хаммон-
де, штат Индиана. Как только сотрудники узнава-
ли ужасную новость, начиналась паника. Репута-
ция Лесли была широко известна. Каждый ожи-
дал немедленных и жестоких репрессий.

Зато Лесли Стюарт ужасно ревновала к Катрине Грэм.

— Ей просто повезло, — шипела она. — И все знали, что она просто злобная сучка.

Мэтта так и подмывало поинтересоваться, известно ли самой Лесли, кем считают ее окружающие, но риск был слишком велик.

Однажды, войдя в кабинет, Лесли обнаружила, что кто-то подкинул на стол маленькую деревяшку с двумя крошечными медными яичками.

— Простите, — расстроено пробормотал Мэтт Бейкер. — Сейчас заберу...

— Нет. Оставьте.

— Но...

— Оставьте.

Во время очередного совещания в кабинете Мэтта раздался писк зуммера интеркома.

— Мэтт, зайдите ко мне, — велела Лесли.

Ни «пожалуйста», ни «доброе утро». Должно быть, опять встала с левой ноги. Снежная королева в своем репертуаре.

— На сегодня закончили, — буркнул он присутствующим и, пройдя бесчисленными коридорами, поднялся в «Белую Башню», где располагался роскошный кабинет издательницы. В комнате уже собралось с полдюжины начальников отделов. За гигантским столом восседала Лесли Стюарт. При виде Бейкера она коротко кивнула:

— Давайте начнем.

Она созвала редакционное заседание! Мэтт вспомнил, как Лесли обещала, что он, и только он

будет руководить газетой, а она ни за что не станет вмешиваться. Неужели бесчисленные уроки ничему его не научили? Она не имела права лезть не в свое дело! Это его работа! Но с другой стороны... она полновластная хозяйка «Вашингтон трибюн» и вольна поступать, как ей заблагорассудится. Но и Мэтта так просто не сломишь.

— Я хотел бы поговорить с вами о любовном гнездышке президента Рассела.

— Здесь не о чем говорить, — отрезала Лесли, протягивая ему экземпляр «Вашингтон пост», их злейшего конкурента. — Видели это?

— Естественно, но не...

— В прежнее время это называлось «сорвать куш», Мэтт! Нас опередили, и кто? Кстати, где были вы и ваши репортеры, когда «Пост» раскопала эту сенсацию?

Мэтт молча уставился на заголовок:

УЖЕ ВТОРОМУ ЛОББИСТУ ПРЕДЪЯВЛЕНО
ОБВИНЕНИЕ ВО ВЗЯТКАХ МИНИСТРУ ОБОРОНЫ

— Почему не мы раскопали эту историю?

— Потому что официального подтверждения еще не было. Я проверял. Это всего лишь...

— Мне не нравится быть на втором плане.

Мэтт только вздохнул и поудобнее устроился в кресле. Жди бури.

— Мы либо номер один, либо ноль, — объявила Лесли собравшимся. — А если превраща-

емя в ноль, вряд ли кто-нибудь сохранит свою должность.

— Арни, — обратилась она к редактору воскресного приложения, — когда люди просыпаются в выходной, они должны первым делом тянуться к вашему журналу. Мы ведь не хотим, чтобы он действовал как снотворное и снова укладывал их в постель. Я чуть не умерла со скуки, читая последний выпуск.

«Будь ты мужчиной, я...» — подумал Арни, но вслух лишь покорно пробормотал:

— Простите, этого больше не повторится.

Лесли, не дослушав, набросилась на Джеффа Коннора, главу спортивного отдела, привлекательного, атлетически сложенного блондина лет тридцати пяти, с серыми глазами, светившимися умом и добродушным юмором. Он держался уверенно, с видом человека, сознававшего, что профессионально и точно выполняет свое дело. Сплетничали, что Лесли заигрывала с ним, но Джефф дал ей от ворот поворот.

— Вы написали, что Филдинга перекупили «Пираты»?

— Мне сказали...

— Значит, соврали! И теперь оказалось, что «Трибюн» напечатала «утку», не имеющую под собой ни малейших оснований!

— Но я получил сведения от его менеджера, — невозмутимо возразил Джефф. — Он заявил, что...

— Прошу в следующий раз проверять все как следует и не однажды!

Обернувшись, Лесли показала на пожелтевшую газетную статью, висевшую в рамке на стене, — передовицу «Чикаго трибюн» за третье ноября 1948 года. Огромные буквы заголовка бросались в глаза с противоположного конца комнаты:

ДЬЮИ НАНЕС ПОРАЖЕНИЕ ТРУМЭНУ!

— Для газеты нет ничего ужаснее, чем искажение фактов! В нашем бизнесе такого просто нельзя позволить себе — слишком дорого обходится. Прошу на будущее хорошенько это запомнить. У меня пока все. Ожидаю, что каждый примет сказанное к сведению.

Мужчины потянулись к выходу, но Лесли попросила Мэтта остаться. Тот вздохнул и снова устроился в кресле.

— Я, кажется, была слишком резка? — нерешительно спросила Лесли.

— Вы добились всего, чего хотели. Они готовы повеситься.

— Мы собрались здесь не для того, чтобы сюсюкать, обниматься и клясться в дружбе, а для того, чтобы выпускать газету. — Она снова взглянула на старую страницу в рамке. — Можете представить, что чувствовал издатель после выхода этого номера, когда выяснилось, что президентом все-таки стал Трумэн? Мне не хотелось бы быть на его месте, Мэтт. Никогда.

— Кстати, об искажении фактов, — заметил Бейкер. — Эта история о Расселе больше подходит для дешевых бульварных листков! Почему вы продолжаете цепляться к нему? Оставили бы его в покое! Дайте Расселу шанс показать себя.

— Я уже давала ему шанс, — загадочно бросила Лесли и, вскочив, принялась нервно выпагивать по комнате. — Кстати, до меня дошли слухи, что президент собирается наложить вето на новый законопроект о средствах массовой информации. Это означает, что придется отказаться от покупки студий в Сан-Диего и Омахе.

— Но что тут поделать?

— Не сомневайтесь, я сумею своего добиться. Я хочу скинуть его, Мэтт. Мы поможем попасть в Белый дом кому-нибудь другому, человеку, который знает, что делает.

Мэтт понял, что заступаться за президента не имеет смысла. Лесли уже все решила. Она просто зацклилась на уничтожении Оливера Рассела, и теперь ее не урезонить.

— Рассел не достоин этого поста, и я готова пойти на все, чтобы он потерпел поражение на следующих выборах.

Филип Коул, глава корреспондентского отдела, ворвался в кабинет Мэтта как раз в тот момент, когда главный редактор уже собрался уходить.

— Мэтт, у нас беда! — встревоженно воскликнул он.

— Такая, что не может подождать до завтра?
Я опаздываю на...

— Это насчет Дейны Эванс!

— А что с ней?! — резко спросил Мэтт.

— Она арестована.

— Арестована? — ошеломленно повторил
Мэтт. — За что?

— Шпионаж. Хотите, чтобы я...

— Нет! Я сам этим займусь.

Мэтт поспешил к столу и набрал номер госде-
партамента.

ГЛАВА

15

С нее сорвали одежду и поволокли из камеры в холодный темный двор. Она бешено сопротивлялась, но ничего не могла поделать с двумя мужчинами, державшими ее. Во дворе уже ждали шестеро солдат с автоматами наготове. По команде полковника Дивьяка кричавшую девушку привязали к деревянному столбу, вбитому в землю.

— Вы не смеете! Я не шпионка! — завопила она, но голос потонул в грохоте взрывов.

Полковник отступил и кивнул расстрельной команде:

— Внимание! Цельтесь! Ого...

— Да прекрати же орать!

Кто-то грубо тряс ее за плечи. Дейна открыла глаза, чувствуя, как бешено колотится сердце. Она лежала на нарах в маленькой грязной камере. Над ней нагнулся Дивьяк.

Дейна поспешно села, пытаясь прийти в себя.

— Что... что вы здесь делаете?

— Если бы в этой стране существовало правосудие, — холодно бросил тот, — вас бы расстреляли. К сожалению, у меня другой приказ. Вы свободны.

Дейна задыхнулась от радости.

— Вас выпустят из страны первым же самолетом, — объявил полковник и, глядя Дейне в глаза, добавил: — И не вздумайте возвращаться!

Для освобождения Дейны потребовалось все влияние госдепартамента и президента. Услышав о случившемся, Тейгер немедленно отправился к Оливеру.

— Мне только что звонили из государственного департамента. Дейну Эванс арестовали по обвинению в шпионаже. Ей грозит смертная казнь.

— Господи Иисусе! Какой ужас! Мы не имеем права допустить это!

— Верно. Я прошу разрешения действовать от вашего имени.

— Разумеется. Сделайте все возможное.

— Я немедленно еду в госдепартамент. Если добьемся успеха, может быть, «Трибюн» от нас отвяжется.

— Я бы не рассчитывал на это, — покачал головой Оливер. — Но не важно, главное, вытащить ее оттуда и поскорее.

После бесконечных телефонных переговоров и звонков от самого президента, госсекретаря и Ге-

нерального секретаря ООН Дивьяк неохотно согласился отпустить Дейну. Тейгер поспешил сообщить новость Оливеру.

— Она освобождена. И летит домой.

— Слава Богу!

Питер тоже обрадовался. Хорошо, что удалось вырвать девушку из лап негодяев.

Он понятия не имел, что этот благородный поступок будет стоить ему жизни.

Мэтт Бейкер и десятка два репортеров встречали Дейну в международном аэропорту Даллеса. Девушка ошеломленно уставилась на толпу:

— Что здесь...

— Сюда, Дейна! Улыбнись!

— Как с тобой обращались? Пытали?

— Что ты почувствовала, ступив на родную землю?

— Не шевелись! Снимаю!

— Собираешься вернуться в Сараево?

Все говорили громко и разом. Дейна ошарашенно оглядывалась. Но тут подоспевший Бейкер усадил ее в лимузин, и машина тронулась.

— Что... что происходит? — пробормотала Дейна.

— Ничего особенного. Просто тебя считают героиней, девочка.

— Мне это ни к чему, Мэтт, — покачала головой Дейна и, прикрыв глаза, вздохнула: — Спасибо, что выручили.

— Благодарю не меня, а президента и Питера Тейгера. Они нажали на все кнопки. И конечно, вряд ли что-то вышло бы без Лесли Стюарт.

Когда Мэтт сообщил издательнице о случившемся, та просто взбесилась:

— Ублюдки паршивые! Сделайте все возможное, Мэтт, пустите в ход наши связи, но вызовите Эванс.

Дейна выглянула из окошка лимузина. Как странно видеть людей, спокойно идущих по своим делам, играющих на газонах детей. Не слышать взрывов, пулеметной пальбы, четкого перестука автоматов. Невероятно! Совершенно другой мир!

— Наш начальник отдела недвижимости нашел для тебя квартиру. Мы едем туда. Я хочу, чтобы ты отдохнула... взяла отпуск... на какой угодно срок. А когда придешь в норму, принимайся за работу, — сообщил Мэтт и, взглядевшись в лицо девушки, добавил: — Кстати, как ты себя чувствуешь? Может, лучше показаться врачу? Я договорюсь...

— Нет, все в порядке. Сборщик нашего парижского бюро уже возил меня на осмотр.

Автомобиль остановился перед домом на Калверт-стрит. Квартира оказалась небольшой, но уютной и хорошо обставленной — с одной спальней, гостиной, кухонькой, ванной и крошечным кабинетом.

— Подойдет?

— Идеально. Спасибо, Мэтт.

— Я просил набить холодильник едой. Отдохни и пройдишь по магазинам — тебе совсем нечего надеть. За счет газеты, конечно.

— Ах, Мэтт, я так благодарна вам. За все.

— Отчет представишь позже. О времени договоримся.

Она стояла на мосту, прислушиваясь к орудийной канонаде и глядя в воду на вздутые трупы, проплывавшие вниз по течению...

Дейна с криком проснулась. Лицо ее было залито слезами. Ведь это было, было наяву, и она собственными глазами не раз видела сцены куда страшнее! Даже сейчас, в эту минуту, в кровавой бойне гибнут женщины и дети, старики и молодые, гибнут бессмысленно и жестоко. И недаром профессор Стака уверял, что понять причины войны в Боснии и Герцеговине невозможно. Но ужаснее всего, что остальным странам нет никакого дела до происходящего в Югославии!

Дейна боялась снова уснуть и попасть в сети кошмаров, терзавших ее мозг. Поднявшись, девушка подошла к окну и выглянула на улицу. Как тихо! Как неестественно тихо! И все дома целы... на тротуарах ни одной рытвины. Где теперь Кемаль и что с ним стало? Увидит ли она его когда-нибудь? Вряд ли, мальчик скорее всего уже забыл о ее существовании.

Утром Дейна отправилась за покупками. Повсюду при ее появлении люди начинали огляды-

ваться. Некоторые пытались взять у нее автограф.

— Это Дейна Эванс, — шептались за спиной. Продавцы обращались к ней по имени. Кажется, Мэтт прав — она действительно стала знаменитостью. Но как же это противно!

Дейна забыла позавтракать и не пошла обедать. Ей хотелось есть, но от напряжения девушка не могла проглотить ни кусочка. Ей все время казалось, что сейчас произойдет несчастье. Шагая по улицам, она старалась не встречаться глазами с прохожими, подозревая в каждом снайпера. И все время прислушивалась, не раздастся ли поблизости выстрел.

Больше так продолжаться не может! Иначе она просто спятит.

Наконец Дейна решила поговорить с Бейкером.

— Что ты здесь делаешь? У тебя отпуск, и будь добра, отправляйся домой. Или съезди куда-нибудь, отдохни.

— Мне нужно поскорее начать работать, Мэтт.

Мэтт смотрел на нее и вспоминал девчонку, пробравшуюся в его кабинет несколько лет назад. Она и тогда говорила о работе. И уверяла, что лучшего репортера им не найти. Твердила, что готова начать прямо сейчас.

Она выполнила все, что обещала. Более чем. Будь у него дочь... как бы Мэтт хотел, чтобы она походила на Дейну!

— Босс желает видеть тебя, — сообщил он девушке. Они вместе направились к кабинету Лесли Стюарт.

Женщины оценивающе оглядывали друг друга. После взаимных приветствий Мэтт и Дейна устроились в креслах напротив стола.

— Я хотела поблагодарить вас за то, что вытащили меня оттуда.

— Должно быть, вам нелегко пришлось. Искренне сочувствую. Мэтт, куда вы собирались направить Дейну?

— Корреспондент при Белом доме получает новое назначение. Хочешь занять его место?

Эта должность считалась на телевидении одной из самых престижных. Дейна мгновенно просияла:

— Конечно.

— Значит, договорились, — кивнула Лесли.

Дейна поднялась:

— Ну что же... большое спасибо.

— Желаю удачи.

Выйдя в коридор, Мэтт широко улыбнулся:

— Пойдем, представим тебя.

Он сам проводил ее в телестудию, где уже собрались все сотрудники. Дейна едва ли не полчаса пробиралась сквозь толпу, отвечая на приветствия и рукопожатия.

— Знакомьтесь, это новый корреспондент при Белом доме, — объявил Мэтт Филипу Коулу.

— Прекрасно. Сейчас покажу ваш кабинет.

— Ты уже обедала? — осведомился Бейкер.

— Нет, я...

— Пойдем, перекусим немного.

Светлая просторная столовая располагалась на пятом этаже. Мэтт подвел Дейну к столику в углу.

— Мисс Стюарт, кажется, очень приятная женщина, — заметила Дейна.

Мэтт хотел объяснить что-то, но вовремя передумал:

— Да. Что закажешь?

— Я не голодна.

— Но ты ведь не обедала?

— Нет.

— Ну хотя бы завтракала?

— Не успела.

— Дейна, когда ты в последний раз ела?

— Не помню. Да какая разница?

— Не хватало еще, чтобы наш новый собкор уморила себя голодом!

— Что угодно, мистер Бейкер? — спросил подошедший официант.

— Что-нибудь полегче. Принесите мисс Эванс сандвич с беконом, салатом и помидорами. Что на десерт, Дейна? Пирожное или мороженое?

— Ниче...

— Пирожок с вишнями. А мне сандвич с ростбифом.

— Сейчас, сэр.

Дейна рассеянно огляделась:

— Все здесь кажется таким нереальным. А там сплошной мрак. Беззаконие и ужас. Ну почему, почему, Мэтт, никому нет до этого дела?

— Ошибаешься. Конечно же, есть. Но не мы правим миром, и от нас мало что зависит. Согласись, мы стараемся, как можем.

— Этого недостаточно, — упрямо мотнула головой девушка.

— Дейна...

Мэтт осекся. Разве он способен ее утешить? Она далеко отсюда, прислушивается к грохоту не слышных ему взрывов, видит страшные картины, которые никому из здесь сидящих во сне не снились...

Оба молча ждали официанта.

— Ну вот и наш обед!

— Мэтт, я не очень голод...

— Ешь, и немедленно! — скомандовал Мэтт.

К столу подошел Джефф Коннорс.

— Привет, босс.

— Здравствуй, Джефф. Дейна, это Джефф Коннорс. Глава спортивного отдела.

Дейна кивнула.

— Я ваш преданный почитатель, мисс Эванс. Очень рад, что вам удалось благополучно выбраться.

Дейна снова кивнула.

— Составишь нам компанию, Джефф? — спросил Мэтт.

— С удовольствием. Знаете, я старался ни за что не пропускать ваши репортажи, — сообщил

Джефф, усаживаясь. — Просто блеск! Вы молодец, мисс Эванс.

— Спасибо, — промямлила Дейна.

— Джефф сам знаменитый спортсмен. Его портрет висит в Зале Славы американского бейсбола.

Очередной, едва заметный кивок.

— Если вы свободны в пятницу, — начал Джефф, — приглашаю на матч. «Орлы» играют с «Янки» в Балтиморе. Это...

И тут Дейна впервые за все время подняла глаза:

— Ах, как волнительно! Насколько я понимаю, игра состоит в том, чтобы ударить по мячу, а затем обежать поле, пока соперники пытаются броситься под ноги?

— Ну... — настороженно протянул Джефф.

Дейна вскочила, едва не опрокинув стул.

— Я видела, как люди бегут по полям... — дрожащим голосом продолжала она, — спасаясь от пулеметного огня! Поверьте, это не игра и не какой-то дурацкий бейсбол!

Она почти кричала и, казалось, вот-вот забьется в истерику. Обедающие недоуменно обобщивались.

— Да идите вы ко всем чертям! — всхлипнула Дейна и выбежала из комнаты.

— Мне ужасно жаль. Я не думал... — пробормотал Джефф.

— Ты тут ни при чем. Она еще не пришла в себя. И Богу одному известно, что ей пришлось

пережить. Понимаешь, ведь она совсем еще девчонка, а уже такого навидалась...

Дейна ворвалась в свой кабинет, хлопнув дверью, кое-как добрела до стола, повалилась в кресло и сжала ладонями виски.

Боже, да что это она вытворяет? Строит из себя избалованную барышню! Настоящая идиотка. Теперь ее уволят, и по заслугам! С чего она набросилась на этого человека? Он ничего такого не сделал, наоборот, пытался ее отвлечь. Она здесь чужая. И везде останется чужой.

Дейна положила голову на руки и рыдала.

Но не прошло и нескольких минут, как дверь открылась. На пороге стоял Джефф Коннорс с подносом, на котором лежали сандвич с беконом, салатом и помидорами и пирожок с вишней.

— Вы забыли свой обед, — мягко заметил он. Дейна, сгорая от стыда, поспешно вытерла слезы.

— Я... Извините. Простите, пожалуйста. У меня не было никакого права...

— Опибаетесь, — тихо ответил Джефф. — Так или иначе, кому нужен очередной занудный бейсбольный матч? Кстати, не позволите немного побыть с вами?

— Я не голодна, спасибо.

— Вы ставите меня в невыносимое положение, мисс Эванс, — вздохнул Джефф. — Мэтт велел заставить вас поесть. Не хотите же вы, чтобы меня выставили?

Дейна выдавила улыбку:

— Ни за что.

Она покорно взяла сандвич и откусила крохотный кусочек.

— Еще.

Девушка, сама не понимая почему, послушалась.

— Еще.

— Вы в самом деле заставите меня проглотить все это?

— Угадали.

Дейна принялась старательно жевать.

— Вот так-то лучше. Кстати, если вы все-таки свободны в пятницу вечером, может, съездим на стадион?

— Так и быть, — вздохнула Дейна.

Едва девушка подошла ко входу в Белый дом, охранник сообщил:

— Мистер Тейгер хотел бы поговорить с вами. Сейчас вас проводят в его кабинет.

Несколько минут спустя Дейна уже стояла в кабинете Питера.

— Мистер Тейгер...

— Не ждал, что вы появитесь так скоро, мисс Эванс. Неужели компания не предоставила вам отпуск?

— Я не захотела. Мне... мне тяжело без работы.

— Садитесь, пожалуйста. Хотите что-нибудь? Кофе?

— Нет, спасибо, я только что пообедала.

Девушка невольно улыбнулась, вспомнив, как старательно кормил ее Джефф.

— Мистер Тейгер, я очень благодарна вам и президенту Расселу за то, что спасли меня. — И, нерешительно помявшись, пробормотала: — Знаю, что «Трибюн» не слишком жалует президента, но...

Питер властно поднял руку:

— Подобные вещи вне политики. Президент не допустит, чтобы такое сходило им с рук! Вы знаете историю Елены Троянской?

— Естественно.

— Ну так вот, случись что, и мы были готовы начать войну из-за вас, — улыбнулся Питер. — И естественно, не позволили бы, чтобы с вами что-то случилось.

— Я... даже не знаю, что сказать.

— Поверьте, и президент, и я очень рады, что вас назначили сюда.

— Спасибо.

— К несчастью, — немного помедлив, признался Питер, — «Трибюн» действительно сделала президента мишенью несправедливых нападок, и тут уже ничего не поделаешь. Но несмотря на это, если я или мистер Рассел сумеем помочь чем-то... поверьте, мы оба питаем к вам глубочайшее уважение.

— Я очень это ценю.

Дверь открылась, и на пороге появился Оливер. Дейна и Питер встали.

— Садитесь, — отмахнулся Оливер. — Добро пожаловать домой, мисс Эванс.

— Спасибо, мистер президент. Не могу выразить, как благодарна вам.

— Если не в силах спасти чью-то жизнь, — улыбнулся Оливер, — тогда какой смысл вообще быть президентом? Говоря откровенно, мисс Эванс, мы все здесь не слишком большие поклонники вашей газеты. Но самые искренние ваши почитатели.

— Боюсь, я недостойна такой чести.

— Питер хочет показать вам Белый дом. Если возникнут какие-то проблемы, не стесняйтесь обратиться к нам.

— Вы очень добры.

— Если не возражаете, я хочу познакомить вас с мистером Вернером, государственным секретарем. Мы хотим услышать из первых рук о положении в Герцеговине.

— Рада быть хоть в чем-то полезной.

Люди, собравшиеся в конференц-зале государственного секретаря, внимательно слушали Дейну.

— Почти весь город разрушен. Не осталось ни одного целого здания... Электричество отключено, а люди, у которых еще уцелели машины, вынимают из них аккумуляторы, чтобы подключить к ним телевизоры и узнать о положении дел на фронте... На улицах настоящие баррикады из

камней, разбитых автомобилей, телег и велосипедов. Никаких автобусов... Людям приходится передвигаться по городу пешком. Когда начинается дождь, жители спешат начерпать воды из сточных канав...

Никто не думает уважать международные законы, не говоря уже о неприкосновенности сотрудников Красного Креста или журналистов. С начала войны погибло больше сорока корреспондентов, и нет числа раненым. Не знаю, удастся ли очередной мятеж против Слободана Милошевича, но, очевидно, режим потерпит крах, хотя бы из-за народного восстания...

Встреча продолжалась почти два часа и стала для Дейны одновременно пыткой и очищением души. Описывая происходящее, она словно бы переживала заново все, чему стала свидетелем. До сих пор девушка не признавала, как необходимо ей было выговориться. Под конец она совершенно обессиленна.

— Джентльмены, поблагодарим мисс Эванс! — воскликнул министр. — Беседа была весьма содержательной. Рад, что вы благополучно вернулись, мисс Эванс.

— Спасибо, мистер Вернер.

Вечером в пятницу Дейна сидела рядом с Джеффом Коннорсом в ложе прессы на стадионе Кемден-Ярдз. Впервые после возвращения она

почувствовала, что может думать о чем-то еще, кроме войны.

— ...начало шестой подачи, — объявил комментатор. — Вбрасывает Нельсон. Палмейро приближается к основной базе. Счет: два — один. Нельсон выбивает мяч в середину поля, и Палмейро бежит туда. Какой удар! Кажется, у «Янки» не осталось никаких шансов! Все конечно! Можно почти с уверенностью предсказать победу «Орлов»...

Перед последней подачей Джефф встал и весело посмотрел на Дейну:

— Ну как, нравится?

— Очень.

После матча они отправились ужинать в бистро «Двести пятнадцать».

— Хочу еще раз извиниться за свою непростительную выходку, — сказала Дейна. — Просто я так много времени провела в стране, где... — она осеклась, не зная, как лучше объяснить, — ...где каждый борется за выживание. Все зависит от глупой случайности. Гибнут люди, поймите же! И если кто-нибудь не остановит войну, этим самым людям не на что надеяться.

— Дейна, не вы ответственны за то, что происходит там, — мягко заметил Джефф. — Опасно заикливаться на перенесенных или увиденных ужасах. После такого всегда приходится начинать заново. Всегда.

— Знаю. Просто... это не слишком легко.

— Разумеется. И если не возражаете, я хотел бы быть рядом. Вы позволите?

Дейна долго смотрела на него, прежде чем выдохнуть:

— Пожалуйста.

Назавтра Джефф снова пригласил ее пообедать.

— Заедете за мной? — спросил он и назвал адрес.

Дейна согласилась, гадая, что делает Джефф в гетто, пользующемся дурной славой, где даже днем не рекомендовалось появляться без крайней нужды.

Все оказалось очень просто. Джефф был окружен игроками в бейсбол, от девяти до тринадцати лет, одетыми в самые причудливые подобию спортивной формы. Дейна остановила машину у обочины и с любопытством пригляделась.

— И помните, — наставлял Джефф, — главное — не торопиться. Когда подающий вбрасывает мяч, представьте, что он летит очень-очень медленно и у вас куча времени, чтобы его поймать. Будьте заранее уверены, что ваша бита соприкоснется с мячом. Старайтесь развивать в себе шестое чувство...

Подняв глаза, он заметил Дейну и помахал рукой.

— Ладно, парни, на сегодня все.

— Это твоя девушка, Джефф? — спросил кто-то.

— Сам не знаю. Может, мне повезет, и так оно и будет. Ну ладно, пока! — улыбнулся Джефф и зашагал к машине.

— Вот это команда!

— Хорошие ребяташки. Я тренирую их раз в неделю.

— Здорово, — улыбнулась Дейна, почему-то вспомнив о Кемале. Где он сейчас? И что делает?

Шло время, и Дейна все больше привязывалась к Джеффу. Он стал ей настоящим другом, немногословным, спокойным и всегда готовым подставить плечо. Ей нравилось проводить с ним время. Постепенно жуткие воспоминания о Сараяво стали тускнеть, расплываться в памяти. По ночам ее больше не терзали кошмары. Возможно, ей не удалось бы так быстро оправиться, если бы не Джефф. Постепенно Дейна начала сознавать, что этот человек занял в ее сердце особое место.

На столе в кабинете Дейна обнаружила написанное от руки письмо со множеством ошибок:

«Мис эванз не валнуйтесь за миня. я в парядки. и не скучаю. скоро пришло одежду каторую вы мне купили патаму што мне она не нужна. у миня есть свая. кемаль».

На конверте стоял парижский штемпель, а письмо было написано на бланке «Приюта Ксавье для мальчиков». Дейна перечитала каракули еще раз и подняла трубку. Четыре часа ушло на

то, чтобы дозвониться до приюта и разыскать мальчика.

— Алло? — раздался нерешительный голосок.

— Кемаль, это Дейна Эванс, — взволнованно прокричала Дейна и, не дождавшись ответа, добавила: — Я получила твое письмо.

Молчание.

— Просто хотела сказать, как я рада, что ты здоров и счастлив и ни в чем не нуждаешься.

Мальчик по-прежнему не отвечал.

— Ну а мне совсем плохо одной, Кемаль. Знаешь почему? Я ужасно скучаю по тебе.

— Вовсе нет, — выдавил Кемаль. — Вы забыли про меня. Я вам не нужен.

— Это не так, Кемаль. Хочешь прилететь в Вашингтон и жить со мной?

— Вы... вы правду говорите?

— Ну конечно. Приедешь?

— Я... я... — Мальчик заплакал.

— Кемаль, послушай же! Я жду тебя! Ты согласен?

— Д-да. Д-да, мэм.

— Я немедленно все устрою.

— Мисс Эванс!

— Что, малыш?

— Я люблю вас.

Дейна с Джеффом гуляли в Уэст-Потомак-парке.

— Знаешь, скоро я буду жить не одна. Недели через две у меня появится сосед.

— Сосед? — удивленно переспросил Джефф.
Дейна почему-то обрадовалась ревнивым ноткам в его голосе.

— Да. Его зовут Кемаль. Ему двенадцать лет.
Она рассказала Джеффу историю маленького калеки.

— Кажется, парень неплохой.

— Верно. Но прошел через ад, Джефф. Мне необходимо сделать все, чтобы он забыл.

— Я с тобой, Дейна.

Эту ночь они впервые провели вместе.

ГЛАВА

16

Только непосвященным кажется, что на свете существует один Вашингтон. На самом деле их два: первый — величественный город с древней архитектурой, знаменитыми музеями, прославленными памятниками великим людям прошлого, монументами... город зеленых парков, цветущих вишен и живительного воздуха. И второй — обитель бездомных, скопище трущоб, место, где самая ужасающая статистика уголовных преступлений в Америке, лабиринт грязных дыр, давших приют убийцам и грабителям.

«Монро Армз» — элегантный отель, один из многих в столице, с бутиками на первом этаже, уютно пристроившийся невдалеке от перекрестка Двадцать седьмой и К-стрит. Владельцам нет нужды рекламировать его — здесь останавливаются в основном постоянные клиенты. Хозяйкой

отеля была Лэра Камерон, разбогатевшая на торговле недвижимостью.

Управляющий, Джереми Робинсон, как раз проверял работу вечерней смены и озадаченно изучал регистрационную книгу, снова и снова перечитывая имена обитателей самых дорогих номеров-люкс, словно хотел убедиться, что в списке нет никакой ошибки.

В номере 325 когда-то знаменитая актриса репетировала роль, готовясь, если верить «Вашингтон пост», к триумфальному возвращению на сцену.

Над ней, в номере 425, расположился известный торговец оружием, регулярно посещавший Вашингтон. В книге он записался под именем Дж.Л.Смита, но, судя по внешности, скорее был уроженцем одной из стран Среднего Востока. Мистер Смит был любимцем obsługi, поскольку не скупился на чаевые.

В номере 525 поселился Уильям Квинт, конгрессмен, возглавлявший комиссию по борьбе с наркомафией.

Номер 625 снимал комиссионер по продаже компьютерных программ, приезжавший в столицу раз в месяц.

Обитателем номера 725 был Пэт Мэрфи, международный лоббист.

Пока все в порядке. Все на своем месте. Каждый гость был хорошо знаком управляющему. Вот только верхний, номер 825! Самый роскошный в отеле

и обычно державшийся в резерве для наиболее значительных особ. Он занимал весь восьмой этаж. Элегантная мебель, бесценные картины и статуи, дорогой антиквариат. Отдельный лифт, спускавшийся прямо в подземный гараж, чтобы гости, желавшие избежать излишней огласки, могли приходить и уходить незамеченными.

Джереми Робинсона сбивало с толку имя в книге. Юджин Гант. Подлинное ли оно, или какой-то любитель романов Томаса Вулфа решил пошутить?

Карл Горман, дневной портье, принимавший так называемого мистера Ганта, давно сменился, и найти его было вряд ли возможно, тем более что он собирался в отпуск. Робинсон ненавидел загадки и тайны. Кто такой Юджин Гант и почему получил суперлюкс?

На третьем этаже, в номере 325 дейм* Гизела Баррет готовилась к спектаклю. Эта величественная шестидесятисемилетняя женщина когда-то потрясала своей игрой публику всех театров Европы и Америки — от лондонского Вест-Энда до Бродвея. Критики пели ей дифирамбы. Зрители обожали и преклонялись.

До сих пор лицо ее хранило следы прежней красоты, ныне почти стертой разочарованием и го-

* Титул женщины, награжденной орденом Британской империи.

речью. Гизела только что прочла статью в «Вашингтон пост». Этот идиот считает, будто она приехала в столицу, чтобы возобновить карьеру. Вернуться! Да как он смеет! Она никогда не сходила со сцены! Правда, прошло больше двадцати лет с тех пор, как дейм Баррет в последний раз была занята в спектакле, но лишь потому, что великой актрисе необходимы достойная ее роль, блестящий режиссер и щедрый продюсер. Нынешние режиссеры — просто зеленые самонадеянные молокососы, понятия не имеющие о величии и благородстве истинного *театра*, а такие понимающие продюсеры, как Х.М.Тенант, Бинки Бомон, С.Б.Кохран, — где они теперь? Даже вполне приемлемые и достаточно компетентные американцы, вроде Хелберна, Беласко и Голдена, давно отошли от дел.

Ничего не поделать, все когда-нибудь кончается. Современным театром заправляют выскочки и невежды, ухитрившиеся каким-то образом набить карманы, не имея ни соответствующего воспитания, ни приличных манер. Ах, прежние сказочные времена, от них остались лишь воспоминания. Тогдашние драматурги были наделены божественным даром. Дейм Баррет дебютировала в роли Элли Данн в пьесе Шоу «Дом, где разбиваются сердца».

Как восторгались критики! Бедный Джордж! Он ненавидел это имя! Предпочитал, чтобы его звали «Бернард». Его считали злым и язвитель-

ным, но в душе он был истинным романтиком. Посылал ей цветы. Красные розы. И оказался слишком застенчивым, чтобы отважиться на большее. Возможно, боялся, что она его отвергнет.

Роль, которую Гизела выбрала для бенефиса, считалась одной из самых сложных и трагических. Роль леди Макбет. Такое не всякой актрисе под силу!

Дейм Баррет села лицом к стене, чтобы ничто ее не отвлекало, набрала в грудь побольше воздуха и начала монолог:

— Ко мне, о духи смерти! Измените
Мой пол. Меня от головы до пят
Злодейством напитайте. Кровь мою
Сгустите. Вход для жалости закройте.
Чтоб голосом раскаянья природа
Мою решимость не поколебала.
Припав к моим сосцам, не молоко,
А желчь из них высасывайте жадно,
Невидимые демоны убийства,
Где б элу вы ни служили. Ночь глухая,
Спустись, себя окутав адским дымом,
Чтоб нож не видел наносимых ран,
Чтоб небо, глянув сквозь просветы мрака,
Не завопило: «Стой!»*

— ...Господи Иисусе, нужно же быть такими идиотами! Можно подумать, я впервые останавливаюсь в этом чертовом отеле... — громыхал чей-то голос сверху.

* Монолог дан в переводе Ю. Корнеева.

Это в номере 425 Дж.Л.Смит, торговец оружием, громко костерил несчастного официанта из обслуживания номеров.

— ...следовало бы давно усвоить, что я ем исключительно белужью икру! Белужью!

Он презрительно ткнул пальцем в хрустальную ладью с черной икрой:

— Немедленно унесите эту дешевку!

— Прошу прощения, мистер Смит. Я немедленно спущусь в кухню и...

— Не нужно! — отмахнулся Смит, поглядев на отделанный бриллиантами «Роллекс». — Времени все равно нет. Важное свидание.

Он поднялся и направился к двери. Пора ехать к адвокату. Вчера федеральное большое жюри предъявило ему обвинение по пятнадцати пунктам в попытке подкупа министра обороны. И если улики будут против него, Смиту грозили три года тюрьмы и миллион долларов штрафа.

В номере 525 конгрессмен Уильям Квинт, представитель третьего поколения известного и влиятельного вашингтонского семейства, совещался с тремя сотрудниками своего сыскного бюро.

— Проблема с наркотиками в этом городе обостряется с каждым месяцем, — говорил Квинт. — Необходимо что-то предпринять. Что вам удалось узнать, мистер Айзек?

— Уличные банды. Брентвудская шайка воюет с шайками Четырнадцатой улицы и Сипл-Сити. Четыре трупа только за последний месяц.

— Больше мы не можем допускать такого. Нас и так дергают со всех сторон, — рявкнул Квинт. — Мне уже звонили из администрации по контролю за применением наркотиков и от комиссара полиции и допытывались, чем мы тут занимаемся.

— И что вы им ответили?

— Как обычно. Ведем расследование. Договоритесь о встрече с Брентвудом, — обратился он к помощнику. — Втолкните этим кретинам, что если хотят иметь надежную крышу, пусть не сбивают цены. — Квинт обернулся к другому помощнику: — Кстати, сколько у нас набежало за месяц?

— Десять миллионов здесь и десять за границей.

— Пора повышать таксу. Жизнь в этом чертовом городе дорожает не по дням, а по часам.

Обитатель номера 625, Норман Хафф, лежал голышом в постели и смотрел порнофильм, идущий по платному каналу отеля. Белокожий лысеющий толстяк с обвисшим складками пухлым телом и огромным брюхом в этот момент казался себе героем-любовником. Протянув руку, он рассеянно погладил грудь своей партнерши.

— Только взгляни, что они вытворяют, Ирма, — сдавленно прошептал он. — Как тебе понравится, крошка, если я займусь этим с тобой?

Не отрывая взгляда от экрана, где женщина страстно извивалась под великаном-негром, Норман обвел пальцем живот Ирмы.

— Это заводит тебя, беби? У меня уже все стоит. Я готов, — простонал он, сунув два пальца между ног Ирмы, и, схватив надутую резиновую куклу, перевернулся и вошел в нее. Влагалище с электрическим приводом послушно сжималось и разжималось, стискивая его все сильнее.

— О Боже, — прорычал он. — Да! Да! Давай, крошка.

Наконец Норман отключил питание и, отдуваясь, лег на спину. Вот это да! Потрясающе! Утром он снова использует Ирму перед тем, как выпустить из нее воздух и уложить в чемодан.

Норман был коммивояжером, кочевал из одного чужого города в другой. Несколько лет назад ему посчастливилось купить Ирму, и с тех пор он больше не нуждался в женщинах. Его глупые собратья по ремеслу довольствовались случайными связями и подбирали на улицах шлюх, но Норман еще не выжил из ума! Пусть эти кретины рискуют! По крайней мере он уж точно не подхватит ни СПИДа, ни триппера!

Этажом выше, в номере 725, разгорелся жаркий спор. Семья Пэта Мэрфи только что вернулась из ресторана. Двенадцатилетний Том, стоявший на балконе, громко упрашивал отца:

— Папа, давай завтра поднимемся на монумент! Ну пожалуйста!

— Нет! — вопил младший брат. — Я хочу пойти в Смитсонский музей!

— Не Смитсонский, а Смитсоновский, — поправил отец.

— Ну пусть Смитсоновский. Все равно я хочу туда!

Дети впервые приехали в столицу, хотя их отец проводил здесь большую часть жизни. Пэт был удачливым лоббистом, своим человеком в коридорах власти, имевшим доступ в самые высокие кабинеты.

Отец Пэта, мэр маленького городишки в Огайо, сумел внушить сыну величайшее почтение к политике. Мальчик с детства мечтал о карьере государственного мужа и часто говорил о планах на будущее с лучшим другом Джоуи. Они учились в одном классе, ездили в летние лагеря и были неразлучны. Но все изменилось в один день. Родители Джоуи уехали к родственникам на несколько дней и оставили сына у Мэрфи. Ночью Джоуи прокрался в спальню Пэта и лег рядом.

— Пэт, — прошептал он, — просыпайся.

— Что? Что случилось? — сонно пробормотал тот.

— Мне так одиноко. Я не могу без тебя.

— Да что с тобой? — еще не проснувшись до конца, спросил Пэт.

— Неужели не понимаешь? Я люблю тебя. И хочу.

И Джоуи страстно поцеловал Пэта в губы. Пэта передернуло. Неужели Джоуи — гомик? Сама мысль об этом была так омерзительна, что к горлу подступила тошнота. С той ночи он навсегда порвал с Джоуи и больше в жизни не сказал ему ни слова.

Пэт Мэрфи ненавидел гомосексуалистов. Уроды, «голубые», педики, грязные твари, проклятые Богом! Вечно норовят соблазнить невинных детей! Он посвятил жизнь борьбе против этих извращенных типов и был известен всей Америке своими гневными обличениями представителей сексуальных меньшинств.

Раньше он всегда приезжал в Вашингтон один, но на этот раз жена настояла на том, чтобы он взял ее и детей.

— Мы хотим посмотреть, как ты здесь устроился, — твердила она, и Пэт наконец сдался. И теперь, глядя на жену и детей, устало думал, что, возможно, видит их в последний раз. Как он мог сделать такую идиотскую ошибку? Ну ладно, ничего, осталось потерпеть совсем немного. Почти все кончено. Пусть его семейка строит грандиозные планы на завтра! Но его здесь не окажется. Прежде чем они успеют проснуться, он будет на пути в Бразилию.

Там, где его уже ждет Аллен.

В суперлюксе 825 царил мертвенная тишина.

— Дыши, — приказывал он себе. — Медленнее... ровнее... Главное — не поддаваться панике.

Он глядел на стройное обнаженное тело девушки, распростертое на полу, и повторял:

— Это не я... не я... она сама поскользнулась.

Кровь сочилась из раны, собиралась маленькой лужицей на ковре, в том месте, где голова ударилась об угол витого железного столика. Он безуспешно попытался нащупать пульс. Ничего. Просто невероятно — минуту назад она была живой и теплой, а теперь...

Нужно как-то убраться отсюда. И немедленно.

Отвернувшись от трупа, мужчина начал торопливо одеваться. Если все обнаружится... его ждет не просто скандал, а землетрясение! Катастрофа!!! Сейчас самое главное, чтобы ни одна собака не дозналась о настоящем имени человека, снявшего номер!

Одевшись, он поспешил в ванную, намочил полотенце и начал старательно вытирать все, к чему прикасался.

Уверившись, что отпечатков не осталось, он в последний раз оглядел комнату. Ее сумочка!

Мужчина поднял с дивана сумочку девушки и направился к лифту, стараясь унять сердцебиение. Двери открылись. Он шагнул внутрь и нажал кнопку, обозначенную буквой «Г». Еще несколько секунд, и лифт остановился в подземном гараже. Там никого не было. Он поспешил было к своей машине, но тут же, вспомнив что-то, снова вошел в лифт и вытер платком кнопки. Потом постоял в тени, желая убедиться, что никто его не увидит. Ему повезло — в гараже никто не появился. Человек под-

бежал к машине, сел за руль и включил зажигание. Автомобиль затерялся в уличном потоке.

Тело обнаружила горничная-филиппинка.

— Сохрани меня Господь и все святые! — в ужасе прошептала женщина и, перекрестившись, с воплем вылетела из комнаты. На помощь примчались Джереми Робинсон и Том Питерс, начальник охраны.

— Иисусе, — охнул Том. — Да ей не больше шестнадцати! Нужно срочно звонить в полицию.

— Погоди!

Полиция. Газеты. Разоблачения.

На какое-то безумное мгновение Робинсону пришло в голову, что будет, пожалуй, лучше без лишнего шума избавиться от трупа. Но горничная... небось уже успела раззвонить по всему отелю.

— Пожалуй, ты прав, — неохотно пробормотал он.

Том Питерс вынул из кармана платок и взялся за телефонную трубку.

— Что это на тебя нашло? — взвился Робинсон. — Это не убийство, а несчастный случай!

— Еще неизвестно, во что мы вляпались, — огрызнулся Питерс и, набрав номер, попросил: — Дайте отдел убийств.

Детектив Ник Риз словно сошел с обложки боевика. Настоящий лихой полицейский, гроза пре-

ступного мира, высокий здоровяк со сломанным, криво сросшимся носом, памяткой бывшей боксерской карьеры. Он начал службу простым полицейским и медленно, шаг за шагом поднимался вверх, от старшего офицера патрульной службы до сержанта и, наконец, лейтенанта. Ему по праву присвоили звание детектива первого разряда, и за последние десять лет на его счету числилось гораздо больше раскрытых дел, чем у его коллег.

Детектив Риз невозмутимо оглядывал комнату. Приехавшая вместе с ним следственная бригада еще не приступила к работе.

— Кто-нибудь дотрагивался до нее? — озабоченно спросил Риз.

— Н-нет, — передернулся Робинсон.

— Кто она?

— Не знаю.

— Да неужели? Молоденькая девушка найдена мертвой в суперлюксе, и вам неизвестно, кто она? Что, в этом отеле нет книги регистрации посетителей?

— Конечно, есть, детектив, но в этом случае... — замялся управляющий.

— В этом случае... да не тяните же!

— Номер снят на имя Юджина Ганта.

— Кто такой Юджин Гант?

— Понятия не имею.

Детектив Риз явно терял терпение.

— Послушайте, если кто-то снял этот номер, значит, заплатил за него — наличными, кредитной карточкой, баранами, кукурузой и так далее.

Тот, кто регистрировал этого Ганта, видел его в лицо. Кстати, кто предоставил ему номер?

— Дневной портье. Карл Горман.

— Мне нужно поговорить с ним.

— Б-боюсь... это невозможно.

— Почему?

— Он взял отпуск.

— Свяжитесь с ним.

— Горман не сказал, куда едет, — вздохнул несчастный Робинсон.

— Когда он вернется?

— Через две недели.

— Позвольте поделиться с вами маленьким секретом. Вы сильно ошибаетесь, воображая, что я стану ждать две недели. Мне нужны его показания, и немедленно! Неужели ни один человек не видел, как кто-то входил и выходил из этого номера?

— Возможно, нет, — извиняющимся тоном пробормотал Робинсон. — Видите ли, у этого номера отдельный лифт, который спускается прямо в подземный гараж. И вообще, не понимаю, из-за чего вся эта суматоха. Скорее всего она сидит на «колесах», ну и перебрала немного. Споткнулась и ударилась головой о стол.

К ним подошел еще один следователь:

— Я проверил шкафы. Одежда и туфли из обычных универмагов. Никаких зацепок.

— Установить личность невозможно?

— Нет. Даже если сумочка и была, мы ничего не нашли.

Детектив Риз снова осмотрел труп и обернулся к полицейскому.

— Принесите мыло. Только сначала намочите.

— Что? — ошарашенно переспросил тот.

— Мокрое мыло.

— Сейчас, сэр.

Ник встал на колени и поднял руку девушки:

— Похоже, это школьное кольцо.

Подоспевший полицейский протянул ему брусок мыла. Риз осторожно намылил палец мертвой и снял кольцо.

— Денверская высшая школа. На нем инициалы П и Й. Немедленно проверьте. Позвоните в школу и выясните, кто она. Нужно опознать труп, и как можно скорее.

— Здесь что-то неладно, Ник, — вмешался детектив Эд Нельсон, снимавший отпечатки. — Мебель и дверные ручки тщательно протерты.

— Значит, кто-то был рядом, когда она умирала. Почему не позаботился вызвать врача? Почему уничтожил отпечатки? И что, черт возьми, делала девчонка в таком дорогом люксе? Мистер Робинсон, как был оплачен номер?

— Наличными. Посыльный принес конверт. Номер зарезервировали по телефону.

— Ник, уже можно уносить тело? — спросила коронер*.

— Еще минуту. Обнаружили какие-нибудь следы насильственной смерти?

* Следователь, производящий дознание в случае насильственной смерти.

— Только рана на лбу. Но мы, конечно, произведем вскрытие.

— Следы укулов?

— Ни одного.

— Похоже, что ее изнасиловали?

— Вроде нет, но проверим и это.

— И что мы имеем? — вздохнул Риз. — Школьницу из Денвера, которая приезжает в Вашингтон и погибает в одном из самых дорогих отелей города. Кто-то стирает отпечатки и исчезает. От всего этого за версту воняет дерьмом. Интересно все же, кто снял номер. Коронер, можете выносить тело. Эд, ты проверил отпечатки в лифте?

— Естественно. Он спускается прямо в подземный гараж. Там всего две кнопки. Обе протерты.

— Гараж осмотрел?

— Конечно. Ничего из ряда вон выходящего.

— Кто-то здорово постарался замести следы. Либо у нас на него заведено досье, либо это важная шишка, которой вздумалось развлечься в свободное время. Мистер Робинсон, кто обычно снимает этот люкс?

— Наши... самые почетные гости, — неохотно признался управляющий. — Короли, премьер-министры... президенты.

— Последние двадцать четыре часа по этому телефону звонили?

— Не знаю.

— Но у вас регистрируются такие звонки? — раздраженно рявкнул Риз.

— Разумеется.

Ник поднял трубку:

— Коммутатор? Это детектив Ник Риз. Посмотрите, звонили ли из суперлюкса последние двадцать четыре часа... Хорошо, я подожду.

Санитары накрыли обнаженное худенькое тельце простыней и положили на носилки. Господи, да ведь она еще и не начинала жить! Бедняжка!

— Детектив Риз, — окликнула телефонистка.

— Да?

— Вчера был один звонок. Внутригородской. Риз вынул блокнот и ручку:

— Какой номер? Четыре — пять — шесть — семь — ноль — четыре — один?

Он начал было записывать, но тут же остановился и ошеломленно уставился на блокнот:

— Ну, мать твою...

— Что там? — удивился Нельсон. Риз медленно поднял голову:

— Это один из номеров Белого дома.

ГЛАВА

17

На следующее утро за завтраком Джан спросила:

— Где ты был прошлой ночью, Оливер?

Душа Рассела ушла в пятки, но он тут же постарался взять себя в руки. Откуда жене знать, что произошло?

— Встречался с...

— Встречу отменили, — перебила Джан. — Но ты появился в три часа ночи. Я пыталась разыскать тебя, но все напрасно. Повторяю: где ты был?

— Улаживал кое-что. А в чем дело? Что-то не так?

— Ах, не важно, — устало бросила Джан. — Оливер, пойми, ты не только ранишь меня, но вредишь себе. Ты слишком далеко зашел. Не хочу, чтобы мы все потеряли лишь потому, что ты не... не можешь... — Она расплакалась.

Оливер вскочил и, подойдя к жене, неловко обнял ее за плечи:

— Джан, клянусь, все хорошо. Правда. Я очень тебя люблю.

Он не лгал. И действительно по-своему любил жену. Вчерашняя ночь — просто дурной сон. Она первая ему позвонила. Конечно, ему не следовало соглашаться на свидание. Не стоит заводить шапши с кем попало! Но ничего страшного, он был очень осторожен, и никто ничего не заметил. Пусть ищут!

Питер Тейгер все сильнее тревожился. Держать в секрете похождения Оливера становилось все труднее. Наконец пришлось серьезно поговорить с ним, и обе стороны пришли к соглашению. Несколько раз в месяц Питер объявлял о якобы срочных и секретных совещаниях вне стен Белого дома и вовремя избавлялся от охраны.

В конце концов Питеру все это надоело, и он пожаловался сенатору Дэвису. Но тот невозмутимо пожал плечами:

— Что тут поделать, Питер? У Оливера слишком горячая кровь. Такие люди ничего не могут с собой поделать. Поверь, я глубоко уважаю твои моральные принципы, знаю, как много значит для тебя семья и каким отвратительным должно казаться тебе поведение президента. Не стоит осуждать его. Не судите да не судимы будете. Просто старайся сделать все, чтобы никто ничего не заподозрил.

Детектив Риз ненавидел прозекторские с их голыми белыми стенами, где пахло смертью и фор-

мальдегидом, и с трудом заставлял себя спускаться в подвал. Там уже ждала коронер Хелен Чуан, миниатюрная привлекательная брюнетка.

— Доброе утро, — буркнул Риз. — Вскрытие закончили?

— Предварительное заключение готово. Джейн Доу* умерла не от раны на голове. Сердце остановилось до того, как она ударилась об стол. Она погибла от сверхдозы метилендиоксиметамфетамина.

— Ты, кажется, и меня решила уморить, Хелен, — вздохнул Ник. — Переходи на человеческий язык.

— Прошу прощения. В обиходе это называется «экстази». — Она вручила ему листок бумаги. — Вот пока все, что мы обнаружили.

ПРОТОКОЛ ВСКРЫТИЯ

ИМЯ ПОГИБШЕЙ: ДЖЕЙН ДОУ.

ДЕЛО НОМЕР С-Л 961

ЗАКЛЮЧЕНИЕ ПАТОЛОГОАНАТОМА

1. Гипертрофическая кардиомиопатия:

А: Кардиомегалия (расширение сердца) — 750 гр. .

Б: Гипертрофия левого желудочка (2,3 см).

* В юриспруденции — условное наименование лица женского пола, чье имя неизвестно или по каким-то причинам не оглашается.

В: Застойная гепатомегалия (увеличение печени) — 2750 гр.

Г: Застойная спленомегалия (увеличение селезенки) — 350 мг.

2. Острое отравление наркосодержащим веществом.

А: Застойные изменения всех внутренних органов.

3. Токсикология (см. Приложение).

4. Кровоизлияние в мозг (см. Приложение).

ВЫВОДЫ

(причина смерти)

Гипертрофическая кардиомиопатия.

Острое отравление наркосодержащим веществом.

— То есть если все это перевести на нормальный английский язык, можно сказать, что девушка умерла от сверждозы «экстази»? — осведомился Ник, честно дочитав до конца.

— Да.

— Ее изнасиловали?

Хелен нерешительно пожала плечами:

— Девственная плева порвана, на бедрах следы спермы и немного крови.

— Значит, все-таки изнасиловали.

— Не думаю.

— Что значит «не думаю»? — нахмурился Ник.

— Никаких следов насилия.

Риз недоумевающе поднял брови:

289 Тонкий расчет

— Никак не пойму, о чем ты?

— Просто Джейн Доу до этого была девственницей. И впервые отдалась мужчине.

Детектив задумчиво уставился в стену, переваривая полученную информацию. Кто-то уговорил девушку прийти в номер отеля и переспать с ним. Одно из двух — либо это знакомый, либо человек известный и влиятельный.

Зазвонил телефон. Хелен подняла трубку:

— Бюро коронера. Да, здесь. Это вас, Ник.

Ник подошел к телефону:

— Алло? Риз.

Лицо детектива внезапно просияло:

— О, да, миссис Холбрук. Спасибо, что перезвонили. Мы нашли кольцо вашей школы с инициалами П и Й. У вас есть студентка с такими инициалами? Буду очень благодарен. Спасибо. Я подожду. — И, взглянув на коронера, переспросил: — Уверены, что она не была изнасилована?

— Никаких следов. Ни одного.

— А могли ею овладеть после смерти?

— Вряд ли.

Миссис Холбрук вновь подошла к телефону:

— Детектив Риз?

— Да.

— В нашем компьютере значится только одна девушка с такими инициалами. Полин Йелден.

— Не могли бы вы ее описать, миссис Холбрук?

— Конечно. Ей восемнадцать. Маленькая, плотная, с темными волосами.

— Понятно.

Не та. Не она.

— А больше никого?

— Из девочек никого.

И неожиданно Ника осенило:

— Хотите сказать, что есть мальчик с такими инициалами?

— Да. Пол Йерби. Старшеклассник. Собственно говоря, он сейчас в Вашингтоне.

Сердце Ника забилося сильнее.

— Он здесь?

— Да. Мы устроили поездку для всего класса. Хотим показать им Белый дом и здание конгресса и...

— Они все еще в городе?

— Совершенно верно.

— Вы, случайно, не знаете, где они остановились?

— В отеле «Ломбарди». Там туристическим группам дают скидку. Я звонила в другие отели, но они не...

— Большое спасибо, миссис Холбрук. Вы мне очень помогли.

Ник положил трубку и попросил коронера:

— Дайте мне знать, когда получите окончательные результаты вскрытия, Хелен, договорились?

— Разумеется. Удачи, Ник.

— Спасибо. Кажется, мне только что повезло.

Отель «Ломбарди» располагался на Пенсильвания-авеню, совсем рядом с Белым домом, несколькими указанными в путеводителе памятниками и станцией метро. Ник вошел в старомодно обставленный вестибюль и направился к стойке портье.

— Здесь остановился Пол Йерби?

— Прошу прощения, мы не даем справок о...

Риз небрежно махнул жетоном перед его глазами.

— Мне некогда, приятель!

— Сейчас, сэр.

Портье поспешно пролистал регистрационную книгу:

— Да, есть такой. Номер 315. Вызвать его?

— Нет, сделаю-ка я ему сюрприз. А вы держитесь подальше от телефона!

Риз шагнул к лифту, добрался до третьего этажа и пошел по коридору. Из-за двери номера 315 доносились голоса. Расстегнув пуговицу на куртке, Риз постучал в дверь. Открыл подросток лет семнадцати.

— Привет!

— Пол Йерби?

— Нет.

Парнишка обернулся и крикнул в глубину комнаты:

— Пол, это к тебе.

Риз оттеснил его и вошел. Из ванной появился тощий взъерошенный мальчишка в джинсах и свитере.

— Пол Йерби?

— Да. Кто вы?

Риз снова вытащил жетон.

— Детектив Риз. Отдел по расследованию убийств.

Парнишка побледнел и попятился:

— Чем... что вам нужно?

Ник отчетливо ощущал исходящую от него волну страха. Вынув из кармана кольцо погибшей, он повертел им перед глазами Йерби.

— Видел когда-нибудь это, Пол?

— Нет, — тут же пробормотал мальчик. — Я...

— На нем твои инициалы.

— Разве? О... да. — Он растерянно замялся. — Может, и мое. Кажется, я его потерял.

— Или подарил?

Пол отвел глаза.

— Ну... возможно.

— Собирайся, Пол. Поехали.

— Я арестован? — нервно пролепетал парнишка.

— За что? — удивился Риз. — Разве ты совершил преступление?

— Конечно, нет. Я...

— За что же тебя арестовывать в таком случае?

— Я... не знаю. Зачем вы меня уводите?

Он с надеждой поглядел на открытую дверь. Детектив Риз крепче стиснул руку мальчика.

— Не стоит, Пол. Никаких резких движений.

— Пол, может, лучше позвонить твоей матери или кому еще? — окликнул его второй парнишка.

Но тот лишь съежился и тоскливо качнул головой.

— Нет. Не нужно, — едва слышно прошептал он.

Главное полицейское управление размещалось в ничем не примечательном сером шестиэтажном здании на Индиана-авеню. Отдел по расследованию убийств находился на третьем этаже. Пока Пола Йерби фотографировали и снимали отпечатки пальцев, Риз успел поговорить с капитаном Отто Миллером.

— Кажется, в деле «Монро Армз» что-то начало проявляться.

Миллер откинулся на спинку кресла:

— Выкладывай.

— Я задержал приятеля девушки. Парень до полусмерти напуган. Сейчас начнем допрос. Хотите поучаствовать?

Капитан уныло кивнул на неопрятные стопки бумаг, громоздившиеся как попало на столе:

— У меня своих дел невпроворот. После дашь полный отчет.

— Есть, сэр! — браво ответил Риз, направляясь к выходу.

— Ник! Не забудь зачитать ему его права.

Пола привели в помещение для допросов, маленькую каморку, девять на двенадцать, где едва помещались распатанный, выдавший виды стол,

четыре стула и видеокамера. Кроме того, в стену был вделан замаскированный под зеркало смотровой глазок, сквозь который остальные детективы могли наблюдать за допросом из соседней комнаты.

Пола Йерби усадили напротив Ника Риза и еще двух детективов, Дуга Хогана и Эдгара Бернстайна.

Детектив Риз:

— Вам известно, что наша беседа записывается на видеопленку?

— Да, сэр.

— У вас есть право вести разговор исключительно в присутствии адвоката. Если не можете нанять своего, государство предоставит вам защитника.

Детектив Бернстайн:

— Хотите, чтобы мы вызвали адвоката?

— Мне не нужен адвокат.

— Прекрасно. Вы имеете право молчать. Но если все-таки решите отвечать на вопросы, помните: все, сказанное здесь, может быть использовано против вас на суде. Вам ясно?

— Да, сэр.

— Ваше имя?

— Пол Йерби.

— Адрес?

— Денвер, штат Колорадо, Марион-стрит, двадцать, квартира три. Я ничего не сделал. Я...

— Вас пока ни в чем не обвиняют. Мы просто пытаемся получить кое-какие сведения. Вы же не откажетесь помочь нам, Пол?

— Конечно... только я никак не пойму, что стряслось.

— В самом деле не понимаете?

— Честное слово, сэр.

— У вас есть девушка, Пол?

— Ну... знаете...

— Нет, пока не знаем. Почему бы вам не объяснить?

— Ну разумеется. Я встречаюсь с девушками...

— То есть ходите на свидания? Приглашаете их куда-нибудь?

— Да.

— Есть ли у вас постоянная подружка?

Молчание.

— Отвечайте, Пол.

— Да, сэр.

Детектив Бернстайн:

— Как ее зовут?

— Хлоя.

Детектив Риз:

— Хлоя... а дальше?

— Хлоя Хьюстон.

Риз записал имя в блокнот.

— Ее адрес?

— Денвер, Оук-стрит, дом 602.

— Имена родителей?

— Она живет с матерью.

— В таком случае имя матери?

— Джеки Хьюстон. Она губернатор Колорадо.

Детективы переглянулись. Ну и вляпались же в дерьмо! Только этого не хватало!

Риз поднял кольцо:

— Это ваше, Пол?

Приглядевшись, мальчик нерешительно кивнул:

— Ага.

— Вы подарили его Хлое?

Пол передернул плечами:

— Д-да... вроде бы.

— Вы не уверены?

— Нет, сейчас я точно вспомнил. Подарил.

— Вы приехали в Вашингтон со всем классом, так? Что-то вроде школьной поездки?

— Верно.

— И Хлоя была с вами?

— Да, сэр.

— Где она сейчас?

— Н-не знаю.

Детектив Хоган:

— Когда вы в последний раз ее видели?

— Кажется, пару дней назад.

Детектив Риз:

— Два дня назад?

— Ага.

Детектив Бернстайн:

— Где именно?

— В Белом доме.

— Она была в Белом доме? — удивился Риз.

— Да, сэр. Мать Хлои устроила нам эту экскурсию.

Детектив Хоган:

— И Хлоя была с вами?

— Да.

Детектив Бернстайн:

— Ничего необычного не случилось?

— Что вы имеете в виду?

Детектив Хоган:

— Во время экскурсии вы кого-нибудь встречали? Вступали в беседу?

— Ну да, конечно. С гидом.

Детектив Риз:

— И только?

— Только, сэр.

Детектив Хоган:

— Хлоя все это время держалась вместе с остальными?

— Да... — Йерби осекся. — Нет. Сказала, что ей нужно в туалет, и улизнула минут на пятнадцать. А когда вернулась...

Детектив Риз:

— И что было потом?

— Ничего, просто вернулась.

Мальчишка явно что-то скрывал.

— Сынок, — участливо спросил Риз, — тебе известно, что Хлоя Хьюстон мертва?

Все трое пристально уставились на подростка.

— Нет! Боже мой! Как?! — охнул тот. Кажется, действительно услышал о случившемся впервые. Правда, возможно, просто хороший актер.

Детектив Бернстайн:

— Вы не знали?

— Нет! Не могу поверить!

Детектив Хоган:

— Вы не имеете никакого отношения к ее гибели?

— Конечно, нет! Я люблю... любил Хлою.

— Вы никогда... не занимались любовью?

— Нет. Решили подождать. Мы собирались пожениться.

Детектив Риз:

— Но иногда принимали вместе наркотики?

— Неправда!!!

Дверь открылась. На пороге возник еще один детектив, здоровяк Гарри Картер. Он направился к Ризу и что-то прошептал. Ник кивнул.

— Когда в последний раз вы видели Хлою Хьюстон? — снова спросил он у Пола.

— Я уже говорил, в Белом доме, — шмыгнул носом мальчишка, неловко заерзав на стуле.

Детектив Риз подался вперед:

— Ты попал в неприятную историю, Пол. Отпечатки твоих пальцев нашли в суперлюксе отеля «Монро Армз». Как они туда попали?

Белый, как простыня, Йерби не ответил.

— Запираться бесполезно. Хватит лгать. Мы тебя прищучили.

— Я... я ничего не сделал.

— Ты снял номер в «Монро Армз»? — допытывался детектив Бернстайн.

— Нет. Снимал не я.

Ник успел заметить, что мальчик сделал упор на слове «я», и тут же воспользовался открытием:

— Но знаешь, кто именно?

— Нет, — слишком поспешно ответил Пол.

- Признаешь, что был в этом номере?
- Да... но Хлоя была жива, когда я уходил.

Детектив Хоган:

- А почему ты ушел?
- Она попросила. Ждала... кого-то.

Детектив Бернстайн:

- Ну же, Пол, признавайся. Это ты убил ее.
- Нет!

Йерби трясся, как в лихорадке.

— Клянусь, ничего подобного я не делал.
Просто поднялся с ней в номер и ненадолго задержался.

- Она попросила тебя уйти?
- Да. И была... вроде как взволнована чем-то.
- Потому что ждала кого-то?

Детектив Хоган:

- А призналась Хлоя, с кем у нее свидание?

Пол нервно облизнул внезапно пересохшие губы:

- Нет.
- Лжешь. Сказала.
- Ты утверждаешь, что Хлоя волновалась.

Из-за чего? — вмешался детектив Риз.

Пол снова облизнул губы.

— Из-за... того человека... с которым собиралась поужинать.

Детектив Бернстайн:

- Кто он, Пол?
- Не могу сказать.

Детектив Хоган:

- Почему?

— Дал слово Хлое.

— Хлоя мертва.

Глаза мальчишки наполнились слезами.

— Не могу... не могу поверить.

— Имя этого человека, — настаивал Риз.

— Я обещал молчать.

— Не стоит, парень. Поверь, не стоит. Мы ведь не шутим. Или эту ночь проведешь в тюрьме. Утром назовешь имя человека, с которым встречалась Хлоя, и мы тебя отпустим. Иначе тебе грозит обвинение в умышленном убийстве, — объяснил Риз.

Пол упрямо стиснул зубы.

— Уведи, — кивнул Ник Бернстайну, а сам отправился к капитану Миллеру.

— У меня две новости — плохая и хуже некуда.

— Ник, мне не до того. Сам видишь...

— Новость плохая: я вовсе не уверен, что именно этот парень дал ей наркотик. И что со всем уже абзац — мать девчонки — губернатор Колорадо.

— Господи! Представляю, как набросятся на падаль эти стервятники-репортеры! — схватился за голову капитан. — Почему ты не считаешь мальчишку виновным?

— Он признался, что был в номере, но твердит, будто она велела ему уйти, поскольку ожидала кого-то еще. Вряд ли Йерби настолько идиот, чтобы придумать такую чепуху да еще настаивать

на этом! Тут дело другое: мне кажется, что он знает, кому Хлоя Хьюстон назначила свидание. Знает, но молчит.

— А тебе ничего не приходит в голову?

— Школьники приехали в столицу впервые и отправились на экскурсию в Белый дом. У девочки здесь никого из знакомых. И тут она внезапно говорит, что ей нужно в туалет. Туалета для посторонних в Белом доме нет. Ей пришлось либо выйти на улицу и добраться до Павильона посетителей на углу Пятнадцатой и Е-стрит, либо отыскать Центр для посетителей Белого дома. Хьюстон отсутствовала всего около четверти часа. Это означает, что убитая, вероятно, встретила в Белом доме человека, которого могла узнать. Возможно, видела по телевизору или в газете. Так или иначе, это был кто-то известный. Он показал, как пройти в ближайшую дамскую комнату, куда обычно не пускают экскурсантов, и, очевидно, успел произвести на нее такое впечатление, что девочка согласилась встретиться с ним в «Монро Армз».

Капитан Миллер задумчиво вздохнул:

— Пожалуй, позвоню-ка я в Белый дом. Они просили держать их в курсе, если случится что-то из ряда вон выходящее. Сделай все, чтобы мальчишка развязал язык. Пусть назовет имя!

— Ладно.

Дождавшись ухода Риза, Миллер торопливо набрал номер.

— ...да, сэр. Мы задержали свидетеля по делу. Он сейчас в камере полицейского управления на Индиана-авеню... Нет, сэр, не волнуйтесь. Думаю, завтра мальчик назовет имя... Да, сэр, Понимаю.

Собеседник повесил трубку. Капитан пожал плечами и нехотя потянулся за очередной стопкой бумаг.

В восемь часов утра детектив Ник Риз вошел в камеру. Труп Пола Йерби свисал с потолочной перекладины.

ГЛАВА

18

В ПОГИБШЕЙ ДЕВУШКЕ УДАЛОСЬ ОПОЗНАТЬ
ДОЧЬ ГУБЕРНАТОРА КОЛОРАДО.

ШЕСТНАДЦАТИЛЕТНЯЯ ХЛОЯ ХЬЮСТОН
УМЕРЛА ОТ СВЕРХДОЗЫ НАРКОТИКА!

ПРИЯТЕЛЬ ХЛОИ ХЬЮСТОН ПОВЕСИЛСЯ
В КАМЕРЕ.

ПОЛИЦИЯ РАЗЫСКИВАЕТ
ТАИНСТВЕННОГО СВИДЕТЕЛЯ.

Он тупо уставился на заголовки, боясь, что сейчас его вывернет. Шестнадцать лет! Она выглядела старше. В чем его могут обвинить? В преднамеренном убийстве? Или случайном? Плюс изнасилование несовершеннолетней.

Перед глазами снова и снова вставала девчонка... совсем голая... только что из ванны...

— Знаете... — застенчиво бормотала она, — я еще никогда не была с мужчиной.

А он обнял ее и начал ласкать:

— Я счастлив, солнышко, что буду первым.

Несколько минут назад они выпили флакончик жидкого «экстази».

— Попробуй. Это поможет тебе расслабиться.

Он повалил ее на постель и, жадно осыпая поцелуями, вонзился в податливую плоть. Когда все было кончено, ей почему-то стало плохо. Девчонка встала, пошатнулась и, падая, ударилась виском о край стола. Несчастный случай. Но полиция, конечно, так не считает.

Но никто не видел нас вдвоем. Ни один человек не сможет ничего доказать.

Все случившееся до сегодняшнего дня казалось нереальным, кошмаром, который происходит с кем-то другим. Однако именно газетные заголовки почему-то отрезвили его. Вселили ужас.

За окнами Белого дома слышался шум уличного движения, и он снова попытался прийти в себя и вспомнить, где находится. Через несколько минут должно начаться совещание.

Он судорожно сцепил пальцы.

Да успокойся же! Держи себя в руках!

В Овальном кабинете собрались вице-президент Мелвин Уикс, Сайм Ломбардо и Питер Тейгер. Последним вошел Оливер. Мужчины обменялись приветствиями.

— Вы видели «Трибюн», мистер президент? — осведомился Тейгер.

— Пока еще нет.

— Полиция опознала девушку, которая умерла в «Монро Армз». Боюсь, у нас начнутся неприязнкости.

Оливер бессознательно выпрямился.

— О чем вы, Питер?

— Это Хлоя Хьюстон. Дочь Джеки Хьюстон.

— О Боже, — охнул президент. Остальные непонимающе уставились на него, удивленные таким проявлением чувств.

— Я... я давно знаю Джеки, — пояснил он, поняв, что выдал себя. — Какой ужас. Единственная дочь!

— Теперь «Трибюн» снова набросится на нас, хотя мы не отвечаем за все преступления в Вашингтоне, — заметил Сайм Ломбардо.

— Неужели никак нельзя заткнуть рот Лесли Стюарт? — возмутился Мелвин.

Оливер вспомнил о волшебной ночи, проведенной в объятиях Лесли.

— Вряд ли. Свобода печати, джентльмены.

— Но как сообщить губернатору? — развел руками Питер.

— Попробую сам.

Оливер нажал кнопку интеркома.

— Соедините меня с губернатором Колорадо.

— Нужно срочно предпринимать что-то, — заметил Питер. — Я запрошу статистику уголовных преступлений по стране, вы потребуете у конгресса выделить больше денег на нужды полиции и так далее.

Он смущенно замолчал, поняв, что все это лишь одни слова и пустой звук.

— Сейчас не время поднимать шумиху, — возразил Уикс.

Раздался звонок. Оливер поднял трубку, что-то сказал и отодвинул телефон.

— Губернатор вылетела в Вашингтон. Узнайте номер рейса, Питер. Нужно встретить ее и привезти сюда.

— Будет сделано, мистер президент, но учтите: автор передовицы «Трибюн» в выражениях не стесняется.

Питер протянул Оливеру газету:

ПРЕЗИДЕНТ НЕ В СИЛАХ СПРАВИТЬСЯ С ПРЕСТУПНОСТЬЮ В СТРАНЕ

— Далее в том же духе.

— Лесли Стюарт — вонючая сука, — спокойно объявил Сайм Ломбардо. — Пора бы кому-нибудь потолковать с ней по душам.

А в это время Мэтт Бейкер тоже перечитывал передовицу, изобилующую оскорбительными нападками на президента, слишком слабого и нерешительного, чтобы справиться с уголовными элементами в стране. В кабинет без стука ворвался Фрэнк Лонерган, довольно способный журналист, хитрец и продувная бестия, да к тому же бывший полицейский. Среди коллег он считался одним из

лучших репортеров-«нюхачей». На его счету значилось не одно блестящее журналистское расследование.

— Это ты писал, Фрэнк?

Тот кивнул.

— Мне не слишком нравится то место, где говорится, что в Миннесоте преступность снизилась на двадцать пять процентов. Откуда ты это взял?

— Снежная королева подсказала.

— Бред! — фыркнул Бейкер. — Я сам с ней поговорю.

Он немедленно отправился к Лесли. Та говорила по телефону.

— Обсудите детали сами, но постарайтесь собрать для него побольше денег. Собственно говоря, сенатор Эмбри от штата Миннесота сегодня обедает со мной и даст список имен. Спасибо.

Она положила трубку.

— Здравствуйте, Мэтт.

Мэтт медленно подошел к столу:

— Я хотел поговорить с вами насчет этой передовицы.

— Неплохо вышло, верно?

— А по-моему, редкостное дерьмо. Самая низкопробная подтасовка. Президент вовсе не обязан заниматься преступностью в Вашингтоне. На это есть мэр и полиция. И что еще за вранье насчет снижения количества преступлений в Миннесоте

на целых двадцать пять процентов? Откуда вы это взяли?

Лесли Стюарт подняла глаза и невозмутимо улыбнулась:

— Мэтт, это моя газета, и я имею право делать с ней все, что захочу. Оливер Рассел слабак и никудышный президент. Я поставила на Грегори Эмбри. Нужно помочь ему переселиться в Белый дом. — Увидев выражение лица Мэтта, она чуть смягчилась: — Бросьте, Мэтт, все в порядке. «Трибюн» должна быть на стороне победителя. Эмбри — именно то, что надо. Он сейчас будет здесь. Хотите пообедать с нами?

— Нет. Мне не нравятся люди, не брезгующие никакими средствами, чтобы добиться своего. Грязная борьба не по мне.

Он повернулся и вышел, но, не пройдя и нескольких шагов, столкнулся с сенатором Эмбри, напыщенным, самодовольным политиканом.

— А, сенатор! Мои поздравления.

— Спасибо. А с чем? — озадаченно пробормотал Эмбри.

— Ну как же! Приложить столько трудов, чтобы снизить преступность в штате на двадцать пять процентов!

И Мэтт Бейкер удалился, оставив сенатора недоуменно взирать ему вслед.

В роскошно обставленной столовой Лесли Стюарт был накрыт стол. Официант поспешил навстречу вошедшим.

— Обед готов, мисс Стюарт. Когда прикажете подавать? Что будете пить?

— Мне ничего, — отказалась Лесли. — А вам, сенатор?

— Ну... обычно я не пью днем, но сегодня не отказался бы от martin.

Лесли Стюарт было точно известно, что сенатор лакал спиртное с самого утра — не даром на него было заведено самое подробное досье. Женат, пятеро детей и любовница-японка. Хобби — тайное спонсорство промилитаристской организации в собственном штате. Все это, однако, не имело для Лесли никакого значения. Важно то, что сенатор Грегори Эмбри не собирался выступать против монополий и затрагивать интересы таких огромных концернов, как «Вашингтон трибюн энтерпрайзис». Лесли намеревалась расширять границы своей империи, и Эмбри именно тот, кто поможет ей в этом.

Они уселись за обеденный стол. Сенатор осушил второй стакан martin.

— Я хотел поблагодарить вас за сбор средств, Лесли. Так благородно с вашей стороны!

— Это мой долг, — тепло улыбнулась Лесли. — Я сделаю все, чтобы вы сбросили Оливера Рассела.

— Что ж, думаю, шансы у меня неплохие.

— Мне тоже так кажется. Люди устали от него и его безумных выходок. Еще один предвыборный скандал, и ему конец.

— Вы действительно так считаете?

Лесли кивнула:

— Меня это не удивило бы.

Повар, как всегда, оказался на высоте. Обед получился восхитительный.

Антонио Вальдес, помощник coronera, воровато озираясь, поднял трубку:

— Мисс Стюарт, вы просили держать вас в курсе дела Хлои Хьюстон?

— Да.

— Копы приказали наглухо заткнуться, но поскольку вы так много для меня сделали...

— Не волнуйтесь. Я и впредь вас не оставлю. Что показало вскрытие?

— Причина смерти — наркотик. Так называемый «экстази».

— Что?

— «Экстази». Причем жидкий.

У меня маленький сюрприз... Жидкий «экстази»... Один приятель дал...

Женщина, тело которой нашли в реке Кентукки, тоже погибла от сверхдозы жидкого «экстази».

Лесли долго сидела, не двигаясь, с бешено колотившимся сердцем.

Есть все-таки Бог на небе!

Немного опомнившись, она послала за Фрэнком Лонерганом.

— Займитесь смертью Хлои Хьюстон. Думаю, тут замешан президент.

Фрэнк, не веря ушам, уставился на босса:

— Президент?

— Дело пытаются спустить на тормозах. Виновника явно покрывают, я просто убеждена в этом. Арестованный мальчик весьма вовремя покончил с собой... кстати, попытайтесь разнюхать, все ли тут чисто. И заодно проверьте, где был президент в день и ночь гибели девушки. Проведите частное расследование. Закрытое. Помните, отчитываться исключительно передо мной.

— Но... но вы знаете, чем это может кончиться?

— Приступайте. И вот что, Фрэнк, справьтесь в Интернете и узнайте обо всем, что связано с наркотиком «экстази». Он выведет вас на Рассела.

В медицинском разделе Интернета, посвященном опасностям наркомании, Лонерган отыскал историю Мириам Фридленд, бывшего секретаря Оливера Рассела. Девушка находилась во франкфортской клинике. Лонерган позвонил туда, но дежурный врач сообщил, что Мириам два дня назад умерла, так и не выйдя из комы. Тогда Фрэнк попросил соединить его с губернатором штата Колорадо.

— Прошу прощения, — ответила секретарь, — но губернатор Хьюстон вылетела в Вашингтон.

Фрэнк бросился в Национальный аэропорт. Но, как выяснилось, опоздал. Оставалось лишь беспомощно наблюдать, как Питер Тейгер здоровается с

привлекательной блондинкой бальзаковского возраста и, обняв ее за плечи, ведет к лимузину.

Он должен во что бы то ни стало поговорить с Джеки Хьюстон!

Лонерган вернулся в город и сел на телефон. Вскоре ему удалось выяснить, что губернатор Хьюстон должна остановиться в отеле «Фо Сизонз».

Питер проводил Джеки в маленькую комнату, рядом с Овальным кабинетом. Навстречу поднялся Оливер Рассел и, сжав ее руки, шепнул:

— Мне ужасно жаль, Джеки. Не могу выразить, как жаль.

Последний раз они виделись лет семнадцать назад, на съезде юристов в Чикаго. Джеки тогда еще только окончила университет. Роман был бурным, но, к сожалению, весьма непродолжительным.

Семнадцать лет назад.

А Хлое было шестнадцать. Неужели...

Он не смел спросить Джеки об этом. Боялся и не хотел знать.

Они молча глядели друг на друга, и Оливеру на мгновение показалось, что Джеки вот-вот заговорит о прошлом. Он поспешно отвернулся.

— Полицейские считают, что Пол Йерби имеет какое-то отношение к гибели Хлой, — выговорила наконец Джеки.

— По всей видимости, да.

— Неправда.

— Неправда?

— Пол любил Хлою. Он никогда бы не причинил ей зла.

Горло женщины перехватило судорогой. Голос оборвался.

— Они... они собирались пожениться.

— Если верить детективам, в номере отеля, где была убита Хлоя, обнаружены отпечатки пальцев Йерби.

— Газетчики твердят, что это случилось в суперлюксе отеля «Монро Армз», — всхлипнула Джеки.

— Совершенно верно.

— Оливер, Хлоя почти не получала карманных денег. Отец Пола — пенсионер, бывший клерк. Откуда у Хлои взялись деньги на такой дорогой номер?

— Понятия не имею.

— Значит, прежде всего нужно разобраться именно в этом! Я не уеду, пока не узнаю, кто виновен в смерти моей дочери. Кстати, Хлоя должна была в то утро встретиться с вами. Вы видели ее? — неожиданно спросила Джеки. Оливер чуть поколебался:

— Нет. Жаль, что так вышло, конечно, но возникли всякие непредвиденные обстоятельства, и мне пришлось отменить беседу.

На другом конце города, в крошечной квартирке, обнаженная парочка занималась любовью. Но на этот раз в девушке не чувствовалось привычного пыла, словно мысли ее были чем-то заняты.

- Ты в порядке, Джоан?
- Конечно, Алекс.
- А по-моему, ты вроде как далеко отсюда, крошка. О чем думаешь?
- Ни о чем, — коротко бросила Джоан Маграт.
- Не вешай мне лапшу на уши, беби. Я тебя знаю!
- Ну... по правде говоря, я не могу забыть о той бедняжке, которую убили в отеле.
- А, верно, читал. Дочь какого-то губернатора?
- Она самая.
- А полиция узнала, с кем она трахалась?
- Нет. Они шныряли по всему отелю и допрашивали каждого.
- И тебя?
- Угу. Но я знала только о телефонном звонке.
- Каком еще звонке?
- Кто-то звонил из того номера в Белый дом. Он на мгновение напрягся, но тут же постарался не подать виду и как бы между делом заметил:
- Подумаешь, важность какая! Нынче каждый козел воображает себя таким крутым, что просто тащится, когда удастся добыть телефончик Белого дома и звякнуть неизвестно кому! Брось это, беби. Лучше давай-ка еще разок! Кстати, кленовый сироп остался?

Фрэнк Лонерган едва успел узнать, в каком отеле остановилась губернатор, когда зазвонил телефон.

— Лонерган.

— Привет, мистер Лонерган. Это «Глубокая глотка»*.

Алекс Купер, мелкий прихлебатель, шестерка, воображавший себя всезнайкой-осведомителем. Паразит чертов! Еще терпеть его идиотские шуточки!

— Надеюсь, вы по-прежнему неплохо платите за свеженькую горяченькую новостипку?

— В зависимости от того, насколько горяченькая.

— Уж эта, поверьте, подпалит вам задницу! Полный отпад! Я хочу за нее пять штук баксов.

— Мне некогда. До свидания.

— Погодите, не вешайте трубку. Это насчет той телки, которую пришили в «Монро Армз».

Фрэнк насторожился:

— Что именно?

— Это разговор, сами понимаете, не телефонный.

— Встретимся в «Рикко» через полчаса.

Ровно в два Фрэнк и Купер сидели в кабинете «Рикко». Природа наградила Купера внешностью, вполне соответствующей характеру, и на взгляд Фрэнка тот больше всего напоминал тощего слизняка. Обычно Лонерган брезговал вести дела с такими, как Алекс, но, к сожалению, этот ублюдок

* Название известного порнофильма.

действительно ухитрялся время от времени сообщать полезную информацию.

— Надеюсь, я не зря сюда приехал, — проворчал Лонерган.

— Вот уж нет! Что запоете, если докажу, что убийство девчонки связано с Белым домом? — расплылся в самодовольной улыбке Купер. Фрэнк ухитрился ничем не выказать волнения.

— Продолжай.

— Пять штук?

— Одна.

— Две.

— Заметано. Выкладывай.

— Моя телка служит телефонисткой в «Монро Армз».

— Как ее зовут?

— Джоан Маграт.

Лонерган вынул блокнот.

— И что же?

— Кто-то звонил в Белый дом из номера, где в это время была девушка.

Лесли Стюарт считает, что в убийстве замешан президент.

— Точно?

— Зуб даю.

— Я сам проверю. И если это правда, получишь деньги. Ты никому не говорил об этом?

— Ни единой живой душе.

— Прекрасно. Вот и держи рот на замке. Ну пока. Увидимся.

— Да, вот еще что, — окликнул Купер.

Лонерган, уже было собравшийся уходить, остановился:

— Ну?

— Про меня молчок. Предпочитаю остаться в стороне. Не хочу, чтобы Джоан узнала, кто проболтался.

— Не волнуйся.

Алекс Купер остался один, предаваясь сладостным мечтам о том, как потратить свалившиеся с неба две тысячи.

Коммутатор «Монро Армз» размещался в клетушке за стойкой портье. В этот день как раз дежурила Джоан. Фрэнк с деловитым видом направился к ней с папкой в руках. Девушка соединила очередного абонента и обернулась к репортеру:

— Чем могу служить, сэр?

— Я из телефонной компании, — объявил Лонерган, помахав перед глазами Джоан каким-то сомнительным удостоверением. — Небольшая проблема.

— В чем дело? — удивилась Джоан.

— Некоторые постояльцы утверждают, что им предъявили счета за переговоры, которых они не вели.

Он раскрыл папку и сделал вид, что сверяется с документами:

— Пятнадцатое октября. Поступил счет за разговор с Германией, а джентльмен утверждает, что вообще никого там не знает. Устроил скандал.

— Мне тоже об этом ничего не известно, — негодующе вскинулась Джоан. — И вообще даже не помню, чтобы за последний месяц кто-то звонил в Германию.

— Вы ведете записи?

— Естественно.

— Не могу я посмотреть?

— Пожалуйста.

Она вытащила скороспиватель из-под стопки бумаг и протянула Фрэнку. На коммутаторе мигали лампочки. Пока Джоан, отвернувшись, поспешно соединяла абонентов, Лонерган быстро пролистал записи. Двенадцатое октября... тринадцатое... четырнадцатое... шестнадцатое...

Листок за пятнадцатое был вырван.

Фрэнк Лонерган устроился в вестибюле отеля и приготовился терпеливо дожидаться возвращения Джеки Хьюстон из Белого дома. К счастью, долго торчать на виду не пришлось.

— Губернатор Хьюстон?

— Что вам угодно?

— Я Фрэнк Лонерган, «Ваппингтон трибюн». Не могу выразить, как нам жаль, губернатор. Примите наше искреннее сочувствие.

— Спасибо.

— Извините, не мог бы я поговорить с вами?

— Я не...

— Возможно, я смогу быть вам полезен. — Лонерган кивнул на небольшой салон в конце вестибюля. — Там нас не потревожат.

— Хорошо, — устало согласилась женщина.

— Насколько я понимаю, ваша дочь была на экскурсии в Белом доме в день...

Фрэнк не сумел заставить себя договорить.

— Да. Вместе со всем классом. Хлоя была вне себя от волнения. Не могла дождаться, пока увидит президента.

Лонерган с трудом удержался, чтобы не вско-
чить.

— Она должна была встретиться с президен-
том Расселом? — как можно спокойнее допыты-
вался он.

— Да, я это устроила. Мы старые друзья.

— И встреча состоялась, губернатор?

— Нет. У него были срочные дела. — Она вы-
терла платком глаза. — Но в одном я твердо уве-
рена.

— А именно, мэм?

— Пол Йерби не убивал ее. Они любили друг
друга.

— Но полиция утверждает...

— Мне нет дела до их утверждений. Они арес-
товали невинного мальчика, довели до самоубий-
ства. Какая подлость!

Фрэнк Лонерган задумчиво нахмурился.

— Но если Пол Йерби не убивал вашу дочь, кто
же тогда? Она не говорила вам, с кем собирается
встретиться в Вашингтоне?

— Нет. Она никого здесь не знала. И так радо-
валась... — Джеки снова заплакала: — Прошу
прощения, мне нужно идти.

— Конечно. Спасибо, губернатор Хьюстон.

Из отеля он направился в морг. Хелен Чуан как раз выходила из прозекторской.

— Кого я вижу!

— Привет, док.

— Что привело вас сюда, Фрэнк?

— Хотел потолковать насчет Пола Йерби.

— Какой кошмар, — вздохнула Хелен. —

Такие молодые...

— Но с чего бы вдруг мальчику кончать с собой?

— Кто знает? — пожала плечами коронер.

— Я имел в виду... вы уверены, что это самоубийство?

— Во всяком случае, очень похоже. Его ремень так туго охватывал шею, что пришлось разрезать.

— На теле не было никаких следов насилия?

Ни синяков, ни ссадин?

— Нет, — ответила Хелен, с любопытством глядя на репортера.

— Ладно. Спасибо. Ухожу. Нельзя же заставлять ваших пациентов ждать.

— Ужасно смешно.

Фрэнк отыскал в коридоре телефон-автомат, соединился с Денвером и узнал номер родителей Пола. Трубку взяла миссис Йерби.

— Алло? — устало спросила она.

— Простите, что беспокою. Это Фрэнк Лонерган. Репортер «Вашингтон трибюн». Я хотел...

— Не стоит...

По-видимому, мистер Йерби решил вмешаться:

— Прошу прощения. Моя жена, видите ли...

Все утро не было отбоя от газетчиков. Мы не желаем...

— Я не задержу вас, мистер Йерби. В Вашингтоне есть немало людей, которые не верят в то, что ваш сын преступник.

— Он не убивал! — с неожиданной силой воскликнул мужчина. — Пол никогда, никогда бы не сделал ничего подобного!

— У него были друзья в Вашингтоне, мистер Йерби?

— Нет. Ни одного знакомого.

— Понятно. Ну что же, если я что-то могу сделать для вас, только скажите...

— Мистер Лонерган, мы договорились, что тело Пола переправят сюда, но не знаем, как получить его вещи. Хотелось бы сохранить все, что... Если бы вы подсказали, с кем поговорить насчет...

— Я все сделаю.

— Будем очень благодарны. Спасибо.

Пришлось ехать в отдел по расследованию убийств. Сержант вытащил коробку с вещами мальчика.

— Ничего особенного, — заметил он. — Только одежда и камера.

Лонерган порылся в картонке и вытащил черный кожаный ремень. Совершенно целый.

Фрэнк Лонерган вошел в кабинет Деборы Каннер, секретаря президента Рассела, ведающего записью на прием, как раз когда та собиралась идти обедать.

— Чем обязана вашему визиту, Фрэнк?

— Возникли проблемы, Дебора.

— Подумаешь, новости. У вас всегда проблемы.

Фрэнк притворился, что просматривает блокнот:

— Получил информацию, что пятнадцатого октября у президента было секретное совещание с представителем Китая и якобы разговор шел о Тибете.

— Ничего не знаю ни о каком совещании.

— Не будете ли так добры проверить?

— Какого числа, говорите?

— Пятнадцатого октября.

Дебора вытащила книгу записей и принялась листать.

— На какое время была назначена встреча?

— На десять вечера в Овальном кабинете.

— Ничего подобного. В десять президент беседовал с генералом Уитменом.

— Что-то не так, — нахмурился Фрэнк. — Не дадите взглянуть?

— Прошу прощения, это запрещено, Фрэнк.

— Значит, мне мозги запудрили. Ничего не поделаешь. Спасибо, Дебора.

Полчаса спустя Фрэнк уже разговаривал с генералом Стивом Уитменом.

— Генерал, «Трибюн» хотела бы дать репортаж о вашей встрече с президентом Расселом пятнадцатого октября. Насколько я понимаю, были затронуты важные вопросы.

— Не знаю, откуда вы это взяли, мистер Лонерган, — покачал головой генерал. — Встречу отменили. У президента нашлись другие, более срочные дела.

— Это точно?

— Совершенно. Мне назначили другое время.

— Благодарю, генерал.

Фрэнк не поленился вернуться в Белый дом и снова разыскать Дебору Каннер:

— Ну, что на этот раз, Фрэнк?

— Все то же, — печально вздохнул репортер. — Мой осведомитель клянется, что в десять вечера президент совещался с китайским представителем насчет Тибета.

— Сколько раз повторять, — раздраженно буркнула Дебора, — не было никакого китайского представителя.

— Просто не знаю, что делать. Босс требует от меня репортаж. Это настоящая сенсация. Ну что

же, придется обойтись своими силами. — Он направился к двери.

— Погодите!

Фрэнк обернулся.

— Никакого репортажа! Это чистая ложь! Президент будет вне себя!

— Сами понимаете, от меня ничего не зависит.

— Ладно, — решила наконец Дебора. — Если я докажу, что президент встречался с генералом Уитменом, вы успокоитесь?

— Конечно. К чему мне лишние неприятности? Дебора снова вытащила книгу.

— Вот список всех, кого принимал в тот день президент.

Столбец фамилий занимал две страницы. Дебора показала на нижнюю строчку:

— Видите? Черным по белому!

— И верно, — кивнул Лонерган, наспех просматривая записи. Вот оно! Нашел!

На три часа была записана не кто иная, как Хлоя Хьюстон.

ГЛАВА

19

Спешно созванное совещание в Овальном кабинете продолжалось всего несколько минут, но в воздухе уже пахло грозой.

— Если мы промедлим еще немного, — заявил министр обороны, — ситуация полностью выйдет из-под контроля, и мы окажемся бессильны что-либо предпринять.

— Но поймите, нельзя такие дела решать с ходу!

Генерал Стивен Госсар обернулся к главе ЦРУ:

— Насколько точна ваша информация?

— Трудно сказать. Мы вполне уверены, что Ливия покупает оружие у Китая и Ирана.

— Но ливийский посол отрицает это? — вмешался Оливер.

— Конечно. Как, впрочем, и Китай с Ираном, — пожал плечами государственный секретарь.

— А как насчет остальных арабских стран?

— Из полученных донесений, мистер президент, — ответил шеф ЦРУ, — ясно, что готовится внезапное нападение на Израиль. Думаю, остальные просто выжидают момента, когда Израиль будет стерт с лица земли.

Все с надеждой воззрились на президента.

— У вас есть надежные агенты в Ливии? — осведомился он.

— Да, сэр.

— Немедленно сообщайте мне о всех полученных сведениях. И если окажется, что нападение неизбежно, мы предпримем самые решительные меры.

Он объявил перерыв, и присутствующие начали вставать из-за стола.

— Мистер Тейгер просит о встрече, мистер президент, — сообщила секретарь.

— Пусть войдет.

— Ну как прошло совещание? — поинтересовался Питер.

— А, как обычно. Все одно и то же, — с горечью вздохнул Оливер. — Допытываются, когда я пожелаю начать войну, сейчас или позже.

— Ничего не поделать, вечный вопрос, которым терзают всех американских президентов, — сочувственно кивнул Тейгер.

— Верно.

— Кстати, что вам известно об Объединенных Арабских Эмиратах?

— Немного, — признался Оливер. — Двадцать лет назад представители пяти-шести арабских государств собрались вместе и образовали коалицию.

— Не шесть, а семь. Они объединились в 1971 году. Абу-Даби, Эль Фуджайра, Дубай, Шарджа, Рас-эль-Хайма, Умм-аль-Кайван и Аджман. Сначала союз был не слишком сильным, но теперь они непобедимы. И кроме того, это невероятно богатые страны. Там крайне высок уровень жизни. В прошлом году их валовой внутренний продукт достиг цифры свыше тридцати девяти миллиардов долларов.

— Полагаю, Питер, — нетерпеливо бросил Оливер, — вы куда-то клоните?

— Совершенно верно, сэр. Глава национального собрания Объединенных Арабских Эмиратов просит встречи с вами.

— Прекрасно. Я поговорю с министром обороны...

— Сегодня. С глазу на глаз.

— Вы это серьезно? Не могу же я...

— Оливер, меджлис — их национальное собрание — одна из самых влиятельных организаций в мире. Все остальные арабские страны питают к нему глубочайшее почтение. Это может стать важным шагом к примирению на Ближнем Востоке. Знаю, все это может показаться вам странным, но, прошу, послушайте моего совета. Поговорите с ним.

— Госдепартамент в полном составе хватит удар, если...

— Я все организую.

Последовало долгое молчание.

— Где они хотят встретиться?

— В Чесапикском заливе, недалеко от Аннаполиса, стоит на якоре их яхта. Я могу без лишнего шума доставить вас туда.

Оливер задумчиво изучал потолок. Наконец, решив что-то, он подался вперед и нажал кнопку переговорного устройства:

— Отмените все сегодняшние заседания.

Яхта действительно стояла у причала. Все матросы были арабами.

— Рады видеть вас в добром здравии, мистер президент, — приветствовал тот араб, которого Оливер заметил на приеме, Али-аль-Фулани. — Пожалуйста на борт.

Не успел Оливер подняться по сходням, как араб дал знак рулевому, и яхта начала медленно разворачиваться.

— Нам лучше спуститься вниз.

Точно. Где его можно спокойно убить или еще лучше — похитить. Нужно же было сотворить такую глупость! Может, именно в эту минуту началась война с Израилем, а президента лишили возможности нанести ответный удар! Какого дьявола он позволил Тейгеру втянуть себя в это дерьмо?

Ничем не выдавая, однако, волнения. Рассел спустился в роскошный салон, обставленный в восточном стиле. Двери охраняли четыре великана-араба. При виде Оливера с дивана поднялся представительный незнакомец...

— Мистер президент, — объявил Али-аль-Фулани, — позвольте представить вам его величество Хамада, короля Аджмана.

Мужчины обменялись рукопожатиями.

— Спасибо, что согласились приехать, мистер президент. Хотите чаю?

— Нет, спасибо.

— Надеюсь, вы убедитесь, что не зря потратили время, мистер президент, — начал король. — Много тысячелетий дипломатам было трудно, если не невозможно, навести мосты между разделявшими нас проблемами и воззрениями — философскими, языковыми, религиозными, культурными, словом, всем тем, что стало причиной бесчисленных войн в этой части света. Если евреи захватывают палестинские земли, это никого не касается в Омахе или Канзасе. Если взрывают синагогу в Иерусалиме, жителям Рима или Венеции это совершенно безразлично.

Интересно, куда он клонит? Собирается таким способом предупредить о неминуемом столкновении?

— Единственная часть света, страдающая от непрестанной бойни и кровопролития на Ближнем Востоке, это сам Ближний Восток. Пора положить конец этому безумию.

«Начинается», — подумал Оливер.

— Главы арабских стран и меджлис уполномочили меня сделать вам предложение.

— Какого рода?

— Восстановление мира на Ближнем Востоке.

— Мира? — удивился Оливер.

— Мы хотим заключить мирный договор с вашим союзником Израилем. Эмбарго, наложенные вами на Иран и другие арабские государства, уже обошлись нам в миллиарды долларов. Мы собираемся положить этому конец. Если ООН согласится стать посредником, арабские страны, включая Иран, Сирию и Ливию, согласны сесть за стол переговоров.

Ошеломленный Оливер не сразу сумел найти слова.

— Вы делаете это потому, что...

— Заверяю вас, отнюдь не из любви к Израилю или Америке. Это в наших интересах. Слишком много наших сыновей гибнет в этой бессмысленной бойне. С нас довольно. Мы желаем спокойно продавать свою нефть. Конечно, если нас вынудят, мы вступим в войну, но предпочли бы мир.

Оливер с трудом перевел дыхание:

— Если не возражаете, я бы выпил чаю.

— Жаль, что вас там не было, — рассказывал он позже Питеру Тейгеру. — Это просто невероятно! Они готовы воевать, но не хотят. Вот уж ис-

тинно восточный прагматизм! Подсчитали, что терпят огромные убытки, и хотят без помех продавать нефть.

— Ну и ну! — покачал головой Питер. — Когда начнутся мирные переговоры, вы станете настоящим национальным героем.

— И я могу действовать самостоятельно, не обращаясь к конгрессу, — добавил Оливер. — Нужно срочно поговорить с премьер-министром Израиля. Мы поможем ему примириться с арабами. Не поверите, Питер, но сначала я был твердо уверен, что меня похитили.

— Ну уж нет! — заверил Питер. — Я приказал подводной лодке и вертолету следовать за яхтой.

— В приемной сенатор Дэвис, мистер президент. Извиняется, что не договорился о встрече, но дело, по его словам, не терпит отлагательств, — сообщила секретарь.

— Попросите следующего посетителя немного подождать и зовите сенатора.

В Овальный кабинет ворвался Тодд. На нем лица не было.

— Какой приятный сюрприз, Тодд! Случилось что-нибудь?

— Нет, все в порядке, — процедил сенатор, усаживаясь. — Просто подумал, что нам стоит поговорить, Оливер.

— Сегодня у меня очень занятой день, но для вас...

— Всего несколько минут. Случайно столкнулся тут с Питером. Он рассказал о твоих арабских похождениях.

— Правда, здорово? — расплылся в улыбке Оливер. — Кажется, у нас впервые появилась возможность установить мир на Ближнем Востоке!

Он ударил кулаком по столу.

— После стольких лет! Вот почему мое правление войдет в историю, Тодд!

— Ты все хорошенько обдумал, Оливер? — зловеще тихо спросил сенатор.

— Что? О чем вы?

— Мир — это прекрасно, но ты не сознаешь, сколько осложнений он несет с собой. И прежде всего — финансовых. Воюющие страны закупают у Америки вооружения на многие десятки миллиардов долларов. В мирное время никто не истратит на это ни цента. Кроме того, поскольку на иранскую нефть наложено эмбарго, цены повышаются, и Америка получает дополнительные прибыли.

— Тодд, — не веря своим ушам пробормотал Оливер, — но такой шанс выпадает раз в жизни!

— Не будь наивным, Оливер. Если бы мы действительно захотели — могли бы и без тебя легко добиться мира между евреями и арабами. Израиль — крохотная страна. Любой из твоих предшественников сумел бы заставить Израиль договориться с арабами, но все предпочитали сложившееся положение. Не пойми меня неправильно, я ничего не имею против евреев и работаю с ними бок о бок в сенате.

— Неужели вы...

— Повторяю, Оливер, открой же глаза. Мирный договор просто не в интересах нашей страны. Я запрещаю тебе всякие переговоры в этом направлении.

— Но я должен!

— Ты? Не смейся меня, Оливер! Будешь делать то, что велют! Не забывай, кто посадил тебя в это кресло!

— Тодд, вы можете не считаться со мной, — спокойно возразил Оливер, — но по крайней мере уважайте мою должность. Кто бы ни посадил меня сюда, я пока еще президент этой страны.

Сенатор Дэвис вскочил и угрожающе навис над зятем:

— Президент?! Гребаная надувная кукла! Моя кукла, ясно? И будешь выполнять, что велено. Твое дело не отдавать приказы, а выполнять!

Оливер все так же невозмутимо взгляделся в Дэвиса:

— Интересно, сколько нефтяных промыслов у вас и ваших друзей?

— Не твое собачье дело! И если посмеешь ослушаться меня — тебе конец! Слышал? Не забывай, кто здесь правит бал! Даю тебе двадцать четыре часа, чтобы образумиться.

За ужином Джан встревоженно заметила:

— Отец просил меня поговорить с тобой, Оливер. Он очень расстроен.

Значит, придется рассориться и с ней.

— Он рассказал, что произошло.

— Подробно?

— Да. Но мне кажется, он ошибается. Ты молодец, Оливер. И поступил правильно. Немало людей будут тебе благодарны.

До Оливера не сразу дошло, что она на его стороне. Он ошарашенно уставился на жену.

— Но твой отец против.

— Знаю. И не согласна с ним. Если они готовы примириться, твоя обязанность помочь.

Оливер никак не мог прийти в себя. Но чему тут удивляться? С самого начала Джан была ему поддержкой и опорой. И теперь Первая леди неустанно занималась благотворительностью и много делала для обездоленных и несчастных не только в Америке, но и во всем мире. Недаром ее избрали почетным членом самых крупных общественных фондов. Она не раз выписывала крупные суммы на пожертвования, ухитряясь при этом всегда оставаться в тени. Кроме того, Джан красива, умна, заботлива и... и... кажется, Оливер только сейчас увидел жену в истинном свете.

Почему я постоянно изменяю ей? Разве мне так уж нужны эти дуручки? Все, что я ищу, — у меня дома. Лучшей женщины все равно не встретить.

— Сегодняшнее совещание долго продлится?

— Нет, — медленно выговорил Оливер. — Я скорее всего отменю его. Останусь с тобой.

В этот вечер они занимались любовью впервые за последний месяц, и Оливер не мог оторваться от жены. Под утро он решил, что попросит Питера избавиться от квартиры.

На столе в кабинете лежала записка:

«Прежде всего, мистер президент, хочу уверить, что искренне почитаю вас и ни за что не хотел бы причинить вам неприятности. Пятнадцатого октября я был в гараже «Монро Армз» и очень удивился, увидев вас там. На следующий день, прочитав об убийстве девушки, я понял, почему вы вернулись в лифт и протерли кнопки. Уверен, что газетчики немало заплатили бы за мой рассказ, но, как уже сказано, я слишком вас уважаю. И не хотел бы поднимать скандал. Конечно, я человек небогатый, и небольшая помощь мне не помешает, так что, если согласны, все останется между нами. Я дам о себе знать через несколько дней, когда вы хорошенько все обдумаете и решите.

Искренне ваш, Доброжелатель».

— Иисусе! — охнул Сайм Ломбардо. — Просто невероятно! Как это сюда попало?

— По почте, — объяснил Питер. — Адресовано президенту. Лично.

— Должно быть, какой-то псих, которому взбрело...

— Нельзя рисковать, Сайм. Я ни на минуту не верю, что это правда, но если слух просочится в газеты, мы пропали. Наша обязанность защитить президента.

— Но каким образом?

— Прежде всего необходимо выяснить, кто автор этого послания.

Питер немедленно отправился в главное управление ФБР и обратился к Клею Джейкобсу, агенту по особым поручениям.

— Говорите, дело срочное, Питер?

— Более чем.

Тейгер открыл «дипломат» и вытащил бумажный листок. Клей начал читать вслух:

...я слишком вас уважаю... Дам о себе знать через несколько дней, когда вы все хорошенько обдумаете и решите».

Все остальное было стерто.

— И что это значит? — удивился Клей.

— Государственная тайна, — пояснил Тейгер. — Президент просил узнать, если возможно, кто это послал. И проверить отпечатки пальцев.

Клей повертел листок и, нахмурившись, буркнул:

— Все это очень странно, Питер.

— Почему?

— Носом чую: что-то неладно.

— У президента единственная просьба — узнать имя того, кто отправил письмо.

— Если, конечно, на нем сохранились отпечатки.

— Естественно, — кивнул Питер.

— Ждите здесь.

Джейкобс забрал письмо и вышел. Питер тупо уставился в окно, терзаясь мыслями о возможных непредсказуемых последствиях.

Клей почти сразу же вернулся:

— Вам повезло.

Сердце Питера бешено заколотилось.

— Вы сумели что-то обнаружить?

— Вот именно. Машина человека, которого вы ищете, год назад столкнулась с другой. Его зовут Карл Горман. Портье отеля «Монро Армз». Хотите узнать еще что-то?

— Нет, — облегченно вздохнул Питер. — Ничего.

— Фрэнк Лонерган на линии три, мисс Стюарт. Просит срочно соединить.

— Хорошо.

Лесли взяла трубку и нажала кнопку третьей линии:

— Фрэнк?

— Вы одна?

— Да.

— Слава Богу. Вот что удалось раскопать.

Следующие десять минут Фрэнк подробно излагал суть дела. Лесли выслушала, не перебивая, и поспешила к Мэтту Бейкеру:

— Нам нужно поговорить, Мэтт. Что, если бы я доказала причастность президента к убийству Хлои Хьюстон?

— Посчитал бы, что у вас начинается паранойя и едет крыша.

— Только что звонил Фрэнк Лонерган. Он беседовал с губернатором Хьюстон, которая не верит, что Пол Йерби убил ее дочь. Кроме того, он звонил родителям мальчика. Они тоже считают, что это невозможно.

— А чего вы ожидали? Что они назовут сына убийцей?

— Это только начало. Фрэнк отправился в морг и потолковал с коронером. Она заявила, будто ремень мальчика так впился в шею, что пришлось его разрезать.

— И... — заинтересовался наконец Мэтт.

— Фрэнк по просьбе родителей забирал вещи Пола из полицейского управления. Ремень был на месте. Совершенно целый.

Мэтт с трудом перевел дыхание:

— Хотите сказать, что все это инсценировка и парня убили в тюрьме?

— Пока я ничего не утверждаю. Просто излагаю факты. Оливер Рассел один раз пытался использовать «экстази», это я точно знаю. Во время избирательной кампании на пост губернатора какую-то женщину — секретаря суда — обнару-

жили мертвой в реке. Она погибла от сверхдозы «экстази». В бытность Рассела губернатором его секретаршу нашли в парке без сознания. Диагноз тот же самый. «Экстази». Девушка умерла, так и не выходя из комы. Лонерган узнал, что ранее Оливер звонил в госпиталь и предлагал им отключить ее от системы жизнеобеспечения.

Лесли взволнованно подалась вперед:

— Кто-то звонил из люкса отеля в Белый дом в ту ночь, когда Хлоя была убита. Фрэнк проверил книгу регистрации звонков. Страница за пятнадцатое число была вырвана. Секретарь президента, ведающая записью на прием, сказала Лонергану, что в тот вечер Рассел совещался с генералом Уитменом. Но тот все отрицает. Кроме того, Джеки Хьюстон утверждает, что Хлоя была на экскурсии в Белом доме и она лично договорилась о встрече дочери с президентом.

Мэтт долго молчал, прежде чем спросить:

— А где Лонерган сейчас?

— Пытается разыскать Карла Гормана, портье, который сдал суперлюкс пятнадцатого октября.

— Простите, — вежливо ответил Джереми Робинсон, — мы не разглашаем сведения о наших служащих.

— Но я всего-навсего просил его домашний адрес, чтобы... — настаивал Фрэнк.

— Вам это ничего не даст. Мистер Горман взял отпуск.

— Жаль, — вздохнул Лонерган. — Я надеялся с его помощью заполнить несколько пробелов.

— Пробелов?

— Совершенно верно. Мы собираемся дать целый подвал об убийстве дочери губернатора Хьюстон в вашем отеле. Придется обойтись без Гормана. — Он вынул блокнот и ручку: — Как давно существует этот отель? Я хочу знать все о его владельце, постояльцах и...

— Погодите! — нахмурился Робинсон. — Что вы там затеяли? Эта девушка... она ведь могла погибнуть где угодно.

— Понимаю, — сочувственно отозвался Лонерган, — но все произошло именно здесь! Ваш отель станет таким же знаменитым, как «Уотергейт»!

— Мистер...

— Лонерган. Фрэнк Лонерган.

— Мистер Лонерган, я был бы крайне благодарен, если бы вы... то есть я хочу сказать... такого рода известность весьма сомнительна. Нельзя ли как-нибудь...

Лонерган на секунду задумался:

— Что же, если бы удалось поговорить с мистером Горманом, я смог бы подать все под другим углом.

— Вот именно, мистер Лонерган, вот именно. Я готов сделать все... сейчас разыщу его адрес.

Фрэнку становилось все больше не по себе. По мере того как накапливались факты, становилось

все яснее, что в этом деле существует заговор молчания, а убийцу покрывают, причем на самом высоком уровне. Ему самому грозит смертельная опасность. И перед тем как отправиться по указанному адресу, репортер решил заглянуть домой. Рита, жена Фрэнка, миленькая рыжеволосая женщина с блестящими зелеными глазами и очень светлой кожей, как раз готовила ужин. Заслышав шаги мужа, она удивленно обернулась:

— Фрэнк? Что ты делаешь дома в такое время?

— Соскучился по тебе, вот и забежал по дороге.

— Нет, — покачала головой Рита, взглядевшись в лицо мужа. — Что-то случилось. Лучше признавайся.

Лонерган неловко переступил с ноги на ногу.

— Ты давно виделась с матерью, крошка?

— На прошлой неделе. А что?

— Почему бы тебе немного не погостить у нее?

— У тебя неприятности?

— Неприятности? — ухмыльнулся Фрэнк. — Наоборот! Протри-ка получше каминную полку! Скоро здесь встанут Пулитцеровская премия и премия Пибоди.

— О чем ты?

— Да так... подвернулось кое-что. Когда репортаж будет напечатан, многие головы полетят... я имею в виду там, наверху. Такого мне еще не приходилось раскапывать!

— А при чем тут моя мать?

— Видишь ли, есть люди, которым не хочется, чтобы та история вышла на свет Божий. Так что

есть крайне, повторяю, крайне малая возможность, что дело примет неприятный оборот. Мне было бы спокойнее, если ты уедешь на несколько дней, пока все не кончится.

— Но если ты в опасности...

— Вовсе нет! С чего ты взяла!

— Уверен, что с тобой будет все в порядке?

— Абсолютно. Собери сумку, и я сегодня тебе позвоню.

— Ну ладно, — неохотно согласилась Рита.

Лонерган поглядел на часы:

— Я сам отвезу тебя на вокзал.

Час спустя он уже стоял перед скромным кирпичным домом в районе Уитона. На звонок никто не ответил. Он снова нажал кнопку и терпеливо выждал. Дверь внезапно распахнулась, и на пороге возникла грузная пожилая женщина, глядя с подозрением на незваного гостя.

— Что вам?

— Я из налогового управления, — солгал Фрэнк, привычно взмахнув каким-то подозрительным удостоверением. — Мне нужен Карл Горман.

— Моего брата нет дома.

— Знаете, где он?

— Нет, — выпалила женщина. Слишком поспешно.

— Жаль, — кивнул Лонерган. — Так или иначе, вам придется собрать его вещи. Я велю транспортной службе подогнать фургоны.

Он повернулся и направился к своей машине.

— Погодите! Какие фургоны? О чем вы?

Фрэнк снова шагнул к дому:

— Разве брат не сказал вам?

— О чем?!

— У него неприятности.

— Какие неприятности? — встревоженно прокудахтала женщина.

— Боюсь, я не имею права говорить об этом, — покачал головой Фрэнк. — Да... а вроде бы неплохой парень.

— Карл прекрасный человек! — убежденно заверила она.

— Мне тоже так показалось во время допроса

— Что еще за допрос?! — панически вскрикнула женщина.

— Уклонение от уплаты налогов. Утаил часть доходов. Плохо дело. Я собирался объяснить ему, как выпутаться с наименьшими потерями, но раз так...

Он снова шагнул к машине.

— Погодите! Он... он в летнем домике... рыбачьем. Велел... велел никому не говорить...

— Мне все равно, — пожал плечами Фрэнк.

— Но вы хотели помочь! Домик «Саншайн» на самом берегу озера, в Ричмонде, штат Виргиния.

— Хорошо. Постараюсь его разыскать.

— Умоляю, сделайте что-нибудь! Вы уверены, что все будет в порядке?

— Разумеется. Постараюсь помочь, чем сумею.

Лонерган направился на юг по шоссе И-95. Ричмонд всего в сотне миль отсюда. В детстве он часто удил рыбу в том озере.

В воздухе висела серая морось, но Карл Горман не унывал. Именно в такую погоду лучше всего клюет. Он ловил с лодки окуней на гольяна и всей душой отдавался своему занятию. Волны мягко ударялись о борт суденышка, и рыба почему-то не спешила заглотить наживку. Но какая разница! Карлу тоже некуда торопиться. Он был вне себя от счастья. Скоро ему привалит настоящее богатство! Он и во сне не мечтал о таком! Да, везение — штука капризная. Главное очутиться в нужном месте в нужное время! Он как раз вернулся в отель за оставленной курткой и уже собирался выйти из гаража, когда дверь того лифта открылась. Увидев, кто вышел оттуда, Карл оцепенел, боясь пошевелинуться. Человек вернулся, вытер кнопки и уехал.

Только прочитав в газетах об убийстве, Карл сообразил, что к чему. И как ни странно, пожалел преступника. Горман действительно был его искренним поклонником.

Беда в том, что, если становишься знаменитым, нигде не можешь скрыться. Куда бы ты ни пошел, кто-то тебя непременно узнает. Но он заплатит Карлу за молчание. У него просто нет

выхода. Для начала сто тысяч. А потом Карл вытянет из него все. До последнего цента. Купит замок во Франции или шале в Швейцарии.

Поплавок ушел под воду, и в этот момент слышался шум мотора большого катера.

Властям не следовало бы разрешать им носиться по озеру! Они распугают всю рыбу!

Катер мчался прямо на него.

— Эй, вы, там! Сворачивайте! — завопил Карл. Но его словно не слышали.

— Осторожнее, болваны! Смотрите, куда прете! Ради Бога...

Катер врезался в лодку, располовинив ее. Горман ушел под воду.

— Чертова пьяная сволочь!

Карл задыхался, пытаясь грести к берегу. Наконец ему удалось высунуть голову. Катер сделал круг и снова понесся к нему. Последнее, что почувствовал Горман перед тем, как раскололся его череп, был рывок большой рыбы, дергавшей леску.

Прибывший полчаса спустя Фрэнк увидел бригаду полицейских, машины пожарных и «скорой помощи». Санитары как раз подкатили носилки с трупом, прикрытым простыней.

— Что случилось? — спросил Лонерган у одного из зевак.

— Какой-то бедняга попал под винт катера. От него одни опметки остались.

И Лонерган понял, что снова опоздал.

Поздно ночью он сидел дома за компьютером, допечатывая статью, которой суждено будет стать причиной падения самого президента Соединенных Штатов. Настоящая бомба! Автору наверняка обеспечена Пулитцеровская премия, а вместе с ней слава и известность! Это будет репортаж века!

В дверь позвонили. Фрэнк неохотно поднялся:

— Кто там?

— Письмо от Лесли Стюарт.

Ага! Значит, и она не дремлет! Наверняка раздобыла новые сведения!

Фрэнк снял цепочку и распахнул дверь. Перед глазами блеснул металл, и грудь разорвала невыносимая боль.

И все погасло.

ГЛАВА

20

Гостиная Фрэнка Лонергана выглядела так, словно по ней пронесся ураган. Все ящики и шкафы были выдвинуты, их содержимое разбросано по полу.

Ник Риз дождался, пока тело репортера вынесут, и спросил детектива Стива Брауна:

— Орудие убийства найдено?

— Нет.

— С соседями говорили?

— Да. Но сами знаете, многоквартирный дом — это настоящий обезьянник. Ничего не вижу, ничего не слышу, никому ничего не скажу. Тупик. Миссис Лонерган едет домой. Она услышала новости по радио. За последние полгода в округе произошло несколько ограблений и...

— Не уверен, что это обыкновенное ограбление.

— О чем вы?

— Вчера Лонерган приезжал в полицейское управление за вещами Пола Йерби. Мне бы хоте-

лось узнать, над чем он работал. В ящиках не нашлось бумаг?

— Никаких.

— А заметок?

— Ничего.

— Значит, он либо был очень осторожен, либо кто-то взял на себя труд все унести.

Риз подошел к рабочему столу, с которого свисал толстый кабель.

— Что это?

— Это кабель питания от компьютера, — пояснил Браун. — Возможно, где-то сохранились архивные дискеты.

— Точно! Компьютер унесли, но вдруг Лонерган был человеком запасливым. Давай пороемся.

Они обнаружили то, что искали, в «дипломате», валявшемся в машине Лонергана. Риз вручил дискету Брауну.

— Немедленно поезжайте в управление. Вероятно, придется поискать пароль, чтобы добраться до содержания. Пусть Крис Колби посмотрит. Он в таких делах эксперт.

В квартиру ворвалась бледная и растрепанная Рита Лонерган и, увидев незнакомых мужчин, замерла от неожиданности.

— Миссис Лонерган?

— Кто вы...

— Детектив Ник Риз, отдел по расследованию убийств. Это детектив Браун.

Рита растерянно огляделась:

— А где...

— Тело вашего мужа увезли. Мне ужасно жаль. Понимаю, сейчас не время, но я хотел бы задать вам несколько вопросов.

Женщина с неподдельным страхом уставилась на него. Такого Риз не ожидал. Чего она боится?

— Ваш муж вел журналистское расследование, не так ли?

В мозгу Риты, словно заезженная пластинка, снова и снова звучали слова мужа:

Когда репортаж будет напечатан, многие головы полетят... Там, наверху. Такого мне еще не приходилось раскапывать!

— Миссис Лонерган.

— Я... я ничего не знаю.

— Не знаете, какое задание он выполнял?

— Нет. Фрэнк никогда не обсуждал со мной свою работу.

Она явно лжет.

— И никого не подозреваете в убийстве?

Женщина растерянно показала на раскиданные вещи:

— Должно быть, грабители.

Детективы переглянулись.

— Если не возражаете... я хотела бы остаться одна. Это страшный удар для меня.

— Разумеется. Чем мы можем помочь?

— Ничем. Только уходите поскорее.

— Но мы вернемся, — пообещал Риз.

Приехав в полицейское управление, Риз первым делом позвонил Мэтту Бейкеру.

— Я расследую убийство Фрэнка Лонергана. Не согласитесь объяснить, над чем он работал?

— Охотно. Фрэнк готовил репортаж об убийстве Хлои Хьюстон.

— Понятно. Он уже успел сдать материал?

— Нет. Мы ждали его, когда... — Мэтт осекся.

— Простите. Благодарю, мистер Бейкер.

— Дадите знать, если получите новые сведения?

— Вы будете первым, — заверил Риз.

На следующее утро Дейна Эванс появилась в кабинете Тома Хокинса.

— Я попробую сделать репортаж о гибели Фрэнка. И хотела бы увидеться с его вдовой.

— Неплохая мысль. Сейчас дам тебе съемочную группу.

Днем Дейна с операторами приехали к дому Фрэнка. Они поднялись наверх, и девушка с тяжелым сердцем нажала на кнопку звонка. Само по себе достаточно мерзко показывать на экране жертвы ужасных преступлений, но куда хуже допрашивать убитых горем родных.

Дверь открыла Рита Лонерган:

— Что вам угодно?

— Простите, что беспокоим вас, миссис Лонерган. Я Дейна Эванс, «Вашингтон трибюн». Мы бы хотели узнать ваше отношение...

Рита на мгновение оцепенела, но тут же дико вскрикнула:

— Убийцы! Подлые твари!

Повернувшись, она метнулась в глубь квартиры. Ошеломленная Дейна, попросив операторов подождать, пошла следом и обнаружила Риту в ванной:

— Миссис Лонерган...

— Убирайтесь! Это вы убили моего мужа!

— О чем вы? — смущенно пробормотала Дейна.

— Ваши люди дали ему настолько опасное задание, что он заставил меня уехать из города, потому что... боялся за мою жизнь.

— Не понимаю! Над чем он работал?

— Фрэнк не хотел говорить, — выдохнула женщина, борясь с подступающей истерикой. — Он считал... считал, лучше мне не знать. Какая-то сенсация. Рассуждал о Пулитцеровской премии и... — Она зарыдала.

Дейна подошла к ней и обняла за плечи.

— Какой ужас! Он ничего больше не упоминал?

— Нет. Сказал, что должен уехать, и отвез меня на вокзал. Собирался... собирался найти какого-то портье.

— Где служит этот портье?

— В «Монро Армз».

— Не пойму, что вам тут нужно, мисс Эванс, — протестовал Джереми Робинсон. — Лонерган обе-

щал, что, если я соглашусь сотрудничать, ваша газета не станет чернить отель.

— Мистер Робинсон, Фрэнк мертв. Мне нужна кое-какая информация.

— Но я ничего не знаю.

— О чем вы беседовали с мистером Лонерганом?

Джереми вздохнул:

— Он пришел, чтобы узнать адрес портъё отеля Карла Гормана. Я согласился.

— Мистер Лонерган поехал домой к Горману?

— Откуда мне знать?

— В таком случае назовите мне этот адрес.

Джереми беспомощно возвел глаза к небу и снова вздохнул:

— Ладно, так и быть. Горман живет с сестрой.

Несколько минут спустя Дейна, сунув в карман клочок бумаги, направилась к выходу. Поглядев девушке вслед, Робинсон поспешно набрал номер Белого дома. Непонятно, почему они так взялись за это дело.

Крис Колби, компьютерный гений полицейского управления и талантливый хакер, торжественно прошествовал в кабинет детектива Риза. В вытянутой руке он нес дискету и несколько листочков.

— Что-нибудь нашел? — обрадовался Риз.

— Слушай, это конец света. Боюсь, с сегодняшнего дня нам будет не до смеха. Вот распечатка того, что оказалось на дискете.

Ник начал было читать, но тут же вскочил, как ужаленный.

— Матерь Божья! — охнул он. — Я немедленно иду к капитану Миллеру.

Дочитав распечатку до конца, Миллер с ужасом воззрился на детектива Риза:

— Я... в жизни ничего подобного не видел!

— Не вы один, — пожал плечами Риз. — И что, черт возьми, нам делать со всем этим?!

— Думаю, — протянул капитан, — нужно немедленно отправить это генеральному прокурору.

В кабинете генерального прокурора Барбары Гатлин собрались глава ФБР Скотт Брендон, шеф полиции Вашингтона Дин Бергстром, директор ЦРУ Джеймс Фриш и председатель Верховного суда Эдгар Грейвз.

— Я пригласила вас сюда, джентльмены, — начала Барбара Гатлин, — потому что крайне нуждаюсь в вашем совете. Откровенно говоря, не знаю, что предпринять. С такой ситуацией мне еще не приходилось сталкиваться. Фрэнк Лонерган служил репортером в «Вашингтон трибюн». Он вел журналистское расследование гибели Хлои Хьюстон и был убит на своей квартире. Сейчас я прочитаю вам репортаж, найденный полицейскими в машине Лонергана. Это распечатка с дискеты.

Она поднесла к глазам тощую стопку бумажных листков и начала читать вслух:

— «У меня есть все основания утверждать, что президент Соединенных Штатов совершил по меньшей мере одно убийство и замешан еще в четырех...

— Что?! — вскрикнул Скотт Брендон.

— Позвольте мне продолжить, — вежливо, но твердо попросила Барбара: — «Эта информация получена из различных источников. Лесли Стюарт, владелица и издатель «Вашингтон трибюн», готова дать показания в суде, что Оливер Рассел убеждал ее принять наркотик, известный под названием жидкий «экстази».

Когда мистер Рассел добивался поста губернатора Кентукки, Лайза Бернетт, секретарь суда, работавшая в здании законодательного собрания штата, угрожала подать на него в суд за сексуальные домогательства. Рассел сказал одному из коллег, что собирается уладить дело миром. На следующий день тело Лайзы Бернетт было найдено в реке Кентукки. Девушка погибла от сверхдозы жидкого «экстази».

Преступника так и не нашли, и мистер Рассел стал губернатором. Как-то глубокой ночью полиция обнаружила его секретаря Мириам Фридлинд на скамье в парке. Выяснилось, что девушка впала в кому, вызванную жидким «экстази». Доктора ждали, пока девушка очнется, чтобы допросить ее. Оливер Рассел позвонил в госпиталь и предложил отключить ее от системы жизнеобес-

печения. Мириам Фридленд скончалась, не приходя в сознание.

Хлоя Хьюстон тоже погибла от сверхдозы жидкого «экстази». Насколько мне удалось узнать, в ночь убийства кто-то звонил из номера в Белый дом. При проверке книги регистрации звонков выяснилось, что страница за это число вырвана. Мне объяснили, что в ту ночь президент совещался с генералом Уитменом, но последний настаивает на том, что встреча была отменена. Никто не знает, где находился президент в это время.

Полиция задержала по подозрению в убийстве Пола Йерби, приятеля покойной. Капитан Отто Миллер известил об этом Белый дом. На следующее утро Йерби нашли мертвым в камере. Коронер рассказала, что подросток повесился на собственном ремне, который пришлось разрезать. Но когда я забирал его вещи из полицейского участка, выяснилось, что ремень совершенно цел.

Наконец, через друга, агента ФБР, я узнал, что президент получил письмо от некоего шантажиста. Мистер Рассел попросил ФБР проверить отпечатки пальцев на письме. Большая часть послания была стерта, но эксперты ФБР с помощью инфраскопа смогли его прочесть.

Как оказалось, отпечатки на бумаге принадлежали Карлу Горману, портье отеля «Монро Армз», вероятно, единственному человеку, кто мог опознать лицо, снявшее номер, где была убита девушка.

ка. Горман прятался в Ричмонде, в летнем домике, но это ему не помогло. Когда я приехал на озеро, Горман был уже мертв, как утверждалось, в результате несчастного случая.

Во всех этих преступлениях отчетливо просматривается определенная связь, исключаящая простое совпадение. Я собираюсь вести расследование и дальше, но, откровенно говоря, боюсь за свою жизнь. Поэтому и записал все, что удалось узнать, на случай, если со мной что-то случится. Подробности изложу в репортаже.

— Господи Боже! — охнул Джеймс Фриш. — Это... это просто невероятно!

— Не могу поверить!

— Зато Лонерган был уверен, что он на правильном пути, — возразила генеральный прокурор, — и вероятнее всего, именно поэтому его и убили. Чтобы остановить.

— Но что нам теперь делать? — развел руками судья Грейвз. — Не можете же вы запросто явиться к президенту и спросить, не он ли убил всех этих людей?

— Хороший вопрос! Что с ним делать? Подвергнуть импичменту? Арестовать? Бросить в тюрьму?

— Прежде чем действовать, — предложила Гатлин, — предлагаю передать рукопись президенту и дать ему возможность оправдаться.

Остальные дружно согласились.

— Ну а пока я выпишу ордер на его арест. На всякий случай.

Один из присутствующих улучил минутку, чтобы немедленно связаться с Питером Тейгером.

Питер положил трубку и долго не двигался с места, пытаясь сообразить, как лучше выпутаться из создавшегося положения. Наконец он встал и направился в кабинет Деборы Каннер.

— Мне нужно видеть президента.

— У него совещание. Если вы подо...

— Немедленно, Дебора.

Только сейчас разглядев его лицо, женщина ошеломленно пролепетала:

— Да-да, конечно. Простите, что врываюсь, мистер президент, но мистер Тейгер говорит, что ему необходимо срочно переговорить с вами. Спасибо.

— Через пять минут, — сообщила она Тейгеру, кладя трубку.

Ровно пять минут спустя Питер остался наедине с президентом Расселом.

— Что опять стряслось, Питер?

— Видите ли... генеральный прокурор и шеф ФБР считают, что вы замешаны в шести убийствах.

— Питер, у меня нет времени для шуток, — рассеянно улыбнулся Оливер.

— Какие тут шутки? Они думают, что именно вы убили Хлоу Хьюстон и...

— Что?! — побледнел Оливер.

— Понимаю, это безумие. Насколько мне известно, прямых улик у них нет. Вы, конечно, вместе легко доказать, что в ночь убийства девушки были в другом месте.

Оливер молчал. Питер выжидающе уставился на президента:

— Оливер, вы ведь можете все объяснить, верно?

Рассел судорожно сглотнул:

— Нет, не могу.

— Но как же...

— Питер, — с трудом выговорил Оливер, — мне нужно побыть одному.

Тейгер немедленно бросился к сенатору Дэвису:

— Что на этот раз, Питер?

— Это... это насчет президента.

— Ну?

— Генеральный прокурор и шеф ФБР обвиняют его в убийствах.

Дэвис устало потер лоб:

— О чем ты толкуешь, черт возьми?

— Они убеждены, что Оливер совершил несколько убийств. Я все узнал от осведомителя из ФБР.

И Питер, уже спокойнее, стал подробно рассказывать об уликах, собранных покойным Лонерганом.

— Безмозглый сукин сын, — процедил сенатор, едва тот замолчал. — Мудак чертов! Понимаешь, что это значит?

— Конечно, сэр. Оливер...

— Хрен с ним, с Оливером! Я годы потратил на то, чтобы сделать из него президента! Если у него хватило ума вляпаться в это дерьмо, черт с ним! Но теперь, теперь, когда я получил власть, не позволю никому ее отнять!

— Не понимаю, что тут можно...

— Ты сказал, улики косвенные?

— Верно. Никаких прямых доказательств. Но у него нет алиби.

— Где президент?

— В Овальном кабинете.

— У меня для него хорошие новости, — бросил Дэвис, поднимаясь.

Не обращая внимания на секретаря, он подошел к кабинету и рванул дверь:

— Я услышал весьма неприятные вещи, Оливер. Это, конечно, чистый бред. Не понимаю, кому могло прийти в голову, что ты...

— Я так же потрясен, как и вы, Тодд. Поверьте, мне не в чем оправдываться.

— Верить-то верю. Но если в прессу просочится всего лишь словечко о том, что тебя заподозри-

ли в такой мерзости... сам понимаешь, что тогда случится.

— Разумеется, но...

— Ты слишком на виду, чтобы на тебя могла пасть хотя бы тень подозрения. Неужели хочешь, чтобы тебя с позором изгнали отсюда?! Случившееся с Никсоном — ничто по сравнению с тем, как расправятся с тобой!

— Тодд, я ни в чем не виноват.

— А они думают иначе. Мне сказали, что у тебя нет алиби на ночь убийства Хлои Хьюстон?

Оливер едва заметно поколебался:

— Нет.

— Что случилось с твоей памятью, сынок? — улыбнулся Дэвис. — Мы провели вечер вместе. Поужинали, поболтали...

— Что? — смущенно пробормотал Оливер.

— Ты верно расслышал. Я — твое алиби! Никто не усомнится в моем слове. Никто. Я спасу тебя, Оливер.

— И что хотите взамен, Тодд? — тяжело вздохнул Рассел.

— Начнем с мирной конференции по Ближнему Востоку. Ты немедленно отменишь ее. А потом потолкуем. У меня широкие планы, и я не позволю тебе или кому-нибудь другому их испортить.

— Мирная конференция состоится, — упрямо возразил Оливер.

Глаза сенатора хищно сузились.

— Я не ослышался?

— Переговоры начнутся в срок. Видите ли, Тодд, важно не то, как долго президент пробудет на своем посту, а сколько сумеет сделать за это время.

Лицо сенатора медленно наливалось краской.

— Ты осознаешь, что делаешь?

— Да.

— А по-моему, нет! Очнись же! Тебя собираются обвинить в убийстве! Где собираешься проводить свою чертову конференцию — в тюрьме? Ты только сейчас собственными руками сломал себе жизнь, кретин...

Из переговорного устройства послышался голос секретаря:

— Мистер президент, к вам целая делегация. Генеральный прокурор Гатлин, мистер Брендон из ФБР, судья Грейвз и...

— Попросите войти.

— Похоже, мне стоило бы ограничиться лошадами и не лезть в политику! — разъяренно прошипел сенатор. — Я здорово ошибся в тебе, Оливер. Но переживу как-нибудь, а вот тебе, сукин сын, конец! И запомни — если не они, я сам тебя уничтожу!

В комнату вошли Барбара Гатлин, Брендон, судья Грейвз и Бергстром.

— Сенатор Дэвис! — поздоровался судья.

Тот коротко кивнул и вышел. Гатлин плотно прикрыла за ним дверь и шагнула к столу.

— Мистер президент, все это крайне неприятно, но надеюсь, вы поймете. Нам придется задать вам несколько вопросов.

— Мне уже доложили, почему вы здесь, — невозмутимо заметил Оливер. — И естественно, я не имею никакого отношения к этим преступлениям.

— Счастливы слышать это, мистер президент, — вмешался Скотт Брендон, — и заверяю, что никто из нас не считает вас убийцей. Но обвинения были выдвинуты, и у нас нет иного выбора, кроме как заняться расследованием.

— Понимаю.

— Мистер президент, вы когда-либо принимали наркотик «экстази»?

— Нет.

Собравшиеся переглянулись.

— Мистер президент, не могли бы вы сказать, где были пятнадцатого октября в ночь смерти Хлои Хьюстон?

Молчание.

— Мистер президент?

— Извините, не могу.

— Но вы, конечно, помните, где находились и что делали?

Тишина.

— Мистер президент!

— Я... я должен подумать. И просил бы вас вернуться позже.

— Когда именно? — настаивал Бергстром.

— В восемь.

Дождавшись, пока они уйдут, Оливер поднялся и, едва передвигая ноги, побрел в маленькую гостиную, где за письменным столом работала

Джан. Она подняла голову и вопросительно взглянула на мужа. Тот, сделав над собой усилие, выдавил:

— Джан... пожалуйста, выслушай меня. Я должен признаться кое в чем...

Сенатор в ярости метался по комнате.

Как он мог свалить такого дурака? Поставить не на того, кого следовало бы? Теперь этот дебил пытается уничтожить дело всей его жизни! Но ничего, он покажет зятю, что случается с теми, кто пробует перейти ему дорогу! Но кто мог подумать, что этот подкаблучник вдруг словно взбесится!

Наконец сенатор, немного успокоившись, уселся и набрал номер:

— Мисс Стюарт, вы просили позвонить, когда у меня найдется, что предложить вам.

— Да, сенатор?

— Позвольте сначала объяснить, что мне нужно. Полную поддержку «Трибюн» — участие в кампании, фирмам новому кандидату, хвалебные статьи — словом, полный набор.

— А что получу я в обмен на это?

— Президента Соединенных Штатов. Генеральный прокурор только что выписала ордер на его арест по обвинению в серийных убийствах.

Женщина тяжело перевела дыхание:

— Выкладывайте.

Лесли Стюарт тараторила так быстро, что Мэтт не успевал разбирать слова.

— Ради Бога, успокойтесь же. Что вы пытаетесь объяснить?

— Президент! Мы загнали его в угол, Мэтт! Я только что говорила с сенатором Дэвисом. Председатель Верховного суда, шеф полиции, директор ФБР и генеральный прокурор сейчас находятся в Овальном кабинете с ордером на арест Рассела! Против него гора улик, Мэтт, и алиби отсутствует! Черт возьми, это сенсация века!

— Мы не имеем права это печатать.

— О чем вы? — удивилась Лесли.

— Лесли, дело слишком серьезное, чтобы... я считаю, подобные вещи нужно проверять и перепроверять...

— И снова проверять, пока материал не появится в «Вашингтон пост»! Нет уж, спасибо. На этот раз я не собираюсь оставаться в дурочках!

— Но нельзя обвинять самого президента без...

— Я и не собираюсь, Мэтт, — улыбнулась Лесли. — Достаточно самого факта существования ордера. Этого хватит, чтобы размазать его по стенке.

— Сенатор Дэвис...

— Сдал собственного зятя. И уверен в его виновности. Сам мне сказал.

— Но это еще не все. Сначала необходимо убедиться...

— Может, предложите отправиться к самому Расселу и потребовать его исповеди? Вы, кажется, рехнулись! Нужно немедленно отправить сообщение в печать, или будет поздно.

— Я не позволю вам решиться на такое без подтверждения...

— Не смейте говорить со мной в подобном тоне! Сколько раз повторять, это моя газета и мои решения!

Мэтт Бейкер поднялся:

— Вы сотворите чудовищную глупость! Я не позволю никому из своих людей писать это.

— И не нужно. Я сама напишу.

— Лесли, если вы отважитесь на такое, я увольняюсь. И на этот раз меня ничем не остановишь.

— Ошибаетесь, Мэтт. Мы еще разделим Пулитцеровскую премию.

И, глядя в спину уходившему Мэтту, Лесли уверенно пробормотала:

— Ты еще вернешься.

Нажав кнопку переговорного устройства, Лесли попросила секретаря вызвать Золтера.

— Я хочу узнать свой гороскоп на следующие сутки.

— Рад услужить вам, мисс Стюарт.

Золтер вынул из кармана маленький эфемерис, сборник астрологических таблиц, и начал сосредоточенно сверяться с ними. Внезапно он поднял голову и удивленно посмотрел на Лесли:

— Что там?

— Я... кажется, вот-вот должно случиться невероятное происшествие. Вот взгляните. — Он показал ей таблицы. — Видите, Марс перемещается в сферу Плутона на три дня, что дает возможность...

— Переходите к делу, — нетерпеливо оборвала Лесли.

— К делу... — недоуменно замигал Золтер. — Ах да! В ближайшее время должно произойти нечто грандиозное, и вы окажетесь в центре событий. Приобретете куда большую известность, чем сейчас, мисс Стюарт. Весь мир узнает ваше имя.

У Лесли от восторга закружилась голова. Она была на седьмом небе! Подумать только, неужели это правда? Она уже представляла огромный зал, полный народа. И ведущий объявляет имя награжденного в номинации «Самый сенсационный репортаж года»:

— Пулицеровская премия присуждается мисс Лесли Стюарт.

Оглушительная овация. Все встают, и под приветственные крики Лесли произносит речь...

— Мисс Стюарт...

Лесли очнулась и увидела смущенное лицо Золтера.

— Вам угодно еще что-то?

— Нет. Спасибо, Золтер. Вы свободны.

К семи вечера все было готово. Лесли любовалась броским заголовком:

ПРЕЗИДЕНТУ РАССЕЛУ ПРЕДЪЯВЛЕН
ОРДЕР НА АРЕСТ.
ПРЕДСТОИТ ДОПРОС ПРЕЗИДЕНТА
ПО ОБВИНЕНИЮ В ШЕСТИ УБИЙСТВАХ!

Лесли просмотрела репортаж и обернулась к Лайлу Баннистеру, заместителю главного редактора:

— Немедленно в набор. Напечатаете приложение, и чтобы через час оно уже продавалось на всех перекрестках. Одновременно покажем материал по телевидению.

— Вам не кажется, что Бейкеру стоило бы просмотреть это? — нерешительно пробормотал Лайл.

— Газета принадлежит не ему, а мне. В набор. Немедленно.

— Да, мэм.

Он неохотно потянулся к телефону и набрал номер:

— Мы даем материал в печать.

В половине восьмого Барбара Гатлин вместе с остальными готовилась к возвращению в Белый дом.

— Дай-то Бог, — устало выговорила Барбара, — чтобы все обошлось, но, джентльмены, знайте, что я на всякий случай выписала ордер на арест президента.

Полчаса спустя секретарь Оливера объявила:

— К вам посетители, мистер президент.

— Просите.

Бледный Оливер молча наблюдал, как представители закона гуськом входят в Овальный кабинет. Рядом с ним стояла Джан, крепко сжимая руку мужа.

— Вы готовы отвечать на вопросы, мистер президент? — осведомилась Барбара Гатлин.

— Готов.

— Мистер президент, должна ли была Хлоя Хьюстон встретиться с вами пятнадцатого октября?

— Совершенно верно.

— И вы видели ее?

— Нет, пришлось отменить прием.

Звонок раздался как раз около трех:

Дорогой, это я. Тоскую без тебя. Я в Мэриленде в нашем гнездышке. Сажу у бассейна, совсем голенькая...

Придется что-то срочно предпринимать.

Когда сможешь улизнуть?

Жди меня через час.

Собравшись с силами, Оливер твердо произнес:

— Прошу внимательно меня выслушать. Если то, что я сейчас скажу, станет достоянием общест-венности, не только моему авторитету, но и нашим отношениям с другими странами будет нанесен непоправимый вред. Поэтому прошу вас

хранить молчание. Поверьте, я с трудом решился на это, но вы не оставили мне выбора.

И под пораженными взглядами собравшихся он подошел к противоположной стене и открыл неприметную дверь. В кабинет шагнула Сильва Пиконе.

— Это Сильва Пиконе, жена итальянского посла. Пятнадцатого октября мы были вместе в ее загородном домике в Мэриленде, где провели почти десять часов, с четырех дня до двух ночи. Мне абсолютно ничего не известно ни о гибели Хлои Хьюстон, ни об остальных убийствах.

ГЛАВА

21

— Том! — с порога закричала Дейна, — я разнюхала кое-что интересное! В день смерти Лонерган ездил к Карлу Горману, портье «Монро Армз», но опоздал. Горман погиб — якобы несчастный случай. Какой-то катер налетел на его лодку. Горман жил с сестрой. Если можешь, пошли к ней съемочную бригаду, чтобы заснять интервью для десятичасового выпуска новостей.

— Ты не веришь, что это был несчастный случай?

— Нет. Слишком много совпадений.

Том Хокинс на мгновение задумался:

— О'кей! Согласен.

— Спасибо. Вот адрес. Встретимся прямо там. Я сперва поеду переоденусь.

Дейна вошла в квартиру и сразу почувствовала: что-то неладно. Интуиция, безошибочный ин-

стинкт, приобретенный еще в Сараево, предупредил об опасности. Здесь кто-то побывал.

Девушка медленно обошла квартиру, настороженно приоткрывая шкафы. Все на месте. Кажется, у нее разыгралось воображение. Но девушка почему-то отчетливо понимала, что зря себя успокаивает.

Подъезжая к дому сестры Карла Гормана, она уже издали увидела передвижную станцию видеожурналистики — огромный фургон с большой антенной на крыше, битком набитый сложным электронным оборудованием. Девушку поджидали звукооператор Эндрю Райт и телеоператор Вернон Миллз.

— Где берем интервью? — поинтересовался Миллз.

— Постараюсь, чтобы меня пустили в дом. Позову, когда все будет готово.

— Замetano.

Дейна поднялась на крыльцо и постучала. Марианна Горман, не снимая цепочки, приоткрыла дверь.

— Кто это?

— Я...

— О, я вас знаю! Видела по телевизору!

— Верно. Не могли бы мы немного поговорить?

Марианна долго раздумывала, прежде чем решиться.

— Так и быть. Входите.

Она проводила Дейну в гостиную и предложила сесть.

— Это насчет моего брата? Его убили. Я точно знаю.

— Кто убил?

Женщина отвела глаза:

— Не знаю.

— Здесь был Фрэнк Лонерган?

— Он обманул меня, — прошипела Марианна. — Я проговорила, где прячется брат, и... — Она шмыгнула носом. — И вот Карла больше нет.

— О чем Лонерган хотел поговорить с вашим братом?

— Он сказал, что служит в налоговой полиции.

Дейна сочувственно покачала головой:

— Не возражаете, если я возьму у вас небольшое телеинтервью? Скажете несколько слов о гибели брата и что вы думаете о преступности в этом городе.

— Наверное, в этом ничего плохого нет, — кивнула Марианна.

— Спасибо.

Дейна вышла на улицу и махнула Вернону Миллзу. Тот подхватил камеру и вместе с Эндрю устремился к дому.

— Мне раньше никогда не приходилось давать интервью, — пробормотала Марианна.

— Ничего особенного. Главное, не волнуйтесь. Это займет всего несколько минут. Вернон, будем снимать прямо здесь, в гостиной. Поставь камеру в углу.

Вернон установил камеру, подошел к женщинам и прикрепил к платью каждой по крошечному микрофону.

— Включите, когда будете готовы.

— Нет! Погодите! — неожиданно вскрикнула Марианна Горман. — Я... я не могу сделать это.

— Но почему? — удивилась Дейна.

— Это... это опасно. Мне бы хотелось поговорить с вами один на один.

— Конечно. Мальчики, подождите немного. Я позову вас.

— Мы будем в фургоне, — кивнул Вернон.

Дейна подошла ближе к женщине:

— Что тут опасного?

— Не желаю, чтобы они меня увидели по телевизору, — опасливо оглядываясь, прошептала Марианна.

— Кто «они»?

Марианна нервно поежилась:

— Карл сотворил такое... словом, его за это и убили. А теперь наверняка постараются и меня убить. — Ее трясло от страха.

— Но что сделал Карл?

— О Боже, — застонала Марианна, — я умоляла его одуматься!

— О чем вы говорите?

— О письме. Он пытался вымогать деньги.

— Как?!

— Истинная правда! Карл был добрым богобоязненным человеком. Просто любил шикаровать, а на его жалованье не разгуляешься. Я не

сумела отговорить его. Из-за этого письма его стерли в порошок! Им ничего не стоило отыскать его, и они прекрасно знают, где живу я. Мне несдобровать. — Женщина зарыдала. — Теперь я не знаю, что делать.

— Расскажите о письме.

Марианна нерешительно ломала руки.

— Мой брат собирался уехать в отпуск, но забыл на работе куртку и поэтому вернулся в отель. Забрал куртку, сел в машину и уже хотел уехать, как вдруг дверь лифта открылась. Карл заметил, как оттуда вышел человек. Брат решил немного подождать и очень удивился, когда тот вернулся в лифт и протер кнопки. Тогда Карл не сообразил, что происходит, но на завтра прочел о гибели бедной девочки и понял, кто убийца. Тогда и послал письмо в Белый дом. Уверял, что мы сказочно разбогатеем.

— Белый дом? — медленно повторила Дейна.

— Именно.

— Но кому он послал письмо?

— Человеку, которого видел в гараже. Да вы знаете — тому, что с повязкой на глазу. Питеру Тейгеру.

ГЛАВА

22

С улицы в окна доносился шум, и обитатель кабинета потрянул головой, пытаясь сосредоточиться. Кажется, все обошлось, и он остался в стороне. Оливера Рассела арестуют за убийства, которых тот не совершал, а вице-президент Мелвин Уикс, занявший его место, станет послушной куклой сенатора Дэвиса. А он, Питер Тейгер, будет по-прежнему верно служить тому и другому.

Сегодня вечером состоится молитвенное собрание, где он собирается выступать. Собравшиеся обожают слушать его проповеди о религии и смирении.

Питер начал увлекаться девчонками лет с четырнадцати. Господь наградил его страстной натурой, но сначала Питер стеснялся выбитого глаза, считая, что теперь ни одна девушка не удостоит его вниманием. Однако, как ни странно, именно его физический недостаток притягивал

женщин, и все они почему-то были без ума от черной повязки. Кроме того, Господь одарил его красноречием, и подростку ничего не стоило уболтать любую девушку. Сколько их перебывало у него! Они занимались любовью на заднем сиденье машин, в амбарах, а если выпадала удача, даже в спальнях. К несчастью, вышло так, что одна неосторожная дурочка залетела от него, и Питер был вынужден жениться. Она родила ему двоих детей, но вместо того чтобы стать невыносимым ненавистным бременем, семья оказалась великолепным прикрытием для его походов. Питер действительно всерьез подумывал о карьере священнослужителя, но судьба свела его с сенатором Дэвисом, и жизнь круто переменялась. Теперь он обнаружил куда более широкое поле деятельности. Политику.

Тейгер продолжал гоняться за каждой юбкой, и вначале все шло как по маслу. Но тут приятель достал новый наркотик «экстази», и Питер предложил очередной любовнице, Лайзе Бернетт, прихожанке той же франкфортской церкви, испытать новые ощущения. Но очевидно, доза была слишком велика и девушка умерла. Ее тело нашли в реке Кентукки.

Следующей жертвой стала Мириам Фридленд, секретарь Оливера Рассела. Странно, ведь сам

Питер ничуть не пострадал! Конечно, Мириам виновата сама! Вероятно, сидела на «колесах», и «экстази» оказался последней каплей.

И наконец, бедняжка Хлоя Хьюстон. Питер столкнулся с ней в коридоре Белого дома, где девочка искала туалет. Она сразу узнала Тейгера и очень обрадовалась:

— Вы Питер Тейгер! Вас каждый день показывают по телевизору!

— Рад познакомиться. Могу я чем-то помочь?

— Не могу найти дамскую комнату, — призналась девочка.

Питеру она понравилась. Такая молоденькая и хорошенькая.

— Здесь нет общественных туалетов.

— Какой кошмар! Что же теперь делать?

Питер заговорщически улыбнулся:

— Кажется, я смогу вас выручить. Пойдемте.

Он провел Хлою наверх, в ванную, и подождал, пока та выйдет.

— Вы впервые в столице?

— Да.

— Хотите, покажу вам настоящий Вашингтон. Не тот, который обычно видят туристы?

Он чувствовал, что девушку тянет к нему, и не собирался упускать добычу.

— Я... конечно... если вам не слишком затруднительно...

— Для такой милой девушки я готов на все! И для начала поужинаем вместе!

— Неплохая мысль, — улыбнулась Хлоя.

— Обещаю, вы не соскучитесь. Только никому не говорите, хорошо? Пусть это останется нашим маленьким секретом.

— Обещаю.

— Сегодня в отеле «Монро Армз» совещание с российским правительством на высшем уровне.

Хлоя была явно подавлена значимостью своего собеседника.

— Может, тогда не стоит?

— Не волнуйтесь, я успею освободиться. Поужинаем в суперлюксе. Будьте в отеле к семи.

— Обязательно, — восторженно прошептала девочка.

Питер объяснил, как попасть в номер.

— Все очень просто. Только позвоните и дайте знать, когда будете там, хорошо?

Она так и сделала.

Сначала Хлоя смущалась и неловко сжималась от стыда, а когда Питер попытался обнять ее, отстранилась.

— Не нужно. Я... я еще девушка.

Это еще больше распалило его.

— Я не сделаю ничего против твоего желания, — заверил Питер. — Просто посидим и поболтаем.

— Вы обиделись?

— Нисколько, дорогая, — засмеялся он, сжимая ее руку. Он действительно больше не сделал попытки овладеть ею, но некоторое время спустя

достал пузырек жидкого «экстази» и разлил в два стакана.

— Что это? — удивилась Хлоя.

— Новый витаминный напиток. Попробуй, тебе понравится.

Оба шутливо чокнулись и дружно выпили.

— Вкусно, — удивилась Хлоя.

Через полчаса снадобье начало действовать, и теперь, когда он снова сжал Хлою в объятиях, девочка и не думала сопротивляться.

— Раздэнся, — велел он.

— Сейчас, — послушно кивнула Хлоя и направилась в ванную. Проводив ее глазами, Питер начал сбрасывать одежду. Несколько минут спустя Хлоя снова появилась в спальне совершенно обнаженная, и Питер жадно впился взглядом в юное гибкое тело. Как она прекрасна! Схватив Хлою, он бросил ее на постель и грубо, без ласк и нежных слов, взял ее. Хлоя действительно оказалась девственницей, но это еще больше возбуждало Питера, хотя в постели он предпочитал более опытных женщин.

Он снова потянулся к ней. Но Хлоя неожиданно села, схватившись за голову.

— Что с тобой, дорогая?

— Н-ничего... просто как-то не по себе.

Она сползла с кровати, держась за спинку:

— С-сейчас приду.

Хлоя сделала шаг, споткнулась и упала, ударившись виском об острый угол железного столика.

— Хлоя!

Питер вскочил и нагнулся над девушкой.

— Хлоя.

Пульса не было.

«О Господи, — думал он, — как ты мог сделать со мной такое? Но я не виноват! Она поскользнулась!»

Питер лихорадочно огляделся. Сейчас самое главное, чтобы ни одна живая душа не узнала, кто снял этот номер!

Он наспех оделся, намочил полотенце и начал вытирать все, чего мог касаться. Потом захватил сумочку Хлои, убедился, что больше ничего не оставил, и спустился на лифте в гараж. Хорошо еще, что догадался протереть кнопки лифта!

Когда полицейские задержали Пола Йерби, Питер, усмотрев в мальчишке угрозу, пустил в ход все свои связи, чтобы избавиться от него. Теперь никому в голову не придет заподозрить такого влиятельного человека, как Питер Тейгер, в гибели Хлои.

И тут пришло письмо. Какой-то шантажист выследил его! Вымогатель оказался Карлом Горманом, портье отеля. Питер, под предлогом необходимости защитить доброе имя президента, послал Сайма разобраться с ничтожным слизняком.

Кажется, он сумел предусмотреть все, но тут начал задавать вопросы Фрэнк Лонерган, так что волей-неволей пришлось заткнуть рот и ему. Цепочка все росла; одно преступление тянуло за собой другое.

Но теперь осталось только двое: Марианна Горман и Дейна Эванс. И Питер будет спасен.

Он уже отправил Сайма с приказом устранить обеих.

ГЛАВА

23

— Неужели не видели его? Тот, что с повязкой на глазу. Питер Тейгер. — повторила Марианна.

— Н-не может быть! — растерянно охнула Дейна. — Вы уверены?

— Ну... он ведь человек приметный, верно? Такого трудно не узнать.

— Мне нужно позвонить.

Дейна метнулась к телефону и набрала номер Мэтта. Ответила секретарь:

— Кабинет мистера Бейкера.

— Это Дейна. Соедините меня с мистером Бейкером. Это очень важно.

— Минуту.

В трубке раздался голос Мэтта:

— Дейна? Что-то случилось?

У девушки от волнения перехватило горло.

— Мэтт, — наконец выдавила она, — я только что узнала, кто был с Хлосей Хьюстон, когда та умирала.

— Нам уже все известно. Это был...

— Питер Тейгер.

— Что?! — завопил Мэтт.

— Я у сестры Карла Гормана, того портье, которого убили. Карл сидел в гараже и видел, как Тейгер стирал отпечатки пальцев с кнопок лифта как раз в ту ночь, когда убили Хлою. После Горман послал Тейгеру письмо с требованием денег, и, по всей вероятности, тот приказал его убить. У меня здесь съемочная бригада. Хочешь, я выйду в эфир прямо сейчас?

— Ничего не делай, — велел Мэтт. — Я посоветуюсь. Позвони через десять минут.

Он швырнул трубку и ринулся в «Белую Башню». Лесли оказалась на месте.

— Лесли, ни в коем случае нельзя печатать...

Она обернулась и показала ему макет заголовка:

ПРЕЗИДЕНТУ РАССЕЛУ ПРЕДЪЯВЛЕН
ОРДЕР НА АРЕСТ

— Взгляните на это, Мэтт! — возбужденно воскликнула она.

— Лесли, я кое-что узнал. Есть новости...

— Я не нуждаюсь в других новостях, — самодовольно ухмыльнулась Лесли. — Так и знала, что вы вернетесь. Не смогли удержаться, верно? Только дурак способен упустить такой лакомый кусочек! Вы нуждаетесь во мне, Мэтт. И никогда не сможете без меня обойтись.

Бейкер молча смотрел на Лесли, не в силах понять, какая трагедия так искалечила сердце и душу этой женщины. Что, если еще не поздно попытаться спасти ее?

— Лесли...

— Не стоит извиняться, Мэтт. И не смущайтесь — каждый может ошибиться, — снисходительно бросила она. — Что вы хотели сказать?

Мэтт печально покачал головой:

— Хотел попрощаться, Лесли.

Он решительно шагнул к двери.

ГЛАВА

24

— **Ч**то теперь будет со мной? — проныла Марианна Горман.

— Не волнуйтесь, — успокоила Дейна. — Полиция сумеет защитить вас. Постойте... кажется, придумала. Марианна, ваше интервью пойдет в прямом эфире, и я сама передам запись в ФБР, а вас немедленно увезу отсюда.

Снаружи послышался визг тормозов. Марианна поспешила к окну.

— О Боже!

— Что там?

Из машины, грузно ворочаясь, выбрался Сайм Ломбардо, посмотрел на окна и направился к дому.

— Э-это тот ч-человек, к-который наводил с-справки о Карле в тот день, когда его убили. Наверное, он и расправился с моим бедным братом!

Дейна дрожащими пальцами набрала номер.

— Кабинет мистера Хокинса.

— Надин, мне нужно с ним поговорить.

— Его нет. Вернется через...

— Тогда соедините с Нэтом Эриксоном.

385 Тонкий расчет

Нэт Эриксон, заместитель Хокинса, оказался на месте.

— Дейна?

— Нэт, мне нужна помощь, и как можно быстрее. Невероятная история! Такой сенсации у нас еще не бывало. Прошу немедленно дать мне прямой эфир.

— Без приказа Тома не могу, — отказался Эриксон.

— Послушай, речь идет о жизни и смерти! — взорвалась Дейна и, посмотрев в окно, увидела, как Сайм Ломбардо взбирается по ступеням крыльца.

Сидевший в фургоне Вернон Миллз нетерпеливо поглядел на часы:

— Черт возьми, собирается она брать это дурацкое интервью или нет?! У меня свидание.

— Нэт, да послушай же, нельзя терять ни минуты! Выводи меня в эфир. Ради Бога, иначе меня убьют!

Дейна швырнула трубку, рванулась к телевизору и переключила его на шестой канал. Там разворачивалась мыльная опера. Пожилой мужчина разговаривал с женщиной помоложе:

— Ты никогда не пыталась понять меня, Кристен!

— Наоборот, слишком хорошо понимаю! Именно поэтому и требую развода, Джордж!

— У тебя кто-то есть?

Дейна поспешила в спальню и включила еще один телевизор.

Сайм Ломбардо постучал в дверь.

— Не открывайте, — предупредила Дейна хозяйку, проверяя, работает ли микрофон. Стук превратился в грохот.

— Давайте выбираться отсюда, — прошептала Марианна. — Черным ходом.

В этот момент дверь подалась, и в комнату ввалился Сайм Ломбардо.

— А вот и вы, леди. Рад видеть вас обеих!

Дейна с отчаянием покосилась в сторону телевизора.

— Если в моей судьбе кто-то и появился, в этом виноват только ты, Джордж.

— Наверное, ты права, Кристен.

Сайм вытащил полуавтоматический пистолет двадцать второго калибра и начал навинчивать глушитель.

— Нет! — вскрикнула Дейна. — Вы не можете...

Сайм деловито поднял оружие:

— Заткнись! И валите в спальню!

— О Боже, — промямлила Марианна.

— Послушайте, — настаивала Дейна, — мы ни в чем...

— Говорю же, заглохни! И шевели подпорками! Дейна снова уставилась в телевизор.

— Но я верю, что еще не все потеряно, Кристен. Дай мне шанс! Не хочу терять то, что у нас было... и еще будет.

Те же голоса эхом отдавались в спальне.

— Ну же, сучки, давайте побыстрее! Покончим с этим раз и навсегда!

Но стоило охваченным ужасом женщинам нерешительно направиться в спальню, как на стоявшей в углу камере неожиданно загорелась красная лампочка. Джордж и Кристен мгновенно растаяли, и за кадром раздался голос диктора:

— Господа, мы прерываем показ фильма, чтобы передать крайне важное сообщение.

На экране тут же появилось изображение гостинной Горманов. На переднем фоне стояли Дейна и Марианна, позади — Сайм. Ломбардо на мгновение оцепенел, но тут же с ужасом воззрился на самого себя:

— Что... какого дьявола тут творится?

Операторы тоже заметили, что происходит.

— Вот это да, — удивился Вернон, — да мы в прямом эфире!

Дейна облегченно вздохнула, произнесла про себя короткую молитву и встала перед камерой:

— Говорит Дейна Эванс. Мы ведем репортаж из дома Карла Гормана, зверски убитого несколько дней назад. Нам удалось найти человека, имеющего прямое отношение к гибели Гормана. Итак, мистер, — обратилась она к Ломбардо, — не можете ли вы рассказать, как все происходило на самом деле?

Ломбардо, окаменев от ужаса, бросил взгляд на экран и нервно облизнул губы:

— Эй! — Его голос тут же прозвучал с экрана. — Что... это за фокусы? Какого черта вы...

— Ошибаетесь, это вовсе не фокусы. Просто мы в прямом эфире, и сейчас нас видят два миллиона людей.

Ломбардо поспешно сунул пистолет в карман. Дейна перевела взгляд с Марианны на киллера:

— Это ведь Питер Тейгер заказал убийство Карла Гормана, верно?

В кабинет Ника Риза влетел взбудораженный помощник:

— Быстро включай телевизор! Шестой канал!

И, не дожидаясь ответа, нажал на кнопку. Экран вспыхнул.

— Повторяю, это Тейгер приказал вам убить Карла Гормана?

— Не знаю, о чем вы тут толкуете! И выключите этот чертов телевизор, пока я...

— Пока вы что? Собираетесь прикончить нас перед всеми телезрителями?

— Иисусе! — взвыл Ник Риз. — Немедленно высылайте патрульные машины к дому Горманов!

Оливер и Джан, сидя в Голубой комнате, тоже потрясенно наблюдали за происходящим.

— Питер? — ошарашенно пробормотал Оливер. — Невероятно!

— Мистер Тейгер! — всполошилась секретарь, возникшая в кабинете. — По-моему, вам следует немедленно включить шестой канал.

Она как-то странно посмотрела на босса, прежде чем исчезнуть. Питер недоуменно поднял брови, взял пульт дистанционного управления и нажал кнопку. Телевизор ожил.

— ...а также причастен ли Питер Тейгер и к смерти Хлои Хьюстон? — допытывалась Дейна.

— Мне ничего об этом не известно. Спросите у него самого.

Питер впился в стеклянный глаз.

Этого просто не может быть! Господь не оставит меня!

Он вскочил и ринулся к двери.

Нельзя допустить, чтобы меня поймали. Нужно немедленно скрыться.

Но тут же внезапно обмяк и прислонился к стене.

Где? Где он может скрыться?

Питер медленно направился обратно к столу и рухнул в кресло. Ожидать неминуемого.

Лесли Стюарт в бешенстве стиснула кулаки.

Питер Тейгер? Нет, нет, нет!!!

Схватив трубку, она нажала клавишу:

— Лайл, немедленно отмените мой приказ! Этот репортаж не должен появиться! Слышите?

— Мисс Стюарт, — расстроенно ответил тот, — газета полчаса назад поступила в продажу. Вы сами велели...

Лесли медленно положила трубку и тупо уставилась на заголовок.

ОРДЕР НА АРЕСТ... ПРЕЗИДЕНТ РАССЕЛ...
ОБВИНЯЕТСЯ...

Женщина перевела взгляд на пожелтевшую газетную страницу, окантованную медной рамкой.

ДЬЮИ НАНОСИТ ПОРАЖЕНИЕ ТРУМЭНУ

— ...приобретете куда большую известность, чем сейчас, мисс Стюарт. Весь мир узнает ваше имя.

Завтра она станет посмешищем всего мира.

Сайм Ломбардо бросил последний отчаянный взгляд на свое изображение и пробормотал:

— Как хотите, а мне пора убраться отсюда.

Он распахнул дверь и замер. К дому, завывая сиренами, подлетели с полдюжины патрульных машин.

ГЛАВА

25

Джефф Коннорс вместе с Дейной встречали самолет Кемаля в международном аэропорту Далласа.

— Не представляешь, что ему пришлось пережить, — нервно шептала девушка. — Он... он не похож на других мальчишек. То есть я хочу сказать, не удивляйся, если он не захочет с тобой говорить и вообще не выкажет никаких эмоций.

Ей отчаянно хотелось, чтобы Джефф полюбил мальчика. Видя, как тревожится Дейна, Джефф погладил ее по плечу:

— Не стоит волноваться, дорогая. Мы с ним отлично поладим.

— Летит!

В небе показалась крошечная точка, которая все росла и росла, пока не превратилась в «Боинг-747». Дейна стиснула руку Джеффа.

— Наконец-то!

Она нетерпеливо вглядывалась в каждого пассажира и переминалась с ноги на ногу, готовая сорваться с места.

— Вот он!

Кемаль был одет в купленный ею костюм. Лицо чисто вымыто. В руках маленький сверток. Он медленно спускался по трапу и, увидев Дейну, остановился. Они молча, не шевелясь, смотрели друг на друга. Внезапно оба, не сговариваясь, сорвались с места. Дейна схватила мальчика, а тот крепко прижал ее к себе единственной рукой. Их слезы смешались.

— Добро пожаловать в Америку, Кемаль, — наконец вскрикнула Дейна.

Мальчик только кивнул. Говорить он не мог.

— Кемаль, познакомься с моим другом. Это Джефф Коннорс.

— Привет, Кемаль. Я много слышал о тебе.

Кемаль продолжал судорожно цепляться за Дейну.

— Ты будешь жить со мной, — объяснила девушка. — Хочешь?

Кемаль, по-прежнему не отпуская девушку, снова кивнул.

— Ну, вот и хорошо. А теперь нам пора. Я должна быть на пресс-конференции в Белом доме.

День выдался великолепным. С реки Потомак доносился прохладный ветерок, небо над Вашингтоном было глубокого синего цвета. Репортеры столпились в розарии, перед возвышением, на котором стояли президент и его жена.

— Я должен сделать важное заявление, — начал Оливер Рассел. — В настоящий момент в Вашингтоне проходит совещание глав Объединенных Арабских Эмиратов, Ливии, Ирана и Сирии. На повестке дня — вопрос о мирном договоре с Израилем. Сегодня мне сообщили, что собравшиеся вот-вот должны прийти к окончательному соглашению, и договор будет подписан в ближайшие дни. Поэтому нам крайне необходима поддержка конгресса Соединенных Штатов. Я прошу собравшихся выслушать сенатора Дэвиса.

Вперед выступил сенатор в своем традиционном белом костюме и такого же цвета широкополой шляпе.

— Это поистине исторический момент в жизни нашей великой страны, — с улыбкой заявил он. — Как вам известно, я много лет боролся за восстановление мирных отношений между Израилем и арабскими странами. Задача была не легкой и потребовала много времени, но теперь я счастлив видеть, что с помощью нашего замечательного президента усилия многих людей наконец увенчались успехом. Мы все поздравляем мистера президента с той прекрасной миссией, которую он взял на себя...

«Одна война подходит к концу, — думала Дейна. — Возможно, это только первый шаг, и

скоро мы станем жить в мире, где взрослые люди приучатся разрешать свои споры полубовно, не убивая друг друга, где дети смогут расти под звуки колыбельной, а не под взрывы бомб и свист пуль, без страха за свое будущее. Не боясь, что их превратят в калек и уродов».

Дейна чуть повернула голову и улыбнулась, видя, как Кемаль что-то взволнованно шепчет Джеффу. Вчера Джефф попросил Дейну стать его женой. У Кемалья будет отец. Они станут одной семьей. Столько счастья почти невозможно вынести.

Пресс-конференция подходила к концу. Оператор отвернулся от возвышения и направил камеру на Дейну. Та поднесла к губам микрофон:

— Говорит Дейна Эванс, WTE. Я веду репортаж из Вашингтона, округ Колумбия...

**По вопросам оптовой покупки книг
издательства АСТ обращаться по адресу:
Звездный бульвар, дом 21, 7-й этаж
Тел. 215-43-38, 215-01-01, 215-55-13**

**Книги издательства АСТ
можно заказать по адресу:
107140, Москва, а/я 140,
АСТ — «Книги по почте»**

Литературно-художественное издание

**Шелдон Сидни
Тонкий расчет**

**Художественный редактор О.Н.Адашкина
Компьютерный дизайн: А.А.Кудрявцев
Технический редактор Т.Н.Шарикова**

Подписано в печать с готовых диапозитивов 26.10.98. Формат
84×108¹/₃₂. Печать высокая с ФПФ. Бумага типографская.
Усл. печ. л. 21,84. Доп. тираж 10 000 экз. Заказ 1545.

Налоговая льгота — общероссийский классификатор продукции
ОК-00-93, том 2; 953000 — книги, брошюры.

ООО «Фирма «Издательство АСТ». Лицензия 06 ИР 000048
№ 03039 от 15.01.98. 366720, РФ, Республика Ингушетия,
г. Назрань, ул. Московская, 13а. Наши электронные адреса:
WWW.AST.RU. E-mail: AST@POSTMAN.RU

При участии ООО «Харвест». Лицензия ЛВ № 32 от 27.08.97.
220013, Минск, ул. Я. Коласа, 35-305.

Ордена Трудового Красного Знамени полиграфкомбинат ППП
им. Я. Коласа. 220005, Минск, ул. Красная, 23.

Качество печати соответствует качеству предоставленных изда-
тельством диапозитивов.

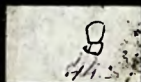

Сидни ШЕЛДОН

Сидни ШЕЛДОН (род. в 1917 г.) — один из популярнейших современных писателей. Он автор захватывающих романов, переведенных на 56 языков и ставших бестселлерами более чем в 100 странах.

Перу Сидни Шелдона принадлежит также более двадцати сценариев для фильмов и телевизионных сериалов, большинство из которых поставлено им самим. Он лауреат многих престижных национальных и международных премий. Журнал "Нью-Йоркер" называет его самым богатым писателем США.

*Гнев ангелов
Мельницы богов
Если наступит завтра
Пески времени
Сорвать маску
Интриганка
Узы крови
Звезды сияют с небес
Незнакомец в зеркале
Конец света
Оборотная сторона полуночи
Полночные воспоминания
Ничто не вечно
Утро, день, ночь
Тонкий расчет (новинка!)
... и новые бестселлеры*

ISBN 5-237-01482-8

9 785237 014822